

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 1 (49) • 2021

Научный журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 1900 г.

Возобновлён в 1994 г.

До 2011 года выходил
под названием «Известия
Восточного института
Дальневосточного
государственного
университета»

ISSN 2542-1611

Индекс 42398

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Позняк Т. З. Опыт легализации опиокурения
во Владивостоке в начале XX в. 6

ЛИНГВИСТИКА

- Осипова А. А., Чэнь Мэйфэн. Обращение в сказках
(на материале славянских и китайских сказок) 20

СОЦИУМ

- Сецко А. А., Танцура М. С. Проблемы цифровой
идентичности современной молодёжи на примере
студенческого сообщества ДВФУ 29

КУЛЬТУРА

- Вольф А. Е. К вопросу об исчезновении
ритуального каннибализма в военной культуре
коренных народов Западной Сибири 37

СИМПОЗИУМ

- Кузнецов А. М., Ильин М. В., Киреев А. А.,
Козинец А. И., Конончук Д. В., Крестинина А. М.,
Лебедева М. М., Лукин А. Л., Малявин В. В.,
Поповкин А. В., Цыганков П. А., Ячин С. Е. Что
такое пост/полидисциплинарная теория
международных отношений? 49

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- Пустовойт Е. В. Особенности подготовки
административных и научных кадров
в королевстве Рюкю в XVII – XVIII вв. 69
- Кутовая К. Р. Рынок недвижимости Республики
Корея: проблема высоких цен на жильё и меры
государственного регулирования 75
- Исмаилова А. Н., Золотухин И. Н. Направления
и динамика сотрудничества России и Вьетнама
в сфере добычи углеводородов на современном
этапе 82

АРХИВ

- Барбенко Я. А. Материалы обследования кафедры
китайского языка ДВГУ, декабрь 1935 – январь 1936
годов. Часть 1 89

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Ващук А. С., Волкова Е. С. Размышления
по итогам всероссийской научной конференции
с международным участием «Реформы конца XX –
начала XXI вв. на постсоветском пространстве:
региональный аспект» 114

- АВТОРАМ И ЧИТАТЕЛЯМ 130

Главный редактор А. А. Хаматова

Зам. главного редактора А. Л. Лукин

Ответственный редактор Я. А. Барбенко

Редакционная коллегия

Р. М. Азизян	В. Л. Ларин	З. Г. Прошина
Х. Араи	Г. Н. Ловцевич	Е. В. Пустовойт
А. Б. Волинчук	З. Ф. Моргун	С. В. Севастьянов
С. М. Дударёнок	О. В. Николаева	А. Г. Сторожук
А. А. Киреев	В. Д. Николаенко	Юйхуа Сунь
В. В. Кожевников	Е. А. Первушина	И. А. Толстокулаков
А. М. Кузнецов	С. К. Песцов	В. Фудзимото
В. И. Курилов	Е. А. Поправко	Е. С. Шереметьева

Подписка на журнал принимается во всех почтовых отделениях. Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге «Пресса России» (Том 1. Газеты и журналы). Подписной индекс журнала: **42398**.

Почтовый адрес редакции: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10. Редакция журнала «Известия Восточного института».

Фактический адрес: г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D (20), каб. D620.

Тел.: 8 (423) 223-00-21

Эл. почта: izvestyavi@yandex.ru

Сайт издания: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/ или <http://bit.ly/1g20Qsu>

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Качество печати иллюстраций соответствует качеству присланных авторами графических файлов.

Журнал распространяется на условиях лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

© Авторы, 2021

© Дальневосточный федеральный университет, 2021

ORIENTAL INSTITUTE JOURNAL

№ 1 (49) • 2021

Academic quarterly

Founded in 1900

Resumed in 1994

ISSN 2542-1611

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1>

CONTENTS

HISTORY

- Poznyak T. Z. The Experience of Legalizing Opioid Smoking in Vladivostok at the Beginning of the 20th Century
Full Russian text	6
English abstract etc.	18

LINGUISTICS

- Osipova A. A., Chen Meifeng. Address in Fairy Tales (Based on Slavic and Chinese Fairy Tales)
Full Russian text	20
English abstract etc.	27

SOCIETY

- Setsko A. A., Tantsura M. S. Problems of digital identity of modern youth on the example of the FEFU student community
Full Russian text	29
English abstract etc.	35

CULTURE STUDIES

- Volf A. E. On the Issue of the Disappearance of Ritual Cannibalism in the Military Culture of the Indigenous Peoples of Western Siberia
Full Russian text	37
English abstract etc.	47

SYMPOSIUM

- Kuznetsov A. M., Ilyin M. V., Kireev A. A., Kozinets A. I., Kononchuk D. V., Krestinina A. M., Lebedeva M. M., Lukin A. L., Malyavin V. V., Popovkin A. V., Tsygankov P. A., Yachin S. A. What is the Post/Polydisciplinary Theory of International Relations?
Full Russian text	49
English abstract etc.	66

ACADEMIC MESSAGES

- Pustovoit E. V. The Features of the Training of Administrative Staff and Scholars in the Ryukyu Kingdom in the 17th – 18th Centuries
Full Russian text	69
English abstract etc.	73
- Kutovaia K. R. Real estate market of the Republic of Korea: the problem of high housing prices and governmental measures
Full Russian text	75
English abstract etc.	80

Ismailova A. N., Zolotukhin I. N. Directions and Dynamics of cooperation between Russia and Vietnam in the Field of Hydrocarbon Production at the Present Stage	
Full Russian text	82
English abstract etc.	87

ARCHIVE

Barbenko Y. A. Materials of the Inspection of the Chinese Language Department of Far East State University, December 1935 – January 1936. Part 1	
Russian Notes	89
English Abstract	94
Primary Source.	96

ACADEMIC LIFE

Vashchuk A. S., Volkova E. S. Reflections on the results of the all-Russian scientific conference with international participation “Reforms of the late 20th – early 21st centuries in the post-Soviet space: regional aspect”	
Full Russian text	114
English abstract etc.	120

INFORMATION FOR CONTRIBUTORS AND READERS	130
---	-----

Editor-in-Chief: Anna A. Khamatova
Deputy Editor-in-Chief: Artyom L. Lukin
Secretary-in-Chief: Yaroslav A. Barbenko

Editorial Board:

Ruben M. Azizian	Viktor L. Larin	Zoya G. Proshina
Hirofumi Arai	Galina N. Lovtsevich	Evgeniy V. Pustovoyt
Andrey B. Volynchuk	Zoya F. Morgun	Sergey V. Sevastyanov
Svetlana M. Dudarenok	Olga V. Nikolaeva	Aleksandr G. Storozhuk
Anton A. Kireev	Valeriy D. Nikolaenko	Yuhua Sun
Vladimir V. Kozhevnikov	Elena A. Pervushina	Igor A. Tolstokulakov
Anatoliy M. Kuznetsov	Sergey K. Pestsov	Wakio Fujimoto
Vladimir I. Kurilov	Elena A. Popravko	Elena S. Sheremetyeva

English Editing: Viktoriya L. Zavyalova

Published on behalf of Oriental Institute–School of Regional and International Studies of the Far Eastern Federal University.

Editorial office post address: 10, Ajaks village, Russky Isl., Vladivostok, 690922, Russia.

Editorial office location: room D620, building D, FEFU Campus, Russky Isl., Vladivostok, Russia.

Tel.: +7 423 223-00-21

E-mail: izvestiyavi@yandex.ru

Web: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/Oriental_Institute_Journal/

Subscription is available only in Russia, but everyone has free access to the web version of OIJ, see information upward.

The viewpoints expressed in OIJ are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editorial board.

The quarterly is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

© Authors, 2021

© Far Eastern Federal University, 2021

ИСТОРИЯ

ПОЗНЯК Татьяна Зиновьевна,

канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).

Электронная почта: tzpoznyak@mail.ru

Опыт легализации опиокурения во Владивостоке в начале XX в.

УДК 947.084.34(571.6)

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/6-19>

*Дальний Восток,
Владивосток,
миграция,
китайские мигранты,
опиокурение,
полиция,
коррупция*

Статья посвящена одному эпизоду из истории длительной борьбы с опиокурением и китайскими притонами на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. Начиная с 1890-х годов представители местной власти и общественности неоднократно предлагали в качестве меры борьбы с притонами и взяточничеством полиции легализовать курение опиума. Единственными, кто попытался реализовать её на практике, были военный губернатор Приморской области и полицмейстер Владивостока. Однако ввиду непродолжительности указанного опыта инициаторам не удалось убедить вышестоящее начальство в его эффективности.

¹ Написание данного термина в статье приведено в соответствии с современными правилами орфографии, включая приведённые тексты источников, где в оригинале писалось «опиекурение».

Проблема тайных притонов в дальневосточных городах и борьба с ними неоднократно оказывалась в поле зрения региональной историографии, большинство исследований посвящены политике региональной администрации в отношении китайских мигрантов, их авторы анализируют различные аспекты бесконечной и часто не достигающей цели борьбы с производством и употреблением опиума в регионе [1; 2; 6; 7; 8; 12]. В ряде статей анализируются материалы расследований сращивания местной полиции с организованной китайской преступностью, и в некоторых из них фигурирует полицмейстер Владивостока Г. И. Лединг [2; 9; 10]. Однако рассматриваемый в статье опыт легализации опиокурения ещё не получил освещение в научной литературе.

Цель статьи – проанализировать один из неизвестных эпизодов борьбы региональной администрации с опиокурением¹ и китайскими притонами в дальневосточном регионе – попытку их легализации, сторонники этой идеи считали её эффективным способом искоренения взяточничества местной полиции и избавления от притонов.

Основным источником исследования выступает одно из дел фонда 702 «Приамурского генерал-губернатора» РГИА ДВ, где сосредоточена переписка канцелярии генерал-губернатора с военными губернаторами Амурской и Приморской областей, журналы совещаний, материалы ревизий, рапорты, протоколы дознания полиции. Собранные в деле разновременные документы (с 1890 по 1917 гг.) посвящены борьбе с производством и употреблением опиума (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока – далее РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. 237 л.).

Для цитирования:
Позняк Т. З. Опыт легализации опиокурения во Владивостоке в начале XX в. // Известия Восточного института. 2021. № 1. С. 6–19. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/6-19>

Главными действующими лицами в рассматриваемой истории выступают военный губернатор Приморской области Василий Егорович Флут, занимавший эту должность с 19 сентября 1905 г. до 1 января 1910 г. [4, с. 458–459] и полицмейстер г. Владивосток Генрих Иванович Лединг, назначенный исполнять должность высочайшим приказом от 26 июня 1906 г., и утверждённый в ней 8 февраля 1908 г. (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 670. Л. 193). Приамурским генерал-губернатором с 1905 по 1910 год был Павел Фёдорович Унтербергер. Необходимо заметить, что с приходом к власти в областях и генерал-губернаторстве новых лиц, борьба со старым злом – притонами в азиатских кварталах – обычно активизировалась, но часто без учёта опыта предшественников [12, с. 250–268].

На дело о легализации опиокурения во Владивостоке Приамурский генерал-губернатор вынужден был обратить внимание из-за жалобы китайцев на имя Председателя Совета министров П. А. Столыпина. В этом деле, как и в других подобных [10, с. 24–32], вырисовывается наличие в городе двух противоборствующих групп, назовём их условно: «группа китайцев из Харбина» – «противники легализации опиокурения», полицмейстер и китайцы – сторонники его легализации.

Борьба полиции с опиокурением и тайными притонами в дальневосточных городах осложнялась сплочённостью китайцев, их изощёрённостью в плане обхода законов, высокой доходностью данного промысла, а также взяточничеством представителей полиции. Главной проблемой с точки зрения региональной администрации был не вред здоровью китайцев и ущерб их благосостоянию от игровой и наркотической зависимости (хотя и это заботило российские власти), а падение нравов, развращение полиции, получавшей от «крышевания» тайных притонов нелегальные доходы, существование организованной преступности и соучастие в ней полиции и чиновников областной администрации [12, с. 267].

Особенности организации тайных притонов, затруднявшие борьбу полиции с ними, изложены, например, в рапорте помощника полицмейстера Владивостока Пестова от 12 апреля 1904 г. на имя ВГПО: «...опиокурильни и банковки во Владивостоке все переносные в особенности банковки. Содержатели квартир китайцы разрешают банковщику открыть игру у себя в помещении за плату от 70 коп. до 2 руб. в час в известное время дня или ночи, но не больше[,] как часа на 4, причем сторожа китайцы становятся по всем входам и на улице. В летнее время банковки устраиваются на кунгасах и шаландах, а так как особых сложных приспособлений игры в банковку и опиокурильни не представляют, плата же хозяину квартиры за несколько часов очень значительна, а игра продолжается всего несколько часов, то можно утвердительно сказать, что опиокурильни и банковки бывают во всех китайских помещениях всего Владивостока, а не специальных отдельных домах. Китайцы[,] поигравши часа два в одном доме, переходят сейчас в другой, это делается для скрытия игры, а также для сбора новых игроков, при том проигравшие китайцы глубоко уверены, что с переходом их в другое помещение, счастье им улыбнется и они выиграют. Всем банковщикам китайские купцы, содержатели харчевен очень оказывают особое покровительство, по той причине, что китайцы на свои трудовые деньги ничего не покупают, а на выигранные деньги смотрят, как на средство доставления себе всевозможных удовольствий...» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 68–68об.).

Существование притонов опиокурения, нелегальной проституции, азартных игр на дальневосточной окраине Российской империи не было секретом ни для полиции, ни для общественности. В даль-

невосточных городах борьба с ними сводилась к полицейским облавам, выявлению и закрытию притонов. На пойманных нарушителей составляли протоколы, которые передавались мировым судьям, виновные несли наказание по ст. ст. 46, 106 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, а предметы опиокурения уничтожались. Задержанные в ходе облав китайцы после суда по постановлениям военного губернатора как порочные иностранцы в административном порядке высылались на родину. Результативности этой борьбы мешало множество обстоятельств: на месте преступления часто задерживали не содержателей притонов, а посетителей, содержатели же уходили от ответственности, и притон продолжал существовать; если же наказанию подвергался владелец, то небольшие штрафы при высокой доходности промысла были не слишком обременительны для него; мировые суды были загружены работой и дела нарушителей рассматривались медленно; высланные на родину «порочные иностранцы» через некоторое время вновь оказывались на российской территории и пр. [3, с. 121–123; 12, с. 262–263].

Первоначально военный губернатор В. Е. Флуг и полицмейстер Г. И. Лединг пытались внедрить запретительные способы борьбы с притонами, в частности, предлагали генерал-губернатору привлекать к ответственности за нарушения домовладельцев, в домах которых полиция обнаруживала притоны, а не только притоносодержателей и задержанных на месте преступления опиокурильщиков и, главное, настаивали, что делать это необходимо в административном, а не судебном порядке. В письме от 4 декабря 1906 г. В. Е. Флуг писал: «Несмотря на предпринимаемые до сих пор меры к обнаружению и искоренению запрещенных азартных игр между проживающими во Владивостоке китайцами, игорные дома, в которых скрывается самый неблагонадежный китайский элемент и которые служат не редко главным центром притона китайских разбойников (хунхузов), все-таки существуют в весьма значительном числе. Обыкновенно содержатели подобных игорных домов, для скрытия запрещенных азартных игр, меняют дома, перенося игру то в одно, то в другое место кварталов китайского населения и если, не смотря на это, все-таки попадают в руки полиции, то отделяются незначительным денежным взысканием не свыше 50 руб., налагаемым на них приговорами Мировых Судей, заплатить которые для содержателя игорного дома или устроителя игры ничего не значит в виду выгоды предприятия, покрывающего с избытком подобные расходы». Флуг сообщил также о просьбе полицмейстера издать обязательное постановление, которое бы вводило ответственность «домовладельцев и квартирохозяев г. Владивостока» и обязывало их «не допускать в своих домах и квартирах ни игры в банк, ни опиокурения», а в случае нарушения «виновных привлекать строгой ответственности в административном порядке» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 86–86об.).

Однако П. Ф. Унтербергер в ответном письме от 16 декабря 1906 г. не согласился с предложением В. Е. Флуга, полагая издание такого постановления «рискованным», поскольку эта мера предоставит «склонным к злоупотреблениям чинам низшей городской полиции широкий простор для всякого рода произвола по отношению к домовладельцам и квартирнанимателям из китайцев...». Он настаивал, что более целесообразно оставить в силе действующий порядок

привлечения виновных в допущении в своих домах и квартирах недозволенных игр и опиокурения к судебной ответственности, нацелив все усилия полиции к обнаружению и закрытию всякого рола притонов в среде китайского населения» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 89–90об.).

Новый виток переписки между генерал-губернатором и военным губернатором Приморской области произошёл в начале 1908 г. и был вызван самовольным решением губернатора и полицмейстера легализовать опиокурильни.

В декабре 1907 г. несколько «представителей китайского населения Харбина» написали прошение на имя Председателя Совета Министров П. А. Столыпина. Это письмо достойно длинной цитаты: «Около трех лет тому назад Китайская Императрица, усматривая, что курение опиума (опия) приносит громадный вред населению, издала Высочайший Указ, коим воспретила своим подданным курить опий. В начале текущего года этот указ был подтвержден и в настоящее время в Китае как правительственные чиновники, так и весь китайский народ перестали курить опий, ибо за курение опиия там строго преследуют; в Китае в настоящее время разрешается курить опий только старикам старше 50 лет. Воспрещение курить опий принесло громадную пользу всему китайскому народу, т. к. количество преступлений уменьшилось, уменьшилось количество лиц неспособных к труду и уничтожился непроизводительный расход на покупку опиия. Около двух месяцев назад Приморский Военный Губернатор генерал-майор Флут и Владивостокский Полицмейстер ротмистр Лединг разрешили китайцам И-фу-тинъ, Лю-ды-е, Чи-шен-де и Ян-ши-лоу открыто содержать в г. Владивостоке опиокурильни для китайцев, а также и продавать опий с тем условием, чтобы каждый из указанных китайцев ежемесячно уплачивал в доход русского правительства по 500 руб. в мес., такое разрешение г. полицмейстер Лединг оправдывает тем, что русскому правительству в настоящее время сильно нужны деньги и поэтому только оно разрешает содержать опиокурильни, а раньше запрещало курение опиия потому, что не нужно было денег. С момента разрешения в г. Владивостоке опиокурения в Харбин стали приезжать китайцы, которые втянувшись в опиокурение в г. Владивостоке и за невозможностью достать опиия в Харбине, падают и умирают. Вред[,] происходящий от курения опиия[,] может объяснить каждый врач: если опиокурильщик сразу прекратит курения опиия, то он умрет, отучить же от курения опиия, возможно только в течение продолжительного времени, постепенно уменьшая порцию опиия. Из этого видно, что Владивостокская администрация, разрешая в Владивостоке устройство опиокурilen, тем самым[,] во-первых, как бы издевается над Высочайшим Указом Китайской ИМПЕРАТРИЦЫ[,] коим в Китае воспрещено курение опиума, а во вторых[,] отравляет опиём китайское население г. Владивостока и делает его негодным к труду и проч. На основании изложенного просим распоряжения Вашего Высочайшего превосходительства: 1) немедленно закрыть в г. Владивостоке все опиокурильни, открытые губернатором Флутом и полицмейстером Ледингом; если же действительно русское правительство так страшно нуждается в деньгах, что вынуждено даже идти на такие поступки, как открытие опиокурilen, то мы, нижеподписавшиеся, соглашаемся ту сумму денег, которую дают опиокурильни, вносить

² В документе сохранены все выделения, но исправлены грамматические и пунктуационные ошибки.

³ «Лю-бо-чин-на, Лю-шин-цзя, Ван-фань-ю, Ян-шин-ты, Чоу-ю-чина, Пи-хоки, Ли-мен-чу, Ко-шо-кю, Лю-хо, Ци-хун-пина, Чжою-до-хо, Чин-шу-дзю, Джоу-ты-конь и Джан-ту-юань». Написание китайских имён приведено как в тексте источника.

ежемесячно в доход русской казны из собственных средств[,] только бы опиокурилен не существовало[,] и 2) привлечь к ответственности губернатора Флуга и полицмейстера Лединга за издевательство над ВЫСОЧАЙШИМИ указами Китайской ИМПЕРАТРИЦЫ и за отравление китайского населения опиём. г. Харбин, __декабря 1907 года» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 100об.-101)².

Жалоба китайцев Харбина, как и практика «писем во власть» вообще, являлась типичной для того времени. Такие письма поступали в разные инстанции и от русских, и от китайцев, и широко использовались не только в поисках справедливости, но и для сведения счетов с конкурентами. Как и в других подобных делах, невозможно достоверно определить мотивы, жалоба могла быть написана либо китайцами, действительно заинтересованными в искоренении опиокурения, либо некой группой содержателей опиокурилен и связанных с ними представителей полиции, которые были недовольны установлением монополии, контролируемой Ледингом.

Обращение китайцев из Харбина в высшие эшелоны российской власти не могло остаться без внимания. 8 февраля 1908 г. Приамурскому генерал-губернатору был послан запрос из Управления Главного врачебного инспектора МВД, имеет ли вышеуказанное заявление от представителей китайского населения Харбина о разрешенных «будто бы военным губернатором Приморской области к открытию в г. Владивостоке опиокурильных ... фактическое основание». В утвердительном случае ему было рекомендовано распорядиться «о немедленном закрытии курилен опия, как не предусмотренных законом и вредных для здоровья населения» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 96).

4 марта 1908 г. правитель канцелярии генерал-губернатора К. А. Лакшевиц послал военному губернатору (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 97), и 2 апреля 1908 г. В. Е. Флут ответил, что «...указанная мера была принята с моего ведома, в виде опыта; побудило же меня к допущению ее, глубокое убеждение, основанное на двухлетнем опыте и знании истории вопроса, что борьба обыкновенными средствами со злом опиокурения среди китайцев не дает решительно никаких результатов, кроме разращения чуть ли не всего состава полиции» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 98). К письму он приложил копию секретного рапорта № 129 Владивостокского полицмейстера Г. И. Лединга от 25 марта 1908 г. В рапорте полицмейстер приводил губернатору доводы, объяснявшие необходимость такого экстраординарного решения, и его видение ситуации борьбы с тайными притонами в городе.

Как же и почему произошла легализации опиокурилен по версии Г. И. Лединга?

8 сентября 1907 г. ему поступило прошение 14 китайских подданных, проживавших во Владивостоке³. Приведем его текст почти полностью: «Нам также хорошо известно, как и Вашему Высокоблагородию, что в городе существует много опиумокурилен ... и что опиумокурение весьма распространено между китайским населением города. Видим мы также бесплодную по результатам борьбу полиции с этим злом, т. к. число опиумокурилен в городе не уменьшается. Происходит это, по нашему глубокому убеждению от того, что с одной стороны численный состав городской полиции недостаточен и кроме того он,

будучи занят исполнением прямых своих обязанностей по надзору за внешним порядком и спокойствием, не имеет возможности делать частые и тщательные обыски по многочисленным домам, занимаемым китайцами с целью обнаружения принадлежностей опиумокурения и самого опиума, а с другой стороны у китайцев содержателей опиумокурилен существует организованный надзор по охранению спокойного процветания опиумокурения в их притонах. Обыкновенно результаты внезапных и ночных обысков полиции выражается тем, что посетители опиумокурильни, почему либо не успевшие своевременно убежать, задерживаются и подвергаются высылке из города по протоколам полиции, как содержатели опиумокурилен, между тем действительные хозяева таковых ещё ни разу не были задержаны полицией, а потому и оставались безнаказанными, а найденные полицией опиумокурильня через 2–3 дня вновь начинает функционировать. Мы полагаем, что Ваша осведомленность по этому делу не дает Вам возможности отрицать действительную бесплодность борьбы с опиумокурением тем порядком каким эта борьба ведется в настоящее время, а потому не желая оставаться простыми, сторонними зрителями наказания совершенно неповинных китайцев, приобретших пагубную страсть и являющегося последствием ошибочного преследования содержателей опиумокурилен, и вместе с тем руководствуясь соображением, чтобы изданный в нашей империи закон об уничтожении опиумокурения достиг в г. Владивостоке в наивозможно кратчайший срок своей цели, т. к. мы сознаем твердо весь вред приносимый этим злом нашему бедному населению в городе, мы, нижеподписавшиеся, обращаемся к Вашему Высокоблагородию с настоящим прошением.

Идя на встречу Вам, мы просим дать нам срок для полного уничтожения опиумокурения в г. Владивостоке среди столь многочисленного китайского населения, для чего мы и предлагаем наш план действия на Ваше благоусмотрение и, если Вы признаете его подходящим, то просим одобрить его и допустить приводить его в исполнение под Вашим руководством и наблюдением. Мы берем на себя труд зарегистрировать в весьма непродолжительное время опиумокурильни в городе и список этот представить Вам с обозначением имен хозяев опиумокурилен с тем, чтобы содержание таковых не преследовалось полицией в течение шести месяцев, т. к. известно, что для того, чтобы отучить себя от пагубной привычки опиумокурения, надо время для постепенного уменьшения дозы. Дальше мы беремся следить за тем, чтобы незарегистрированные, тайные опиумокурильни были немедленно Вашим распоряжением, по Вашему указанию, закрыты, с хозяевами же их, если они окажутся ослушниками, было бы поступлено по закону (выслать из города). От нас не скроется ни одна тайная опиумокурильня, так как каждый из нас будет иметь определенный район наблюдения. Борясь с тайными опиумокурильнями для их закрытия, мы вместе с тем будем принимать меры к тому, чтобы и число зарегистрированных опиумокурилен постепенно уменьшалось. За вышеуказанный срок мы достигнем того, что к концу срока в городе не останется ни одной опиумокурильни, а попытка к открытию таковой будет нами своевременно предупреждена. Кроме того, на случай, если бы Вы, по истечении этого срока, обнаружили, хотя бы одну опиумокурильню, мы дадим Вам подписку в принятии на себя ответственности как личной, т. е. Вы вольны будете всех нас выслать из

города с передачею нашим властям для поступления с нами по закону, так и материальной, т. к. Вы вольны будете наложить на нас штраф в определенной сумме и за взысканием этой суммы отвечаем круговую друг за друга порукою. Деньги эти поступят в Ваше распоряжение» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 102–103).

Нельзя достоверно утверждать, что инициатива легализации опиокурива действительно исходила от китайцев, стилистика прошения и используемые аргументы присутствуют и в обращениях полицмейстера в вышестоящие инстанции и в других документах, составляемых представителями региональной власти, поэтому нельзя исключать предварительную взаимную договорённость китайцев и полицмейстера. Многочисленные примеры сговоров китайцев и русских, когда за прошениями и жалобами китайцев стояли русские приставы, чиновники или частные поверенные, свидетельствуют, что и данное прошение могло быть написано по подсказке. Хотя возможно и обратное: китайцы действительно выступили инициаторами, а прошение по их просьбе написано кем-либо из местных так называемых «адвокатов». Написание различных заявлений, судебных прошений по просьбе неграмотных или малограмотных слоёв населения было обычной практикой в Российской империи, и на Дальнем Востоке в том числе [5, с. 173–174; 10, с. 28; 11, с. 38–70; 13, с. 134–161]. Но и в этом случае истинной причиной могло быть желание не отучить постепенно китайцев от опиокурива и закрыть притоны, а получить монополию на их содержание и избежать при этом преследования со стороны полиции.

12 сентября 1907 г. полицмейстер обратился с рапортом к губернатору, в котором писал, что признаёт «...относительную справедливость изложенных в прошении китайцев обстоятельств» и полагает возможным с ведома губернатора «допустить к осуществлению предлагаемый способ китайцами для полного и скорейшего уничтожения опиокурива в городе...». Главная причина отсутствия результатов в борьбе с опиокуривом, по мнению полицмейстера, заключалась в том, что «запрещения и преследования мерами административными подобных явлений, как опиокурив, распространяющееся здесь целыми десятилетиями, влекут за собою преступное обогащение тех лиц, коим поручается непосредственное преследование этих явлений». Он писал: «...слишком большой соблазн для таких лиц, как околоточные и городовые, скоро обогатиться и легким способом заработать лишний рубль или десять и в большинстве случаев оставаться безнаказанными. От приставов мне приходилось слышать жалобы на околоточных надзирателей в том, что они, для осуществления моих постоянных требований о скорейшем прекращении опиокурива в городе, не встречают поддержки со стороны околоточных, а эти последние жалуются на покровительство городских тем китайцам, которые дают городovým рубли, а вследствие сего и на плохие результаты обысков при пособничестве таких помощников. За одно это, по подозрению, без фактических данных преследовать и удалять со службы чинов полиции, я считаю невозможным, так как уверен, что вновь принятые чины не избегнут этого же соблазна, а между тем старые имеют за собою опыт и навык по исполнению вполне успешным способом других своих обязанностей, а также более или менее достаточное знакомство с городом говоря вообще...» (РГИА ДВ. Ф. 702.

Оп. 3. Д. 151. Л. 103–104). Лединг предлагал временно в виде опыта легализовать опиокурительни обещал принять «меры к тому, чтобы через 6 мес. в городе действительно не было опиокурительни» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 103–104). Из вышеприведенного письма Флуга от 3 апреля 1908 г. Унтербергеру мы видим, что губернатор дал санкцию на эту меру.

27 сентября 1907 г. китайцами был составлен список из 247 опиумокурительни, подлежащих легализации, составлен порядок их закрытия и дана подписка: «Мы, нижеподписавшиеся, держатели опиумокурительни в г. Владивостоке ... даем настоящую подписку г ну полицмейстеру в том, что подробно означенные в особом списке опиумокурительни, существующие в настоящее время в количестве 247, при постепенном ежемесячном закрытии 1/6 части всего первоначального количества, т. е. по 41 ежемесячно, будут к концу шестимесячного срока, считая с 1 октября 1907 г. т. е. не позже 1 апреля 1908 г. все до единой закрыты. Если же после означенного срока полицией будет обнаружена хотя бы одна опиумокурительня, то мы подвергаемся самой строгой ответственности... В точном исполнении нами этой подписки мы ручаемся круговую друг за друга порукою» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 104об.–106).

Владельцами легализованных опиокурительни из этого списка были те самые 14 китайцев, написавших прошение полицмейстеру 8 сентября 1907 г. В архивном деле сохранились два списка: согласно первому: из 247 заведений 5 находились в Матросской слободке, 55 – в Корейской, 187 – в районе Миллионки (3 полицейская часть), согласно второму – 177 заведений располагались в Миллионке, 31 – в Матросской слободке, 39 – в Корейской (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 105–106).

19 октября 1907 г. полицмейстер приказал приставам 1, 2 и 3 части проверить подведомственные территории и закрыть притоны, не входившие в список. В инструкции приставам он детально объяснил мотивы и суть принятых решений и предупредил об ответственности лиц, уличенных в поборах. В заключение инструкции он писал: «... Все опиокурительни, которые не попали в список, подлежат немедленному закрытию, а хозяева их будут высланы из пределов края. Зарегистрированные же опиокурительни обозначены номерами и разделены на шесть равных частей для постепенного их закрытия; каждая очередная часть закрывается по истечении месяца и, таким образом выйдет, что к 1 апреля 1908 г. все опиокурительни будут закрыты, так сказать, самими хозяевами опиокурительни...». Наблюдение за порядком их закрытия полицмейстер возложил на китайскую полицию во главе с околоточным надзирателем Потаповым или его заместителем; остальные чины полиции должны были оказывать им полное содействие в достижении указанной цели. Лединг сообщил также полицейским, что у хозяев опиокурительни «отобраны подписки в строгом соблюдении ими порядка закрытия опиокурительни и в принятии ими самых энергичных мер чрез своих агентов к обнаружению тайных (незарегистрированных) опиокурительни и к указанию хозяев таковых». Если же после 1 го апреля 1908 г. будет обнаружена в городе хотя одна опиокурительня, указанные хозяева будут нести «ответственность по всей строгости закона». «Строгим и беспощадным образом» полицмейстер обещал преследовать и «всякие поборы с опиокурительни».

как чинами полиции, так и различными китайскими переводчиками и сборщиками якобы для должностных лиц», «уличенные в поборах и вымогательстве будут предаваться суду» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 107–107об.).

3 ноября 1907 г. по окончании первого месяца эксперимента околоточный надзиратель Потапов со вверенной ему китайской полицией проверил, закрылись ли они и их соответствие ранее заявленному списку. Оказалось, что китайцы не исполнили условия договора и закрыли не те заведения, которые обещали. Более того, они начали просить разрешения закрывать заведения не в соответствии со списком, а в ином порядке, но обязались за семь дней до контрольной даты предоставлять список закрываемых заведений, и полицмейстер пошёл им навстречу. 4–5 ноября Потапов вновь произвёл проверку и убедился, что договоренное количество опиокурилен было закрыто (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 108–109).

Однако опыт не был доведён до конца в силу независящих от полицмейстера обстоятельств. С объявлением крепости на осадном положении в связи с революционными событиями Комендант Владивостокской крепости В. А. Ирман 6 ноября 1907 г. издал обязательное постановление № 6 о запрете содержания опиокурилен в городе (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 100). Владельцы легализованных опиокурилен вынуждены были закрыть (или только отпортовали полицмейстеру о закрытии) своих заведений. При этом они попытались застраховаться от ответственности за выявленные тайные притоны, которые, надо полагать, продолжали функционировать в городе, несмотря на все договорённости. В прошении полицмейстеру от 9 ноября 1907 г. они писали: «Согласно объявления обязательного постановления г. Коменданта Владивостокской крепости от 6 сего ноября за № 6, мы положительно все свои опиокурильни прекратили и производить не будем, а в случае где в бывших на них помещёниях опиокурилен будут обнаружены опиокурильни, то это будут не от нашего имени, а от имени других лиц и мы не должны привлекаться к ответственности хотя другие с корыстной целью и укажут на наши имена, так как из нас никто производить не будет в действительности и просим таким заявителям не верить...» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 109).

Когда же в начале 1908 г. возникла переписка по жалобе «китайцев Харбина» Лединг в секретном рапорте губернатору от 25 марта 1908 г. № 129 подробно изложил все обстоятельства эксперимента по легализации опиокурения в городе, его причины и своё мнение о том, что на самом деле двигало заявителями – «китайцами из Харбина». Полицмейстер писал: «...я руководился отнюдь не соображением сделать опиокурение не преследуемым и дозволенным, а только поставить курение опия китайцами под свой непосредственный контроль и дать возможность лицам, привыкшим к курению, постепенно отвыкнуть от этой страсти. Вместе с тем я сразу ставил предел и конец всяким со стороны недобросовестных чинов полиции поборам с тайных для меня, но явных для них опиокурилен. За такой радикальный прием, не нравящийся подчиненным мне чинам полиции, а также целой плеяде разных тунеядцев как русских, так и китайцев, по преимуществу знающих русский язык и каким то необъяснимым образом имеющих в руках своих визитные карточки весьма разноо-

бразных должностных лиц в городе и действующих от имени последних, лишившимся сразу своих легких доходов, которые установились здесь чуть ли не годами, посыпались самые различные доносы на меня в различные учреждения и должностным лицам, обвиняющие меня в каких-то с китайцами сделках нечистоплотного характера. Могу только одно сказать, что все эти доносы и клязусы хорошо известны Вашему Превосходительству. Смею надеяться, вы дали должную оценку им. К таким же клязузам, без сомнения, надо отнести по своему содержанию и по форме заявление якобы представителей китайского населения в Харбине на имя его Высокопревосходительства г. Председателя Комитета Министров⁴. По содержанию заявление это – клязуза, потому что никаких сборов с опиокурлен я не произвожу, а напротив того без пощады преследовал и угрожал отдачей под суд уличенных в поборах; равным образом не давал разрешения на открытие опиокурлен от своего имени, а тем более от имени Вашего Превосходительства...» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 98об.–100).

О результатах переписки по заявлению китайцев из Харбина с военным губернатором вр. и. о. Приамурского генерал-губернатора Н. Н. Мартос 23 апреля 1908 г. (№ 3758) сообщил Министру внутренних дел с препровождением отзыва В. Е. Флуга от 2 апреля 1908 г. № 481 и возвращением жалобы (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 110–110об.).

Ещё один рапорт, где излагались обстоятельства рассматриваемого эксперимента, был написан Г. И. Ледингом позднее и в связи с другими обстоятельствами. В феврале 1909 г. в Шанхае планировалось провести международную комиссию (конференцию) по обсуждению мер борьбы с распространением наркотиков. Подготовка к этому мероприятию вызвала очередной подъём интереса к проблеме опиокурения и виток переписки между правительством, дипломатами и региональной администрацией. МВД и Российский императорский генеральный консул в Шанхае попросили Приамурского генерал-губернатора предоставить сведения о производстве опиума, опиокурении и борьбе с ним в пределах подведомственной территории. 17 января 1909 г. канцелярия генерал-губернатора отослала соответствующий запрос военному губернатору Приморской области, который 22 января послал таковой же полицмейстеру Владивостока.

«Экстренный» рапорт полицмейстера от 28 января 1909 г. № 2395 губернатору был ответом на этот запрос. В нём Г. И. Лединг выразил убежденность, что «вышеуказанный опыт, доведенный до конца, дал бы вполне удовлетворительные результаты, т. е. после прошествия 6 ти месяцев в городе не существовало бы ни одной опиокурильни и оставалось тогда только иметь наблюдение со стороны администрации, чтобы опиокурильни не открывались бы вновь, что при содействии китайского общества не составило бы особых затруднений». Он также очередной раз высказал мнение, что для достижения благоприятных результатов борьбу с опиокурением «нужно вести самым беспощадным образом, т. е. накладывать самые суровые судебные или административные взыскания на лиц, обличенных в содержании опиокурлен, продавцов разного рода принадлежностей к опиокурению и самих курильщиков опиума», а также «всех лиц прямо или косвенно уличенных в покровительстве опиокурению, как-то: домов-

⁴ Так должность названа в тексте источника, в действительности Председатель Совета министров.

ладельцев и их квартиронанимателей и служащих при опиокурильнях...» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 118–119об.).

Накануне завершения своей службы в Приморской области В. Е. Флуг в секретном представлении от 27 ноября 1909 г. № 361 на имя генерал-губернатора сделал последнюю попытку убедить его в пользе легализации опиокурилен и банковок в целях борьбы с коррупцией полиции, при этом предложив «обложить его высоким акцизом, что, удорожая его стоимость, сделало бы его в тоже время менее доступным для широких слоев китайского населения». По мнению губернатора, «главным препятствием для успеха борьбы несомненно служит несочувствие к ней широких слоев китайского населения, а отчасти и сплоченность притоносодержателей, отсутствие надежных переводчиков и недостаточные штаты полиции, чины коей фактически не могут уследить за изнанкою жизни многотысячного китайского населения. Несомненно, что во многих случаях имеет значение и корыстолюбие низших чинов полиции...». Он писал, что опыт четырехлетнего управления областью, убедил его, «что при тех средствах, которыми ныне располагает областная администрация, борьба с указанными язвами в жизни китайцев является совершенно непосильной. Между тем, нельзя и мириться с таким положением дела, которое является постоянным подрывом нашего государственного престижа среди иностранцев и источником развращения нравов нашей полиции и некоторой части русского населения» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 708. Л. 3–4об.).

Главный вопрос, который невозможно прояснить однозначно при анализе материалов данного дела, – это действительные мотивы участников эксперимента по легализации опиокурения во Владивостоке. Как и во всех остальных делах с участием китайцев и полиции вырисовывается присутствие двух заинтересованных сторон, каждая из которых настаивает на праведности своих мотивов и корысти другой стороны. Одна сторона, названная нами условно «Китайцы из Харбина», настаивает, что Лединг, разрешив открыто содержать в г. Владивостоке опиокурильни, тем самым отравляет китайцев, главным же мотивом его является увеличение «доходов русского правительства». При этом возможным скрытым мотивом письма является введенная Ледингом монополия на опиокурение и потеря доходов другими китайцами и стоящими за ними полицейскими чинами. Китайцы из Харбина фактически обвиняют полицмейстера, что он пошёл по тому же пути, что и П. В. Шкуркин, который обещал (или якобы обещал) держателям тайных притонов легализовать бизнес за 12 тыс. руб. [10, с. 26–27]. Лединг на практике легализовал опиокурение, и невозможно поручиться, что за этим не стоял его сговор с китайцами – держателями опиокурилен с целью монополизации «нелегального бизнеса» и концентрации большей части доходов в руках ограниченной части китайской верхушки и получения полицмейстером «больших откатов». Другая сторона – Лединг и связанные с ним китайцы – настаивала, что их усилия направлены лишь на постепенное избавление китайцев от наркотической зависимости и полное искоренение в городе опиокурения, а главное, взяточничества полиции. Ведь наличие тайных притонов служило почвой для постоянного мздоимства околоточных и городских, очистить же ряды

полиции было нерешаемой задачей, ибо на место одних мздоимцев приходили другие.

Опыт легализации был кратковременным и потому недостаточным для оценки его эффективности для борьбы с опиокурением и взяточничеством полиции. Он был прекращен по независящим от участников обстоятельствам – по решению коменданта крепости, но полицмейстер и военный губернатор были убеждены в его результативности. В. Е. Флуг и Г. И. Лединг были сторонниками ужесточения наказания и привлечения к ответственности за содержание притонов не только содержателей таковых, но и домовладельцев и арендаторов зданий, в которых таковые были найдены полицией, – наложение штрафов или заключение под арест в отношении русских подданных, иностранцев же кроме того необходимо было подвергать высылке на родину. Однако в тот момент Приамурский генерал-губернатор не согласился с ними, и они на свой страх и риск пошли на такой экстраординарный шаг.

Литература

1. Буяков А. М. Наркобизнес в Приморье и на Дальнем Востоке России: исторический экскурс в проблему // Записки Общества изучения Амурского края. Владивосток, 1992. Т. 28. С. 61–69.
2. Буяков А. М., Буяков О. А. Китайская полиция во Владивостоке в начале XX в. // Записки Общества изучения Амурского края. Владивосток, 2000. Т. 34. С. 69–79.
3. Граве В. В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье // Труды Амурской экспедиции. СПб., 1912. Вып. 11. 480 с.
4. Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. М.: МВД России, 2003. 479 с.
5. Крестьянников Е. А. «Подпольная адвокатура» и консультации поверенных в дореволюционной России: из сибирского опыта // Российская история. 2010. № 4. С. 167–177.
6. Нестерова Е. И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004. 372 с.
7. Синиченко В. В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2003. 192 с.
8. Сорокина Т. Н. «Взаимное соглашение о спирте и опиуме»: опыт совместной борьбы России и Китая с контрабандой в начале XX в. // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Сб. науч. ст. / Науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 229–251.
9. Позняк Т. З. Китайские иммигранты и коррумпированность чиновников на российском Дальнем Востоке в начале XX века // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 3. С. 80–89.
10. Позняк Т. З. «Культурные брокеры» и межкультурное взаимодействие в пространстве трансграничья во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Восточного института. 2016. № 2 (30). С. 21–33.
11. Позняк Т. З. «Русская полиция в погоне за китайским рублем»: история о том, как отставной полицейский боролся с мздоимством полиции и китайскими притонами в Благовещенске (1914 год) // Новый исторический вестник. 2018. № 1 (55). С. 38–70.
12. Позняк Т. З. Борьба региональной администрации с опиокурением на российском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. и изучение опыта стран Восточной и Юго-Восточной Азии // Актуальные проблемы изучения истории стран АТР в XIX – XXI вв. Вып. III. Сб. науч. ст. Хабаровск, 2019. С. 249–269.
13. Шахерова С. Л. Дореволюционная адвокатура Восточной Сибири (1885–1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2001. 346 с.

Tatiana Z. POZNYAK,

Ph. D. (in History), Senior Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS (Vladivostok, Russia).

E-mail: tzpoznyak@mail.ru

The Experience of Legalizing Opioid Smoking in Vladivostok at the Beginning of the 20th Century

UDC 947.084.34(571.6)

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/6-19>

*Far East,
Vladivostok,
migration,
Chinese migrants,
opioid smoking,
police,
corruption*

The article is devoted to one episode from the history of the long struggle against opioid smoking and secret Chinese dens in the Russian Far East in the second half of the 19th – early 20th centuries. Representatives of the authorities and society proposed various ways to solve the problem, but the fight against opioid smoking was not effective. Some representatives of the regional administration and the public saw one of the ways to solve the problem of brothels in the legalization of opiocules and gambling houses. Supporters of the idea of legalizing opioid smoking considered it a panacea for bribery of local police, merging it with organized Chinese crime and a way to get rid of dens. Military Governor of the Primorsky Krai and Chief of Police of Vladivostok were not the pioneers, proposing in 1907 to legalize opiokurilnye (opium smokehouses), but they were the only authorities in the pre-revolutionary period who implemented such a method of fighting secret dens in practice, albeit for a short time.

For citation: Poznyak T. Z. The Experience of Legalizing Opioid Smoking in Vladivostok at the Beginning of the 20th Century // Oriental Institute Journal. 2021. № 1. P. 6–19. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/6-19>

References

1. Buyakov A. M. Narkobiznes v Primor'e i na Dal'nem Vostoke Rossii: istoricheskij ehkurs v problemu // Zapiski Obshhestva izucheniya Amurskogo kraja. Vladivostok, 1992. T. 28. S. 61–69.
2. Buyakov A. M., Buyakov O. A. Kitajskaya politiya vo Vladivostoke v nachale XX v. // Zapiski Obshhestva izucheniya Amurskogo kraja. Vladivostok, 2000. T. 34. S. 69–79.
3. Grave V. V. Kitajtsy, korejtsy i yapontsy v Priamur'e // Trudy Amurskoj ehkspeditsii. SPb., 1912. Vyp. 11. 480 s.
4. Gubernii Rossijskoj imperii. Istoriya i rukovoditeli. 1708–1917. M.: MVD Rossii, 2003. 479 s.
5. Krest'yannikov E. A. «Podpol'naya advokatura» i konsul'tatsii poverennykh v dorevoljutsionnoj Rossii: iz sibirskogo opyta // Rossijskaya istoriya. 2010. № 4. S. 167–177.
6. Nesterova E. I. Russkaya administratsiya i kitajskie migranty na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.). Vladivostok: Izd-vo DVGU, 2004. 372 s.
7. Sinichenko V. V. Pravonarusheniya inostrantsev na vostoke Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov. Irkutsk: Vostochno-Sibirskij institut MVD Rossii, 2003. 192 s.
8. Sorokina T. N. «Vzaimnoe soglasenie o spirte i opiume»: opyt sovmestnoj bor'by Rossii i Kitaya s kontrabandoy v nachale XX v. // Migratsii i diaspor v sotsiokul'turnom, politicheskom i ehkonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov. Sb. nauch. st. / Nauch. red. V. I. Dyatlov. Irkutsk: Ottisk, 2010. S. 229–

251.

9. Poznyak T. Z. Kitajskie immigranty i korrumpirovannost' chinovnikov na rossijskom Dal'nem Vostoke v nachale XX veka // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2011. № 3. S. 80–89.

10. Poznyak T. Z. «Kul'turnye brokery» i mezhkul'turnoe vzaimodejstvie v prostranstve transgranich'ya vo vtoroj polovine XIX–nachale XX v. // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2016. № 2 (30). S. 21–33.

11. Poznyak T. Z. «Russkaya politsiya v pogone za kitajskim rublem»: istoriya o tom, kak otstavnoj politsejskij borolsya s mzdoimstvom politsii i kitajskimi pritonami

v Blagoveshhynske (1914 god) // Novyj istoricheskij vestnik. 2018. № 1 (55). S. 38–70.

12. Poznyak T. Z. Bor'ba regional'noj administratsii s opiekurenim na rossijskom Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv. i izuchenie opyta stran Vostochnoj i YUgo-Vostochnoj Azii // Aktual'nye problemy izucheniya istorii stran ATR v XIX – XXI vv. Vyp. III. Sb. nauch. st. Khabarovsk, 2019. S. 249–269.

13. SHakherova S. L. Dorevolyutsionnaya advokatura Vostochnoj Sibiri (1885–1917 gg.): Dis. ... kand. ist. nauk. Irkutsk, 2001. 346 s.

ЛИНГВИСТИКА

ОСИПОВА Анастасия Александровна,

канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток).

Электронная почта: osipova.aa@dvfu.ru

ЧЭНЬ Мэйфэн,

студентка магистратуры по программе «Филология. Русский язык как иностранный» Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток).

Электронная почта: chen.me@students.dvfu.ru

Обращение в сказках (на материале славянских и китайских сказок)

УДК 81+811.161.1+811.581+398.21 DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/20-28>

*обращение,
синтаксис,
синтаксическая модель,
функционирование
обращений,
сказка*

Данная работа посвящена анализу особенностей структуры и функционирования обращений в славянских (русских, украинских, белорусских, польских, словенских, хорватских, чешских) и китайских сказках. Установлено 7 структурных (синтаксических) моделей обращения в текстах славянских сказок и 4 – в текстах китайских народных произведений. Выявлена доминирующая в обоих типах источников синтаксическая модель – N (имя существительное). Рассмотрена связь выполняемых обращениями функций и жанрового характера исследуемых текстов.

В процессе общения коммуниканты повсеместно используют обращения, служащие для называния и привлечения внимания собеседника. При этом языковые (семантические, структурные) особенности реализации используемого обращения, как правило, выражают отношение говорящего к окружающим, маркируя и характер связи между ними. Как фольклорный жанр сказка повествует в том числе и о необычных приключениях персонажей, взаимодействующих между собой, что обуславливает распространённость обращений в подобных текстах. Сказки представляют такую модель реального мира, в которой добро всегда побеждает зло, и, читая или слушая эти тексты, дети получают навыки взаимодействия с действительностью и окружающими их людьми. В сказочных сюжетах присутствуют как положительные, так и отрицательные персонажи, в связи с чем обращения не только называют адресата речи, но и дают ему характеристику, выражают отношение к нему и говорящего (персонажа), и автора, повышая общую выразительность речи. Интерес представляет возможность сравнить структуру и функционирование обращений в текстах сказок разных народов мира, что способствует выявлению культурно обусловленной специфики этого явления. Известно, что традиции выбора формы обращения отличаются в разных языках и культурах [15, с. 37]. Обращение, исследуемое в пространстве сказок, принадлежащих славянским и китайской культурам, языки которых не являются близкородственными и обнаруживают массу различий, представляет со-

Для цитирования:

Осипова А. А., Чэнь Мэй-фэн. Обращение в сказках (на материале славянских и китайских сказок) // Известия Восточного института. 2021. № 1. С. 20–28. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/20-28>

бой актуальный в настоящее время предмет исследования.

Материалом для анализа послужили 3 русские сказки («Сказка о лягушке и богатыре», «Медное, серебряное и золотое царства», «Ведьма и Солнцева сестра»), 3 украинские сказки («Телесик», «Иван Голык», «Про богатыря Сверхдуба»), 3 белорусские сказки («Вдовый сын», «Покатигорошек», «Трем-сын безымянный»), 3 польские сказки («О прекрасной Елене», «Конь, волк, петух, кот и рак», «Лежебока»), 3 словенские сказки («Что посеешь, то и пожнешь», «О волке и старой собаке», «Сын рыбака»), 1 хорватская сказка («Чудесный висячий замок»), 3 чешские сказки («Путь к счастью», «Краконош, дух гор», «Золотой ключ») [14], а также 3 китайские сказки («鼯鼠の月亮河» – «Крот на реке Луны», «真假小白兔» – «Настоящий белый кролик», «稻草人» – «Путало») [5]. Всего был проанализирован 21 текст сказок. Количество исследуемых единиц (обращений) в славянских сказках – 163 употребления, в китайских сказках – 46 употреблений.

По данным Толкового словаря А. П. Евгеньевой, одно из значений понятия «обращение» следующее: это «слово или группа слов, называющие лицо, предмет, к которому обращаются с речью» [3, с. 563]. На письме оно обычно выделяется запятыми или восклицательным знаком. Обращение является также лингвистическим термином, и в специализированных словарях О. С. Ахмановой и В. Н. Ярцевой обращение определяется как «употребление существительных, местоимений, субстантивированных прилагательных или словосочетаний для называния лиц или предметов, к которым обращена речь; синтаксически обращения обычно оформляются сверхсегментными (просодическими) средствами» [1, с. 276; 19, с. 266].

Рассматривая функции обращения, Н. И. Формановская отмечает, что «в коммуникативных процессах обращение – одна из частотных единиц общения, а именно адресации, несущая важнейшую контактоустанавливающую функцию» [17, с. 83]. Основными считаются номинативная (выделение адресата) и вокативная (привлечение внимания) функции; они могут сочетаться с социально-регулятивной, или этикетной (обозначение статуса коммуникантов, степени их близости, характера их взаимоотношений), эмоционально-экспрессивной (выражение эмоций) и оценочно-характеризующей функциями (квалификация адресата) [6, с. 74–75].

Обращение становилось предметом интереса многих российских исследователей, занимающихся проблемами грамматики русского языка. Так, по мнению А. М. Пешковского, обращение – это именительный падеж существительного, обозначающий лицо или предмет, к которому обращаются с речью [10, с. 407]. Основной смысл этой формы – побудительный, то есть говорящий хочет побудить слушающего слушать, обратить его внимание на свою речь. Автор отмечает, что в разговорной речи эта функция тесно переплетается с функцией квалификации самого слушателя. А. А. Шахматов писал о том, что вне предложения, но часто в самом его составе, находится так называемое обращение. В современном русском языке обращение выражается формой именительного падежа, а в древнем языке оно выражалось звательным падежом [18, с. 163]. Авторы Русской грамматики 1980 г. отмечают, что обращение в предложение может быть введено как грамматически ни от чего не зависящая словоформа, называющая того, к кому обращена речь. Такой формой обычно является существительное или прилагательное в именительном падеже, одно или с зависящими от него словами [13, с. 650]. В работах В. В. Бабайцевой обращение понимается как «слово (или сочетание слов), называющее

того, к кому (чему) обращаются с речью. Оно имеет форму именительного падежа и произносится с особой, звательной интонацией» [2, с. 164]. А. Ф. Прияткина указывает на своеобразие рассматриваемой синтаксической конструкции, на наличие у неё противоречивых признаков, которые затрудняют определение её статуса. Автор указывает на наличие у обращения двух видов функций – первичной (функция адресации речи) и нескольких вторичных, дополнительных (характеризации и номинации предмета речи) [10, с. 164–165].

Как правило, типичным языковым воплощением обращения являются существительные в именительном падеже, которые могут сочетаться с квалифицирующим элементом, выраженным, например, именем прилагательным. Лексическую же базу для образования обращений, по данным Н. И. Формановской, составляют «обширные лексико-грамматические группы наименований родства, собственных имён, кличек, прозвищ» [17, с. 87]. Однако возможности языковой реализации обращений шире: М. М. Ултургашева на материале русского языка (текстов русской литературы разных периодов) предложила следующую классификацию синтаксических моделей:

- ◆ N + A (существительное + прилагательное);
- ◆ N + A + Pron (существительное + прилагательное + местоимение);
- ◆ N + Pron (существительное + местоимение);
- ◆ Pron (местоимение);
- ◆ A (прилагательное);
- ◆ A + Pron (прилагательное + местоимение);
- ◆ N + J (существительное + междометие);
- ◆ N (существительное) + частица;
- ◆ N (существительное) + предлог;
- ◆ N (существительное) + A (прилагательное) + предлог [16].

Обратимся к характеристике жанра сказки, которая является одним из основных видов устного народного творчества; сказка имеет необычное, фантастическое, чудесное содержание в бытовой жизни. Она передаётся из поколения в поколение исключительно путём устной передачи [12, с. 24]. Исследователями обычно выделяется три типа сказки: сказки о животных, волшебные и бытовые сказки. Смысл сказок о животных состоял прежде всего в передаче молодым людям жизненного опыта и знаний о животном мире. В качестве главных героев выступают звери, птицы, рыбы, а также предметы, растения и явления природы [12, с. 351]. Бытовые сказки – это сказки, в которых все действие происходит в обычных жизненных условиях и ситуациях. В бытовых сказках выражен взгляд на человека и окружающий его мир. В основе их вымысла лежат не чудеса, а действительность, народный повседневный быт [4, с. 157]. Волшебные сказки составляют отдельную группу текстов с набором отличительных черт: характерными сюжетами, типичными мотивами, закономерностями сюжета, особыми героями и элементами повествования [12, с. 194]. В нашем материале представлены сказки всех вышеуказанных типов.

Обращение достаточно часто встречается в сказках разных народов мира, что связано с такой характеристикой этого жанра, как диалогичность. Например, отмечает Ю. Ю. Мариничева, в сказках о животных диалоги персонажей составляют от 70 до 90% от общего речевого объёма произведения, так как герои постоянно разговаривают между собой, а их действия совершаются посредством речи [9,

с. 6]. Полагаем, что данные выводы справедливы и для бытовых, и для волшебных сказок, персонажи которых непрерывно находятся во взаимодействии и обращаются друг к другу.

Т. В. Краюшкина, рассматривая физиологию и психологию персонажей русских народных волшебных сказок, анализирует и обращения как самое популярное речевое средство выражения эмоций, встречающееся в текстах произведений этого жанра. Автор выделяет положительные, отрицательные и нейтральные обращения; при этом последние средством выражения эмоций не являются [7, с. 119–120]. В сказках положительные обращения могут указывать на половые, возрастные, социальные (статус) характеристики адресата, на его местожительство, на наличие у говорящего родственных связей с собеседником. Отрицательные обращения встречаются реже и маркируют такие качества адресата, как глупость, старость, наличие отрицательных моральных качеств [7, с. 122].

В настоящей работе, опираясь на представленную выше классификацию синтаксических моделей, мы выделили 7 структурных групп обращений на материале русских сказок. На материале китайских сказок было выделено 4 структурные группы. Приведём результаты анализа обращений в текстах сказок в виде таблицы (табл. 1).

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что модель N (существительное) наиболее распространена в обоих типах источника материала, что связано с природой имени существительного – центральной части речи, которая обозначает предмет и имеет признаки одушевлённости или неодушевлённости, называет вещи, предметы, людей, животных. Свойства существительного полностью отвечают одной из основных задач обращения – называть собеседника. На втором месте по количеству употреблений находится модель A + N, в которую, кроме основного, входит также квалифицирующий компонент, выраженный именем прилагательным (*милый, добрый, мудрый, дорогой*). Т. В. Краюшкина подобные структуры относит к группе положительных обращений, подчёркивающих ценность того персонажа, к которому обращаются [7, с. 123]. Частотность данной модели обусловлена тем, что задача сказителя – не только назвать персонажа, но и дать ему некоторую оценку. Отметим, что таким образом в нашем материале выражается только положительная оценка (*славный молодец, добрый друг, дорогой воробей*), в то время как отрицательная характеристика героя заключается непосредственно в семантике его имени (прозвища); последнее в функции обращения выступает в виде однокомпонентной модели N: *Добрый день, Обжора! Ну иди, Дурачина*. В текстах сказок обеих культур встречаются модели с междометиями, придающими обращению дополнительную эмоциональную окраску (*ох, ах, эх*) или служащими дополнительным средством привлечения внимания собеседника (*эй*). В китайских сказках мы не обнаружили моделей обращения N + Pron, A + Pron + N, N + N, что, на наш взгляд, связано с особенностями китайской культуры. Известно, что восточный тип мировосприятия отличается некоторой степенью закрытости: его представители склонны скрывать свои истинные чувства от окружающих, по причине чего им не вполне свойственно использовать обращения с компонентами *мой, милый мой*.

Модели обращения N + Pron, A + Pron + N маркируют неформальность отношений и высокую степень близости между собеседника-

	Синтаксическая модель	Языковая реализация синтаксической модели	
		в славянских сказках	в китайских сказках
1	N	Матушка , чего ты нынче Пооди, Лежебока , принеси Что тебе угодно, господин? Человечек! Не трать времени Оленка, Оленка , отопри!	妈妈 , 米加是我们这里的丑小鸭吗? Мама , Мига – это наш гадкий утёнок? 好的, 爸爸 , 我们会的. Хорошо, папа , мы будем делать怎么了? 孩子们? Что произошло? Дети?
2	A + N	Милые дети , садитесь на коней Тогда ты, милый волчок , меня донеси Спасибо, мудрая старушка...	亲爱的麻雀 , 我很想把我的快乐和你们分享一下. Дорогой Воробей , я очень хочу поделиться своим счастьем с вами. 我说, 老朋友 , 你现Я сказал, старый друг , можешь ли ты
3	Pron + N	С добрым утром, ваша милость! Не плачь, мой князь...	我的主人 , 你不要去呀! Моя госпожа , не уходите! 你怎么啦? 我的孩子 . Что с тобой? Мой ребёнок .
4	J + N J + A + N	Ах, сынок , видела я во сне... Ох, сынок, сынок . Чем будем её кормить Эх, хозяин , в последний раз ты Ах , так ты здесь, вдовый сын	哦, 爸爸 , 爸爸回家. Ох, папа , папа вернулся домой. 啊, 米加! Ах, Мига! 嗨, 三哥! Эй, младший брат!
5	N + Pron	Господин наш , мы замок принесли Это ж я тебя, сын мой	X
6	A + Pron + N	Жена моя милая , отпусти А хлеб-то, сыны мои милые , но-нешним летом скупо уродился Конь мой добрый, конь мой милый!	X
7	N + N	Баба Каргота , давай ещё пива! Куда ты, Трем-сын , идёшь, куда путь держишь? Здравствуй, кит-рыба! Иван Голык! Прости меня и помилуй!	X

Табл. 1. Языковая реализация синтаксических моделей обращения в текстах славянских и китайских сказок. Источник: составлена автором.

ми (родственниками, супругами, близкими друзьями), но всё же их нельзя отнести к современным практикам привлечения внимания собеседника. В целом обращения, имеющие в составе квалифицирующие компоненты и выполняющие вторичную, характеризующую, функцию, присущи художественным текстам с высокой степенью выразительности речи героев [10, с. 167]. Китайцы с целью показать близкие отношения в обращении повторяют имя (либо часть имени) собеседника. Например, если человека зовут Chen Mei Feng, то к нему можно обратиться *Fengfeng*, два раза повторив вторую часть имени. Ласковое обращение к младшему в китайском языке может строиться

по модели 小 (xiǎo) + имя (часть имени), например *Xiao Feng* (дословно «маленькая Фэнь»).

Рассматривая вопрос о месте обращения в предложении, мы выяснили, что оно может располагаться вне структуры предложения (явление невключаемости в текст) или быть его частью. Во втором случае выделяются позиции начала (препозиция), середины (интерпозиция) и конца предложения (постпозиция) [17, с. 85]. В текстах как славянских, так и китайских сказок доминируют обращения в препозиции, что связано с его основной функцией – привлечь внимание собеседника. Также в редких случаях обращения не включены в состав предложения, занимая позицию вне структуры, например: *Человечек! Не трать времени; 啊·米加! 三哥惊讶得又从烟囱里跌进了屋子. (Ах, Мига! Третий брат был удивлен и упал через трубу в дом).*

В проанализированном материале 137 примеров обращений представлены однокомпонентным нераспространённым обращением (*матушка, сынок, братцы, бабушка, Лежебока, Дурачина, папа, дети, луна, Мига*), 74 единицы представлены структурами, дополненными другими существительными, прилагательными, местоимениями и междометиями (*Иван Голык, добрый батюшка, моя госпожа, ох сынок*). Вероятно, однокомпонентные обращения легко привлекают внимание, экономят время, адресат может быстро его понять, так как в повседневной жизни, существованию в которой обучают сказки, зовущий обычно прямо называет имя собеседника, без дополнения его другими элементами. Распространённые обращения используются в ситуациях характеристики персонажей, например, для выражения отношения к адресату, подчёркивания его статуса, демонстрации различных эмоций.

Анализируя функционирование обращений в текстах славянских и китайских сказок, мы пришли к выводу, что основные – номинативная и вокативная – функции практически всегда сочетаются с социально-регулятивной, эмоционально-экспрессивной или оценочно-характеризующей. Так, часто встречающиеся в славянских сказках обращения *князь, царь, государь, госпожа, барин, хозяин* характеризуют социальный статус адресата, *кузнец* – его профессиональную принадлежность, *купеческий сын, вдовый сын* – происхождение, *дед, бабушка, дедушка, мама, брат* – степень родства.

В сказках рассматриваемых культур эмоционально-экспрессивная и оценочно-характеризующая функции обращений проявляются в употреблении существительных с оценочным значением (*лежебока, обжора, дурачина, малыш*), сочетании основного компонента с квалифицирующим прилагательным (*милый, милостивый, добрый, славный, дорогой, старый, окаянный, нечистый*), сочетании с междометиями (*ах, ох, эх, эй*).

Только в славянских сказках обращения могут выражаться с помощью единиц, образованных при помощи уменьшительно-ласкательных и уничижительно-пренебрежительных суффиксов –к– (*бабка, Оленка*), –ушк– (*матушка, хозяйюшка*), –еньк– (*душенька*), –ек– (*сыночек, куманёк*). Отсутствие такой возможности в китайском языке объясняется его принадлежностью к группе языков изолирующего типа, которые характеризуются отсутствием форм словоизменения, грамматической значимостью порядка слов, крайне малым количеством словообразующих аффиксов [8, с. 12].

Итак, мы рассмотрели структуру обращений в славянских и китайских сказках, а также особенности их функционирования. Анализ материала позволил выделить 7 групп структурных моделей обращений в славянских сказках и 4 группы в китайских сказках. И в тех, и в других текстах доминирует модель N (существительное), что связано с основной функцией обращения – номинативной. В фольклорных произведениях широко представлена реализация вспомогательных функций обращения (эмоционально-экспрессивной, оценочно-характеризующей и социально-регулятивной), поскольку жанр сказки отличается образностью, назидательностью, построен на основе бытовой жизни человека.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 569 с.
2. Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Учеб. для студентов. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1987. 256 с.
3. Евгеньева А. П. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Институт лингвистических исследований. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, 1999. Т. 2. 736 с.
4. Зуева Т. В., Кирдан Б. П. Русский фольклор: Учебник для высших учебных заведений. М.: Флинта: наука, 2002. 400 с.
5. Китайские сказки URL: http://tool.xdf.cn/th/result_rtongtonghuaguashi.html (дата обращения: 01.12.2020).
6. Краюшкина Т. В. Обращения и наименования как средства выражения эмоций (на материале русских народных волшебных сказок Сибири и Дальнего Востока) // Вестник ЧГПУ. 2010. с. 247–255.
7. Краюшкина Т. В. Физиология и психология персонажей русских народных волшебных сказок. Владивосток: Дальнаука, 2011. 258 с.
8. Макк Е. Китайский язык: точки опоры. М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2020. 239 с.
9. Мариничева Ю. Ю. Русские сказки о животных: историография, сюжеты и персонажи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 17 с.
10. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
11. Прияткина А. Ф. Синтаксис осложнённого предложения. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.
12. Пропп В. Я. Русская сказка. Научная редакция. М.: Лабиринт, 2000. 413 с.
13. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 710 с.
14. Славянские сказки: Сборник / Сост. Ю. М. Медведева. Нижний Новгород: «Русский купец», 1991. 320 с.
15. Стернин И. А. Русский речевой этикет. Воронеж, 1996. 73 с.
16. Ултургашева М. М. Обращение и формально-сходные с ним конструкции в современном русском языке // Молодежь и наука: сб. мат-лов X Юбил. Всерос. науч.-техн. конф. студ., асп. и мол. учёных с междунар. участием, посв. 80-летию образования Красноярского края. Красноярск: Сибирский фед. ун-т, 2014. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2014/directions.html> (дата обращения: 01.12.2020).
17. Формановская Н. И. Обращение с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода // Специализированный вестник КрасГУ. 2000. Вып. 11. С. 83–88.
18. Шахматов А. А., Клобукова Е. В., Историна Е. С. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
19. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Рос. Энцикл., 2002. 709 с.

Anastasia A. OSIPOVA,

Ph. D. (in Philology), Assistant Professor, Russian as Foreign Department, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: osipova.aa@dvfu.ru

CHEN Meifeng,

Graduate Student, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail chen.me@students.dvfu.ru

Address in Fairy Tales (Based on Slavic and Chinese Fairy Tales)

UDC 81+811.161.1+811.581+398.21 DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/20-28>

The article is devoted to the analysis of the structural and functioning features of addresses in Slavic (Russian, Ukrainian, Belarusian, Polish, Slovenian, Croatian, Czech) and Chinese fairy tales. The use of this category of texts as research material is, firstly, due to the presence in them of a pronounced cultural component, which influences the choice of the form of address, and secondly, to their dialogic nature. The article based on Russian classical and modern linguistic works considers the concept of address; possible structural models for the implementation of addresses, and the functions they perform are indicated. The paper reveals 7 structural (syntactic) models of addresses in the texts of Slavic fairy tales and 4 – in the texts of Chinese folk works. The dominating in both types of sources syntactic model – N (noun) is specified. The connection between the functions of addresses and the genre character of the studied texts is considered.

Address, syntax, syntactic models, functioning of addresses, fairy tale

For citation: Osipova A. A., Chen Meifeng. Address in Fairy Tales (Based on Slavic and Chinese Fairy Tales) // Oriental Institute Journal. 2021. № 1. P. 20–28. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/20-28>

References

1. Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Izd. 2-e, stereotipnoe. M.: EHditorial URSS, 2004. 569 s.
2. Babajtseva V. V., Maksimov L. Yu. Sovremennyy russkiy yazyk. Ucheb. dlya studentov. 2-e izd., pererab. M.: Prosveshchenie, 1987. 256 s.
3. Evgen'eva A. P. Slovar' russkogo yazyka: V 4-x t. / PAH, Institut lingvisticheskikh issledovaniy. 4-e izd., ster. M.: Russkiy yazyk, 1999. T. 2. 736 s.
4. Zueva T. V., Kirdan B. P. Russkiy fol'klor: Uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedenij. M.: Flinta: nauka, 2002. 400 s.
5. Kitajskie skazki URL: http://tool.xdf.cn/th/result_rtongtonghuagushi.html (data obrashheniya: 01.12.2020).
6. Krayushkina T. V. Obrashheniya i naimenovaniya kak sredstva vyrazheniya eh Motsij (na materiale russkikh narodnykh volshebnykh skazok Sibiri i Dal'nego Vostoka) // Vestnik CHGPU. 2010. s. 247–255.
7. Krayushkina T. V. Fiziologiya i psikhologiya personazhej russkikh narodnykh volshebnykh skazok. Vladivostok: Dal'nauka, 2011. 258 s.
8. Makk E. Kitajskiy yazyk: tochki opory. M.: OOO Mezhdunarodnaya izdatel'skaya kompaniya «SHans», 2020. 239 s.
9. Marinicheva Yu. Yu. Russkie skazki o zhivotnykh: istoriografiya, syuzhety i personazhi: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2012. 17 s.

10. Peshkovskij A. M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2001. 544 s.
11. Priyatkina A. F. Sintaksis oslozhnyonnogo predlozheniya. M.: Vysshaya shkola, 1990. 176 s.
12. Propp V. Ya. Russkaya skazka. Nauchnaya redaktsiya. M.: Labirint, 2000. 413 s.
13. Russkaya grammatika. T. 2. Sintaksis / Gl. red. N. Yu. SHvedova. M.: Nauka, 1980. 710 s.
14. Slavyanskije skazki: Sbornik / Sost. Yu. M. Medvedeva. Nizhnij Novgorod: «Russkij kupets», 1991. 320 s.
15. Sternin I. A. Russkij rechevoj ehtiket. Voronezh, 1996. 73 s.
16. Ulturgasheva M. M. Obrashhenie i formal'no-skhodnye s nim konstruksii v sovremennom russkom yazyke // Molodezh' i nauka: sb. mat-lov KH YUbil. Vseros. nauch.-tekhn. konf. stud., asp. i mol. uchyonykh s mezhdunar. uchastiem, posv. 80-letiyu obrazovaniya Krasnoyarskogo kraja. Krasnoyarsk: Sibirskij fed. un-t, 2014. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2014/directions.html> (data obrashheniya: 01.12.2020).
17. Formanovskaya N. I. Obrashhenie s tochki zreniya kommunikativno-pragmaticheskogo podkhoda // Spetsializirovannyj vestnik KrasGU. 2000. Vyp. 11. S. 83–88.
18. SHakhmatov A. A., Klobukova E. V., Istorina E. S. Sintaksis russkogo yazyka. 3-e izd. M.: EHditorial URSS, 2001. 624 s.
19. YArtseva V. N. Lingvisticheskij ehntsiklopedicheskij slovar'. M.: Bol'shaya Ros. EHntsikl., 2002. 709 s.

СЕЦКО Александра Александровна,

студентка бакалавриата по направлению подготовки «Политология» Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток).

Электронная почта: setcko.aa@students.dvfu.ru

ТАНЦУРА Марина Сергеевна,

канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток).

Электронная почта: tantsura.ms@dvfu.ru

Проблемы цифровой идентичности современной молодёжи на примере студенческого сообщества ДВФУ

УДК 323.2

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/29-36>

В статье рассматривается развитие информационных технологий и усиление их роли не только в повседневной жизни, но и в сознании людей, особенно молодёжи. Цифровая идентичность вытесняет этническую, религиозную, территориальную обилием информации, свободой действий, обезличенностью и возможностью самореализации. Тем самым происходит снижение заинтересованности людей в реальном общении, в рамках которого приобретаются навыки коммуникации и формируются устойчивые отношения к себе и к миру как основа самоидентификации. В статье анализируются проблемы цифровой идентичности современной молодёжи, а именно процесс накопления цифрового следа, идентификация личности и последствия влияния информации

виртуальная идентичность, интернет-пространство, концепция симулякров, молодёжь, социальные сети, цифровая идентичность, цифровой след

С каждым годом всё больше людей на планете начинает выходить в сеть с помощью мобильных устройств, доступный интернет меняет их мир: в бизнесе – упрощает коммуникацию и увеличивает продажи, в образовании – обучает знаниям в интересной форме и предоставляет доступ к разнообразным источникам информации, в медицине – контролирует здоровье людей и оптимизирует работу больниц и т. д. Интернет предоставляет огромные возможности для развивающихся стран и создаёт ещё более невероятное для развитых. Он позволяет взаимодействовать гражданам и правительствам на совершенно ином уровне: с одной стороны, мы получаем относительную прозрачность власти; случаи коррупции, нарушений законодательства, вымогательства попадают в сеть, распространяются среди всего населения, что может стать поводом для привлечения фигурантов к ответственности; с другой стороны, тотальный контроль, власть сможет получать ещё больше данных о своих гражданах и использовать в своих целях. Цифровые данные будут работать против самих людей: не то скачал, чтобы обойти цензуру, или не то написал в порыве эмоций, впоследствии может сыграть с человеком злую шутку – увольнение с работы, отказ в получении кредита или ещё хуже – попадание в тюрьму [3, с. 34–36].

Для цитирования:
Сецко А. А., Танцур М. С. Проблемы цифровой идентичности современной молодёжи на примере студенческого сообщества ДВФУ // Известия Восточного института. 2021. № 1. С. 29–36. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/29-36>

От массового доступа в интернет в итоге выиграют все. Те, у кого ничего нет, получают хотя бы что-то, а те, кто имеет многое, будут иметь еще больше. И даже нехорошие репрессивные власти будут в итоге интернетом повержены [3, с. 37]. Благодаря интернету все люди становятся равными: совершенно неважно, где ты родился, какой у тебя пол, во что ты веришь и что ел сегодня на завтрак. В виртуальном мире это всё не имеет никакого значения. Стремительное развитие информационных технологий и массовое внедрение их в повседневную жизнь влечет за собой серьёзные изменения в сознании людей, особенно молодёжи, потому именно она более всего подвержена влиянию информационных технологий. Обилие информации, свобода действий, обезличенность, другими словами, виртуальный мир, в котором можно создавать всё что угодно, привлекает людей и заставляет больше времени проводить в интернет-пространстве. Вследствие чего у индивидов формируется новая структура ценностей.

Важной компонентой ценностей является идентичность, тождественность, динамическая система представлений личности о самой себе, складывающихся в ходе самоопределения индивида и его позиционирования в социуме. С этими представлениями связаны переживания личности. Идентичность может быть интерпретирована как психологическое ядро личности, поскольку она включает в себя самосознание, ценностно-смысловую и регулятивную сферы. Идентичность формируется в процессе реального общения, сравнения себя с другими, осознанного изменения себя в стремлении к идеальной форме – физической, умственной, духовной.

Молодые люди проводят большое количество времени в социальных сетях, где общаются, учатся, взаимодействуют, т.е. виртуально коммуницируют. Чрезмерное погружение в цифровое пространство приводит к снижению заинтересованности людей в реальном общении, в рамках которого приобретаются важные навыки коммуникации и формируются устойчивые отношения: к себе и к миру как основа самоидентификации личности.

Получается, что различные элементы идентичности переносятся из реального мира в виртуальный, формируя тем самым ложный образ Я-концепции. Данный феномен обусловлен отсутствием у человека определённых возможностей для проявления индивидуальности и самореализации в повседневной жизни, что подталкивает индивида к поискам виртуальных компенсаций. Исследователи данного направления характеризуют цифровую идентичность как: «киберидентичность», «сетевая идентичность», «метаидентичность», «репосидентичность», «идентичность в виртуальном пространстве».

Существует множество значений идентичности в информационном пространстве, которые следует различать: виртуальная идентичность [5, с. 112] – составная часть социокультурной идентичности личности, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной (не всегда фиксируемой в реальном социуме) общности, осуществляющей деятельность в информационно-коммуникационных средах. Цифровая идентичность – процесс создания индивидом своей цифровой проекции в сети, который включает в себя весь комплекс данных о человеке в Интернете [4, с. 209].

Интернет – свободное пространство, где нет рамок и границ, контроля и наказаний, предписаний и стандартов, вследствие чего про-

исходит девальвация традиционных человеческих ценностей, утрата общепринятых моделей поведения, разрушение традиционной идентичности и трансформация личности в виртуальную, вынужденную адаптироваться к обстановке новой информационной реальности и самоидентифицироваться в быстро меняющемся информационном потоке виртуального пространства.

Таким образом, виртуальная и цифровая идентичности в современных реалиях начинают вытеснять этническую, религиозную и даже территориальную своим неограниченным и глобальным характером. Границы доминирования национальных традиционных ценностей, символов и смыслов, транслируемых государством, теряют свою информационную силу, а на смену им приходят альтернативные идеологии, формируемые посредством применения инструментов политической коммуникации другими государствами или транснациональными корпорациями (ТНК). Пользователи интернета начинают идентифицировать себя не с традиционными территориями, а с сетевыми сообществами, в рамках которых они активно коммуницируют друг с другом.

Концепция «Человек мира» становится всё популярнее среди молодого поколения, люди интересуются жизнью других, делятся фотографиями, обсуждают новости, оказывают поддержку, развлекаются, смотрят кино и слушают музыку, они неосознанно перенимают универсальные ценности, смыслы и символы, не придают особого значения месторождению, перестают идентифицировать себя со своим государством. Соответственно, они подвержены большему влиянию виртуальных средств массовой коммуникации, выступающих инструментом реального влияния на политическое пространство с содержательной точки зрения, а в ряде случаев посредством разрушения существующей национальной и территориальной идентичности могут применяться в качестве инструмента изменения реальных государственных границ.

В контексте данного вопроса особое значение получает концепция симулякров Бодрийяра, который утверждает, что сегодня исчезла грань между реальностью и симуляцией. Жизнь предлагает изображение реального намного чаще, чем саму реальность: то, что обозначает нечто, для нас существует; что не имеет обозначения, несущественно, другими словами, Бодрийяр провозглашает универсальность симулякра и исчезновение реального. Согласно исследователю, симуляция [1, с. 15] – это совокупность несуществующего на самом деле, но представляющегося реальным, т.е. способ существования современного «виртуализированного» общества.

Таким образом, получается, что в современном обществе знание о реальности заменило саму реальность настолько, что вопрос о соотношении знака и вещи, истинного и ложного больше не возникает [1, с. 16]. Вследствие чего информация, которая попадает в сеть, не проходит проверку на качество, подлинность и авторство, её могут разместить искусственно сконструированные псевдоличности, симулирующие существование реального интернет-пользователя в оффлайн-пространстве, чьи реальные характеристики соответствуют заявленным, и осуществляющие от его лица коммуникацию в интернете, так называемые киберсимулякры [2, с. 17–18]. Цели данных публикаций могут быть различны: от компрометации органов

власти и разрушения традиционных ценностей – до акцентирования внимания на важных темах и формирования массовых моделей поведения. По состоянию на конец 2013 г. 61,5% всего трафика в сети генерировалось такими искусственно созданными личностями. С учётом широких возможностей симуляции в интернет-пространстве, они могут обладать практически любыми социокультурными и демографическими характеристиками, что обеспечивает высокую эффективность таргетирования информационно-коммуникационного воздействия применительно к целевым аудиториям политического управления [2, с. 19].

Молодые люди, обсуждая какие-то темы, «репостя» новости, выкладывая публикации со своими рассуждениями, даже не могут себе представить, какое сильное влияние на них оказывают киберсимулякры в интернет-пространстве, как реальные политические процессы уступают место смоделированным виртуальным конструкциям, которые воспринимаются не до конца сформированным сознанием молодёжи в качестве действительности, вызывая соответствующие вполне реальные, в большей степени негативные эмоции, эффекты и последствия.

Способы формирования цифровой идентичности существенно отличаются от той идентичности, которая нам более привычна для понимания: отсутствует влияние со стороны референтных групп, которые склонны навязывать определённые ценности, значимость структуры организации и интеграции поведения в различных областях жизни.

1) Опосредованный характер. Идентичность в виртуальном пространстве проявляется через определённые символы: имя профиля («ник»), фотография («аватарка»), стиль профиля, позиционирование, статус, «посты». Чем больше они отличаются от реального облика человека, тем больше виртуальная идентичность не совпадает с реальной, что формирует ложный образ о человеке среди других пользователей.

2) Анонимность. Индивид как пользователь интернета имеет право скрыть данные о себе и коммуницировать анонимно, т. е. открыто выражать свои эмоции и чувства, высказываться в любой форме, не задумываясь о последствиях. Так как пребывание в виртуальном пространстве не физическое, то оно формирует у человека чувство псевдобезопасности и безнаказанности, что и провоцирует недопустимый стиль коммуникации. Таким образом, анонимность может обусловить появление безосновательного чувства собственного величия и привести к социальному растормаживанию, что существенным образом влияет на формирование идентичности.

3) Ложный характер. Виртуальная реальность позволяет создавать новый мир и, соответственно, новую идентичность, обладающую идеальным набором качеств и характеристик. Данный процесс осуществляется оптимизированно путём подбора заготовленных символов, однако в итоге мы получаем личность, лишённую уникальности. У неё отсутствуют особенные характеристики: внешний облик, знания, навыки, ценности, мировоззрение, из которых впоследствии складывается идентичность.

4) Самопрезентация. Цифровая идентичность не формируется сама по себе, она осознанно компилируется из некоторого набора

виртуальных инструментов с целью быть презентованной другим пользователям сети. В социальных сетях важными составляющими успеха являются престиж и статус. Они определяются количеством лайков, репостов, комментариев, охватов, чем их больше, тем более популярным становится пользователь и возрастает его престиж.

Для выявления проблемы цифровой идентичности современной молодёжи необходимо определить, как происходит накопление цифрового следа, идентифицируется личность в цифровой среде и какие последствия наступают в реальной и виртуальной жизни индивида.

Наш цифровой след [4, с. 210] состоит из нескольких слоёв:

- первый – информация о себе, которую люди самостоятельно публикуют и могут контролировать (информация в профиле, фото- и видеоматериалы, личные переписки, поисковые запросы, «репосты» и публикации);

- второй – информация о поведении в сети, которая создает контекст для цифровой активности и которую невозможно отследить, изменить или удалить (местоположение, проведенное время, психологические особенности);

- третий – интерпретация информации из первого и второго слоя, анализ данных и сравнение с другими пользователями для выявления значимых статистических корреляций (семейное положение, страхи, мечты, обязательства, идеи, образование), чтобы знать всё о людях и правильно преподносить товары и услуги.

Мы провели исследование всех слоёв цифрового следа, опросив студентов ДВФУ по следующим параметрам [платформа: Google-forms, опрошенных: 100, время: неделя]:

1) Информация о себе:

а) Мотивы пребывания в сети:

- ◆ коммуникация;
- ◆ самовыражение;
- ◆ получение информации;
- ◆ заработок;
- ◆ развлечение;
- ◆ образование.

б) Для чего вы идёте в сеть и потребляете контент:

для удовлетворения своих потребностей;
для общения.

2) Информация о поведении в сети:

с) Насколько важным является перманентное пребывание в сети и обновление своих данных.

д) Что из выкладываемого контента показывает вашу ориентацию в социуме.

е) Мобильность/включённость как основная ценность.

3) Интерпретация информации:

ф) Что для вас является «Своим кругом» Бурдье: место нахождения или место цифрового присутствия.

г) Насколько транслируемый контент близок вашей системе ориентаций:

- ◆ внешность;
- ◆ круг интересов;
- ◆ социальная среда присутствия;
- ◆ политические ориентации.

h) Насколько совпадает в сети и в реальной жизни референтная и реальная группа.

Таким образом, можно предположить, что процесс цифровой идентификации личности начинает играть всё большую роль в современном мире. Реальный образ Я-концепции неразрывно связан со своим виртуальным продолжением: не только с точки зрения развития науки и техники, увеличения информационных потоков, расширения коммуникационных сетей, стирания социальных и психологических связей, но и с точки зрения предоставления неограниченных возможностей в самовыражении, реализации идей, раскрытии потенциала, невоплотимого в жизни.

В ходе исследования был проведен социологический опрос студентов ДВФУ с целью определения цифровой идентичности, осознания себя и своего места в Интернете и выявления проблем идентификации. По результатам можно сделать следующие выводы:

- более 53% респондентов идентифицируют себя как «Человек мира», а не гражданин РФ, что демонстрирует влияние процесса глобализации на сознание молодого поколения;

- около 43% респондентов указали, что им легче самореализовываться и реализовывать свои идеи в Интернет-пространстве, а также одним из самых популярных мотивов пребывания в Сети стало самовыражение – 66%, что свидетельствует об осознании молодёжи всех возможностей информационных технологий, частичной девальвации традиционных коммуникативных навыков и начала процесса трансформации личности в виртуальную;

- 70% респондентов подчеркнули значимость проведения времени в Интернете с целью коммуникации, получения информации и развлечения, что демонстрирует привязанность людей к Социальным медиа, но при этом только 40% важно обновлять свои данные в Сети, что говорит о нейтральном отношении молодого поколения к своей информационной проекции;

- менее 40% респондентов сомневаются в соответствии транслируемого контента (фото/видео материалы, комментарии, посты) и их реальными интересами, внешними данными, положением в обществе, что объясняет влияние приложений, искажающих фото, цитирование чужих мыслей и желание казаться тем, кем не являются на самом деле;

- более 60% отметили, что в Интернет-пространстве есть люди, чьё мнение для них важно. Студенты активно следят за их жизнью, смотрят видеоролики, читают посты и разделяют взгляды лидеров по многим вопросам. Такие результаты демонстрируют, что большая часть опрошенной молодёжи способна оказаться под влиянием интернет-личностей, новостного контента, ценностей.

При этом стоит отметить, что молодёжь реже беспокоится о негативных выбросах в Сети – 10%, чаще предпочитает личные встречи – 83% и старается проверять информацию в Интернете – 47%. Таким образом, есть доля студентов, которые задумываются о последствиях, осознанно подходят к делу и критически мыслят.

Таким образом, исследование показало, что проблема цифровой идентичности среди молодёжи действительно существует. Какие будут последствия в будущем, предположить сложно, но уже сейчас можно сказать, что если люди не начнут меньше времени проводить

в Интернете, анализировать происходящие вокруг процессы, пытаться самореализоваться в реальном мире, то человечество может столкнуться с кризисом традиционных ценностей, а воздействие искусственного интеллекта помимо множества положительных факторов принесёт опасность подмены понятий.

Литература

1. Бронзино Л. Ю. Концепция симулякров Жана Бодрийяра: методология «Алеаторного мышления» и «Трансформация субъекта в обществе потребления» // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2011. № 1. С. 11–23.
2. Володенков С. В. Интернет-технологии как современный инструмент виртуализации массовой политической реальности // Вестник московского университета. Серия 12: Политические науки. 2017. № 2. С. 15–23.
3. Коэн Д., Шмидт Э. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств / пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 367 с.
4. Кондаков А. М., Костылева А. А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2019. № 3. С. 207–218.
5. Солдатова Е. А., Погорелов Д. Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. 2018. № 5. С. 105–124.
6. Соловьева Л. Н. Цифровая идентичность как новый вид идентичности человека информационной эпохи // Общество, философия, история, культура. 2018. № 12 (56). С. 40–43.

Alexandra A. SETSKO

Undergraduate Student in the field of political science, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
E-mail: setcko.aa@students.dvfu.ru

Marina S. TANTSURA

Ph. D. (in Political Science), Associate Professor, Department of Political Science, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
E-mail: tantsura.ms.@dvfu.ru

Problems of digital identity of modern youth on the example of the FEFU student community

UDC 323.2

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/29-36>

The article considers the development of information technologies and the strengthening of their role not only in everyday life, but also in the minds of people, especially young individuals, as not fully formed personalities. The author emphasizes that digital identity replaces ethnic, religious, and territorial identity with an abundance of information, freedom of action, depersonalization, and the possibility of self-realization. Thus, there is a decrease in people's interest in real communication, in which important communication skills are acquired and stable attitudes towards themselves and the world are formed as the basis of self-identification. The article also

virtual identity, Internet space, simulacrum concept, youth, social networks, digital identity, digital footprint

analyzes the problems of modern society, where knowledge about reality has replaced reality itself so much that the boundaries between true and false are blurred, and the problems of digital identity of modern youth, namely the process of accumulating a digital footprint, personal identification, and the consequences of the influence of information.

For citation: Setsko A. A., Tantsura M. S. Problems of digital identity of modern youth on the example of the FEFU student community // Oriental Institute Journal. 2021. № 1. P. 29–36. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/29-36>

References

1. Bronzino L. Yu. Kontsepsiya simulyakrov ZHana Bodriyara: metodologiya «Aleatornogo myshleniya» i «Transformatsiya sub'ekta v obshchestve potrebleniya» // Vestnik rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya. 2011. № 1. S. 11–23.
2. Volodenkov S. V. Internet-tehnologii kak sovremennyy instrument virtualizatsii massovoj politicheskoy real'nosti // Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 2017. № 2. S. 15–23.
3. Koehn D., SHmidt EH. Novyy tsifrovoy mir. Kak tehnologii menyayut zhizn' lyudej, modeli biznesa i ponyatie gosudarstv / per. s angl. S. Filina. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2013. – 367 s.
4. Kondakov A. M., Kostyleva A. A. TSifrovaya identichnost', tsifrovaya samoidentifikatsiya, tsifrovoy profil': postanovka problemy // Vestnik rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Informatizatsiya obrazovaniya. 2019. № 3. S. 207–218.
5. Soldatova E. A., Pogorelov D. N. Fenomen virtual'noj identichnosti: sovremennoe sostoyanie problemy // Obrazovanie i nauka. 2018. № 5. S. 105–124.
6. Solov'eva L. N. TSifrovaya identichnost' kak novyy vid identichnosti cheloveka informatsionnoj ehpokhi // Obshchestvo, filosofiya, istoriya, kul'tura. 2018. № 12 (56). S. 40–43

ВОЛЬФ Александр Евгеньевич,

канд. ист. наук, старший научный сотрудник сектора новой и новейшей истории Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И. С. Шемановского (г. Салехард)

Электронная почта: wolf424@mail.ru

К вопросу об исчезновении ритуального каннибализма в военной культуре коренных народов Западной Сибири

УДК 393.05(571.121)

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/37-48>

В статье рассмотрен вопрос искоренения из военной культуры ханты и ненцев Западной Сибири такого обычая, как ритуальный каннибализм. Анализ литературных источников показал, что ханты прекратили его применять в первой половине XVII века, а ненцы – не ранее середины XVIII века. Отмирание этого обычая связано с введением Русским государством ясачной политики на территории Западной Сибири и объявлением зачинщиков междоусобиц государственными изменниками. Эта мера, а также строительство острогов и начатая христианизация позволили установить относительный мир в северных районах Западной Сибири.

*военная культура,
военно-ритуальный
каннибализм,
эпос,
богатырь,
ханты,
ненцы,
ясак,
воевода,
Западная Сибирь,
Русское государство*

Цель исследования – определить хронологические рамки исчезновения сведений о военно-ритуальном каннибализме в культуре хантов (остяки в Российской империи) и ненцев (самоеды в Российской империи) Тобольского разряда и Сибирской губернии. Для этого сделан анализ текстов эпической и научной литературы, а также установлены причины, которые способствовали отмиранию этого обычая.

Возникшие в эпоху позднего палеолита религиозные верования, изменили и коллективное отношение к каннибализму. Если ранее его применяли исключительно для удовлетворения физиологических потребностей – голода, то с появлением религиозных обрядов и недостатка знаний начали использовать для умиловливания души умершего. Источником таких убеждений служила вера, что душа после смерти тела не умирает, а может начать беспокоить живых. Чтобы оградить себя от неприятностей, был даже создан культ поедания предков. Лица, участвовавшие в нём, считали, что, когда они съедят тело, душа покойника сольётся с душами живых родственников, и сделает их более сильными. Впоследствии этот культ был перенесён и на образ врага и не только с целью получения его силы (физической, психологической или умственной), но и для уничтожения его могущества [28, с. 247]. В представлении древних угров, душа-тень находилась в сердце, языке или печени, и если победитель съедал эти части тела побеждённого, он становился обладателем его души-тени, а также её качеств – силы и мужества [25, с. 163]. Угры также верили, что душа-тень могла делиться на несколько частей. Поэтому, чтобы воины стали более мужественными, орган тела врага съедал не один, а несколько человек [17, с. 185; 16, с. 101]. Аналогичные

Для цитирования:
Вольф А. Е. К вопросу об исчезновении ритуального каннибализма в военной культуре коренных народов Западной Сибири // Известия Восточного института. 2021. № 1. С. 37–48. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/37-48>

представления существовали и у самодийцев [28, с. 247].

По-видимому, ритуальный каннибализм в военной культуре изначально существовал у всех народов эпохи архаики. Но в связи с тем, что учёные начали изучать первобытные общества только в XIX веке, существование этого обычая было зафиксировано только в отдельных районах земного шара.

Рассмотрим сведения, относящиеся к военной культуре хантов. Они содержатся в эпических произведениях – героических песнях, былинах и сказаниях, которые впервые были записаны, а также изучены статским советником Серафимом Кероповичем Паткановым (1860–1918). По его мнению, эпические произведения были составлены хантами до прибытия в Западную Сибирь казаков атамана Ермака, в период с XIV по XVI века [15, с. 86, 89, 91–92; 17, с. 217–218; 18, с. 27]. Многие современные специалисты, занимающиеся изучением Западно-Сибирского фольклора, также полагают, что основная часть сказаний о деяниях богатырей *«относятся именно к завершению средневековья и началу русской колонизации»* [20, с. 83]. Детальное изучение хантыйских эпических произведений позволило А. В. Головнёву и Е. В. Переваловой предположить, что в них следует видеть *«...не «былины», а священные сказания, своего рода «жития духов» со свойственными им гротесками, что побуждает воспринимать повествование как священный текст, а не бытовую прозу»* [8, с. 117]. Эти сказания посвящены богатырям, которые доживали до глубокой старости и умирали естественной смертью, а не погибали в бою [9, с. 36–37].

Из текстов эпических произведений известно, что в XIV – XVI вв. ханты жили в городках, из-за чего их называли народом городков (хурун ех) [7, с. 112]. Самые ранние городки могли появиться в XIII веке [21, с. 154]. Всего в землях хантов, по сведениям К. С. Патканова, насчитывалось более 100 городков (в Тобольском уезде – не менее 63, и в Березовском – более 40). Друг от друга они находились на расстоянии от 20 до 60 вёрст [15, с. 97, 106 прим. 4]. Названия городков заканчивались на слог – «вош», «воч», «вач», «у Vog», «уш» [15, с. 97, 100; 8, с. 116]. Каждый городок представлял собой резиденцию знати родовой общины, а в случае большой опасности также использовался как временное убежище для её рядовых членов [15, с. 101; 17, с. 224–225]. Родовая община могла иметь и несколько городков, которые ей служили сезонными поселениями [21, с. 154]. В одном случае отряд не превышал 50 человек, а в другом, достигал 300 и даже 700 воинов [8, с. 116]. По-видимому, войско в 300–700 человек включало несколько мелких дружин [24, с. 128]. Власть князя (в былинах – богатыря) на этом этапе общественного развития, скорее всего, была выборной [10, с. 95; 16, с. 79]. По определению З. П. Соколовой, богатыри жили в эпоху «военно-потестарной организации», характеризующейся разложением родовых отношений и зарождением государственной власти *«в условиях возрастающей роли войны (межплеменной и с иноэтническими соседями)»* [6, с. 370]. Причинами войны, в изложении эпоса, могли стать кровная вражда, различные оскорбления, неудавшееся сватовство, а также нажива [17, с. 47, 220; 7, с. 110–111]. В связи с тем, что большинство эпических произведений были составлены в преддверии русской колонизации, отсутствуют точные данные, когда выборная власть богатырей стала наследственной. Тем не менее, в исторической литературе отмечено, что размеры большинства остяц-

ких княжеств соответствовали волостям, образованным в составе Тобольской губернии [2, с. 100-101]. На территории каждой волости ханты разговаривали на своём диалекте – казымском, обдорском и т. д. [10, 1968, с. 95].

Из литературных источников XIV – XVI вв., по утверждению С. К. Патканова, можно выделить только один героический рассказ, в котором засвидетельствованы действия военно-ритуального каннибализма. Этот рассказ он записал в Темлячевской волости, Тобольского уезда. Перед нами предстаёт образ богатыря Сенгепова, который когда-то жил на месте Больших Атлымских юрт (существовали в XIX веке в Березовском уезде) и регулярно разорял земли по Нижнему Иртышу. В итоге жители разорённых мест решили ему отомстить. Собрав войско и войдя во владения богатыря, они узнали, что Сенгепов умер, и уже покоится в земле. Тогда они пошли на кладбище, выкопали из земли его тело, вырезали из него сердце, разделили сердце на части, и съели. По этому поводу С. К. Патканов пишет: *«Этот единственный факт не имел бы сам по себе значения, как вообще все единичные случаи, если бы о подобных обычаях древних угров не передавали нам и другие исследователи»* [16, с. 101–102]. К числу таких исследователей можно отнести и Н. Л. Гондатти. Обобщив данные о богатырях в мансийских сказаниях, он сообщает: *«Убив врага, они всегда съедали его сердце и печень, чтобы вся сила убитого перешла к ним, и чтобы он не ожил»* [9, с. 36]. Далее он указывает, что эти богатыри говорили по-обски, так как ещё не было мансийского языка¹, и что они жили отдельными семьями или целыми селениями [9, с. 35–36]. Из этого следует, что знакомство манси с хантыйским эпосом произошло в результате активной инфильтрации хантов в мансийскую среду или, наоборот, из-за миграционных процессов манси на восток. В частности, в преданиях манси Северной Сосьвы и Ляпина сохранились сведения о набегах на их земли «народа городков» [7, с. 112]. Также известно, о движении мансийских племен с запада на восток начиная с конца XVI века в бассейн реки Конды и её притока Карыма. В этих районах они ассимилировали хантов [14, с. 28–29]. К востоку от Конды жили васьюганские (сургутские) ханты, которые также практиковали ритуальный каннибализм. В одном из преданий сообщается: *«победитель вырывает у поверженного врага пахнущее рыбой, много рыбы съевшее сердце, разрезает его на три части и съедает»* [25, с. 163]. По-видимому, эти события относятся к периоду, когда на территории Васюгано-Ваховского района существовало княжество нарымских селькупов – Пегай Орда, окончательно разгромленное ханты в конце XVI – начале XVII века [14, с. 170; 7, с. 115].

В конце XVI – начале XVII вв. хантыйские княжества попали в вассальную зависимость от Московского царства и на их территории были построены остроги: Берёзов (1593), Сургут (1594), Нарым (1598), Кетск (1602), Томск (1604), Маковск (1618) и др. В итоге власть остяцких князей была ограничена [20, с. 97]. Дольше всех независимость сохраняло Кодское княжество. Его ликвидировали в 1644 г. [3, с. 24–25, 40–42; 20, с. 116]. По прибытию на место воеводы не только объявляли «государево жалованное слово», но также должны были держать «ласку и береженье», «тягости... не чинить», «ясаков лишних» не накладывать², чтобы не «ожесточить» и «шатости... не навести» [20, с. 102]. Известно, что в правление Михаила Фёдоровича

¹ Первые фиксации отдельных мансийских слов (в основном названий предметов) были сделаны в XVI – XVII вв. [29, с. 265].

² Ясак – слово тюркского происхождения, буквально означает: закон, устав, уложение. Поэтому, ясаком называют всё, что определено и записано законом. Ясаком называли и принудительную подать (дань), установленную победителем [2, с. 95–96].

Романова (1613–1645) сибирские воеводы даже вводили в судопроизводство нормы местных обычаев. Так, если один ясачный убивал другого, то он уплачивал не только вознаграждение родственникам убитого, но нередко и годовой ясак, за себя и за убитого. Уплата в государеву казну ясака за себя и убитого продолжалась до тех пор, пока преступник не находил не учтённого ясакоплательщика [5, с. 292].

Неучтённых остяков (ханты), которые бы не платили ясак в государственную казну, было немного. Во-первых, высокая смертность. Рождалось примерно столько же, сколько умирало [14, с. 22]. Так, зимой 1625–1626 гг. в Сургутском уезде был голод: «... ели человечину и собаки, и детишки у многих померли и собаки все примерли ... и от того великого голоду многие ясачные люди, пометав женишек и детишка, разбрелись безвестно» [3, с. 15]. По этой причине, воеводам предписывалось учитывать местную специфику, и поэтому в царской грамоте для нарымского воеводы, датированной декабрем 1644 г., было оговорено, что если ясачный выбывал из списка, то ему нужно было найти замену из окружения родственников, без увеличения списка. На тот момент в Нарымском уезде насчитывалось 238 ясачных людей [6, с. 253]. Во-вторых, злоупотребления чиновников, всевозможные приписки, которые по факту не учтённых ставили в разряд учтённых. Назначенный в 1625 г. сургутским воеводой Н. Е. Пушкин установил, что многие из тех, кого предыдущий воевода И. Р. Безобразов внёс в список, являлись физически немощными, старыми, калеками и несовершеннолетними [6, с. 250–251]. Чтобы внести исправления в ясачные списки по Сургутскому уезду, воевода Н. Е. Пушкин подал в Москву жалобу, по которой было принято решение: «... он, Микита, о том пишет ко государю для своей корысти, чтоб ему ясашным людям полехчить, а в государеве бы ясаке недобор учинить». Поэтому Н. Е. Пушкину было велено собирать ясак по спискам И. Р. Безобразова, а в случае недобора, взыскать плату с товарища по воеводству Белкина, а также самого себя. В итоге в «Ведомости сибирских городов» о задолженности по Сургутскому уезду по состоянию на 1701 г. сказано: «А в доимке за прошлые годы, со 133-го по 208-й год (1625–1700 гг. – Е. Вершинин), 136.533 рубли 5 алтын 4 деньги» [6, с. 250–251].

Временно не уплачивать ясак могли только лица, вовлечённые в миграционный процесс. Причин к миграции было несколько. Это и массовое переселение выходцев из центральных губерний России, и долговая кабала по неуплате ясака, а также процесс принудительной христианизации. В XVII – XVIII вв. ханты в основном мигрировали на север и восток [14, с. 15–16, 22–23]. В итоге некоторым воеводам удавалось существенно увеличить списки ясакоплательщиков. Так, стольник М. С. Лодыженский, находясь на посту Берёзовского воеводы (1647–1650), собрал недоимки по ясаку на 700 рублей за 12 лет и дополнил ясачный список на 406 человек [6, с. 253]. Следовательно, управленческий успех на посту воеводы в Западной Сибири, прежде всего, зависел от местности, в которой проходила государева служба. В середине XIX в. М. А. Кастрен дал характеристику трём группам ханты: 1) иртышские – осёдлые, дома строят в русской традиции, занимаются скотоводством и земледелием, охота и рыболовство имеют второстепенное значение; 2) сургутские – ведут полуосёдлый образ жизни, строят юрты из бревен, торфа и древесной коры, занимаются

исключительно охотой и рыболовством; 3) обдорские – ведут кочевой образ жизни, живут в чумах, имеют многочисленные стада оленей [11, с. 84].

Во время нападения военного отряда, ответственность за кровопролитие обычно нёс предводитель – хантыйский богатырь. Поэтому политический антагонизм между обычаям хантов вести войны и фискально-ясачными требованиями Москвы был неизбежен. Следовательно, любые междоусобицы остяцких князей расценивались русскими воеводами как измена и «смута». В 1616 г. из Сургута сообщали, что в августе 1616 г. *«Кинема сотоварищи 30 человек государю изменили и приходили на обских остяков тое ж Бардакой волости на аганских, и на аслыпских, и на юганских ясачных остяков, хотели их воевати»* [20, с. 97]. Надо полагать, что в первой половине XVII века междоусобицы в землях ханты были прекращены, а военное искусство начало трансформироваться в спортивные мероприятия, исключительной функцией которых стала подготовка охотников. В основу состязаний и игр легли соревнования эпохи богатырей: стрельба в цель, прыжки в высоту через натянутые ремни, борьба, бег на лыжах, метание друг в друга каменных глыб с помощью ноги, спихивание друг друга с места, и т. д. [24, с. 126].

Рассмотрев литературные источники, а также определив причины, способствовавшие исчезновению военно-ритуального каннибализма у ханты, рассмотрим наличие этого обычая в культуре ненцев. Известно, что часть угров к середине I тыс. н. э. мигрировала из лесостепных районов Западной Сибири на территорию Нижнего Приобья, а также на запад в Приуралье. На рубеже I – II тыс. н. э., группы угров, которые ранее мигрировали за Урал, начали вновь переселяться, но уже в район Нижнего Приобья. Проникая на север, угры (ханты и манси) захватывали территории лесных ненцев («ур-ех») и вынуждали их покидать свои земли. По данным фольклора, угры, которые пришли с запада, именовали себя «мось», «тэв охаль», «вохаль ев», «пастер ех», а те, которые с юга – «пор», «послан», «похрын», «хурынг ех» [12, с. 85; 19, с. 36; 8, с. 117; 7, с. 102]. К группе северных хантов этнографы относят население, проживающее по Оби от Мало-Атлымских юрт до Обдорска, включая население Северной Сосьвы и Ляпина [19, с. 36 прим. 1]. Из преданий известно, что народы «ур-ех» и «мось-ех» продолжительное время конфликтовали, и между ними неоднократно происходили военные столкновения. История этих столкновений отражена в топонимах и гидронимах Ханты-Мансийского округа и на границе Ямало-Ненецкого округа. Так, урочище у юрт Хорпынгорт называется «Ёран ех вилим» (Место битвы с ненцами), у юрт Тиль-тим – «Ляль кертын» (Война назад вернулась). Один из притоков р. Сыни известен как «Ёран ёх вилим юган» (Река, где с ненцами война шла) [7, с. 102; 19, с. 38]. Схожие по смыслу значения имеют и названия нескольких озёр между юртами Мозямы и городом Белоярским. Одно из них, Юрн лор, так было названо, в связи с гибелью ненецкого войска: *«Когда ненцев убили, их головы поставили вокруг озера, где не хватило человеческих голов – поставили головы собак»*. Следующее озеро – Ляль эхт лор, у него ночевали перед сражением. Затем Хэхалмум лор – у этого озера ненцы отступили [23, с. 45].

В итоге ненцы признали верховенство ханты. В предании о мире между хантами и ненцами сообщается, что после поражения ненцы поклялись больше не воевать с хантами и кинули жребий, выбрав из своего круга воинов жертву. После этого воин был убит, а тело сварено и съедено. На месте пиршества срубили у лиственницы верхушку, и на обрубок дерева поставили то корыто, из которого ели убитого. По свидетельству коллежского регистратора, заседателя суда в Обдорске Юрия Ивановича Кушелевского (1825–1880) эту лиственницу можно было ещё видеть в середине XIX в. недалеко от Пашерцовых юрт и села Обдорска [13, с. 54]. Скорее всего, ненцы убили своего воина по настоянию хантов, но эта часть рассказа просто утрачена. О развитии событий по такому сценарию косвенно могут свидетельствовать предания, сохранившиеся у других народов: *«В данных сюжетах соперник или враг часто предлагает своему антагонисту вкушать мяса или выпить крови его же родственника... Отсюда очевидно, что человеческие жертвоприношения представляются ненормальным ритуальным установлением, а актом индивидуальной мести вследствие родовой или семейной распри»* [26, с. 286]. Из современных исследователей на это предание ссылается Е. В. Перевалова в вопросе установления долговечного мира между хантами и ненцами [19, с. 38–39]. Впоследствии художник М. С. Знаменский (1833–1892) иллюстрируя книгу Ю. И. Кушелевского «Северный полюс и земля Ямал. Путевые записки» (1868) обратил на этот рассказ внимание и создал рисунок «Мир заключенный между самоедами и остяками, после продолжительной войны» [13, между с. 56–57].

Что касается самых поздних источников, они датированы первой половиной XVIII века. Это донесения Берёзовскому военному коменданту, Берёзовскому воеводе, а также судебные дела Берёзовской канцелярии, которые до середины XIX века хранились в Берёзовском земском суде [1, с. 21]. Так вот, Берёзовская воеводская канцелярия в эпоху Петра I вела дело «О набегах самоедов» (опись № 3) [1, с. 21]. В частности, в 1722 г. Берёзовскому воеводе Пашкову было доложено, что группа самоедов (ненцев) численностью 130 человек под руководством Нарта и Питича совершили преступления в Ляпинской волости. Они убили несколько христиан-остяков (хантов) «... и, вырезав, сердца их съели» [27, с. 152]. Вероятно, что аналогичные преступления в отношении хантов, принявших христианство, были совершены также в Подгородней и Куноватской волостях под руководством Пунзы Тыровова, Немды Юмина, Харка Лявова и Обынды Хапуева. В литературе их злодеяния подробно не описаны, а лишь сообщается, что в Подгородней волости «... убили князя Никифора Еурова, самого во многих местах копьями изранили и над телом делали поругания. Отсюда отправились в Куноватскую волость, ограбили Нахрacheвские и Жижимковские юрты и убили нескольких остяков с обычными поруганиями и варварством» [27, с. 152; 7, с. 104]. В основном нападениям подвергалось население волостей, принявшее христианство. Фактически христианизацию ненцы восприняли как войну и поэтому «за поруганиями над телом, рассечением груди, и другим варварством следует видеть не патологическое зверство, а военные традиции» [7, с. 105]. Ранее религиозные разногласия не являлись причиной для начала объявления войны, по крайней мере, их не упоминает С. К. Патканов, так же как и другие исследователи. Вероятно, ненцы

просто попытались восстановить свои права на отнятые у них когда-то земли. Момент был выбран удачно, ликвидация княжеств и упадок военной культуры у хантов, делали их поселения уязвимыми.

Надо сказать, что территория Берёзовского уезда была обширной, и она формировалась, как и другие северные уезды, с единственной целью – взять под административный контроль как можно больше ясачного населения [6, с. 220]. На востоке границы уезда тянулись вдоль нижнего течения Оби и её притокам: Полую, Куновату, Казыму, Большой Сосьве, Сыне, Войкару, Соби и Щучьей. На севере он граничил с Северным Ледовитым океаном, на востоке – с Тазовской губой, рекой Пур, верховьями реки Лямина, а на юге – Тобольским уездом [5, с. 21]. Но, несмотря на значительные размеры, ясачных людей в уезде в первой четверти XVIII в. насчитывалось всего 1712 человек. Рассмотрим по волостям: в Казымской (216 человек), Обдорской (388 человек), Куноватской (316 человек), Сосвинской (429 человек), Ляпинской (264 человека), Подгородней (99 человек) [4, с. 59]. Если хантов и манси можно было заставить выполнять судебные решения воевод – платить ясак за убитых, то ненцы, вероятно, такие решения просто игнорировали, ведь они кочевали вместе с оленьими стадами.

Поэтому, чтобы прекратить бесчинства, которые совершали ненцы в Березовском уезде, митрополит Филофей Лещинский обратился в Тобольске к администрации, с просьбой защитить хантов [1, с. 21]. 19 июня 1725 г. было велено Березовскому воеводе принять меры по охране остяцких (хантыйских) волостей [1, с. 21]. В том же году из среды знатных ненцев были взяты в Берёзов аманаты (заложники – для принуждения сородичей платить ясак) [1, с. 21; 27, с. 153; 7, с. 108]. Но этих мер было недостаточно. Когда на престол взошла Анна Иоановна, она велела в 1730 г. с целью защиты новокрещённых инородцев направить в волости – Обдорскую, Сосвинскую, Ляпинскую, Назымскую, а также в городок Юильский – группы казаков, и построить в них остроги [27, с. 153, 155]. В 1744 г. по итогам следствия упомянутые ненцы (самоеды) Пунза Тыровов и Немда Юмин были повешены в Обдорске, Харка Лявов – в Казыме, а Обындя Хапуев – в Ляпинском городке. Судьба Нарта и Питича не известна. Последнее упоминание, когда берёзовские ненцы во главе с Евой Ледовым убили хантыйского князца Никифора Чурова и «грудь вспороли и прочие непотребности чинили» (надо полагать вырезали сердце и съели), датировано 1748 годом [7, с. 105]. Более поздних фактов, которые бы свидетельствовали о применении военно-ритуального каннибализма ненцами, в литературе не выявлено [27, с. 152]. Следовательно, набеги ненцев на поселения крещённых хантов и манси должны были прекратиться в правление Елизаветы Петровны (1741–1761). В частности, в 1745 г. в Обдорске началось строительство деревянной православной церкви, которая была освещена в 1751 году, а в 1806 г. по указанию Тобольского губернатора А. М. Корнилова был разобран из-за ветхости и Обдорский острог [27, с. 164, 177].

В статье не рассмотрена тема применения коренным населением Западной Сибири ритуального каннибализма в быту, хотя, как было сказано, военно-ритуальная практика восходит к религиозным воззрениям родовой общины. По утверждению С. В. Бахрушина, ханты в древние времена практиковали человеческие жертвоприношения и для этой цели использовали рабов. В качестве одной такой жертвы

упомянут «купленный самоедский малый». Источников рабства было два: война и купля-продажа [3, с. 14, 24]. Как было сказано, ханты прекратили междоусобицы и военные конфликты в XVII в., но это не означает, что исчезла и работорговля. Также не ясно, в каких случаях человека приносили в жертву. Какому божеству посвящали жертву? Что делали с жертвой? На какой территории расселения хантов проводили обряд – иртышских, сургутских, обдорских или на всех трёх? На эти вопросы частично можно ответить, проведя параллель с аналогичным обычаем, существовавшим у пелымских манси. Когда-то в окрестностях Пелыма находилось святилище со священной лиственницей. Это дерево манси украшали не только серебром и золотом, но приносили ей и человеческие жертвы, и в 1618 г. «малого убили» [3, с. 26]. Вероятно, что большинство историй с жертвоприношениями в быту на территории расселения хантов и манси происходили до начала миссионерской деятельности Фелофея Лещинского (1710–1725), который уничтожил практически все языческие святилища, и распространил христианство на территории Западной Сибири. Исключение тогда составила Обдорская волость, христианизация в которой проводилась уже во второй половине XVIII века.

Из эпического сказания «Подросток», записанного в Ненецком национальном округе, известно, что в жертву хотели принести мальчика. Названо жертвенное место – «Нохо» и частично дано описание ритуального действия: *«Я поднимусь на сопку, чтобы сварить пищу приносящим жертву. Тебе на шею накинута веревка... Носитэта дернул меня за руку. На шею накинута веревка. Один раз дернули веревку. У меня (мальчик из рода Хоратэта) потемнело в глазах, но потом я пришел в себя. Второй раз дернули»* [22, с. 555–556]. В жертву приносили и стариков, но только по их желанию. Так, Ю. И. Кушелевский (1825–1880), ссылаясь на ненецкие предания, повествует, что когда-то пожилые люди – ненцы, которые уже не способны были заниматься охотой и ездить на оленях, приказывали убить себя «в честь счастливой жизни своего потомства, а тело свое съесть». Это повествование Ю. С. Кушелевский не датировал, но он сообщает, что в 1840-х годах в тобольских арестантских ротах содержался ненец, за аналогичное преступление [13, с. 52–53; 28, с. 246–247].

Выводы. В статье рассмотрен военно-ритуальный каннибализм, который практиковался в военных обычаях хантов и ненцев Западной Сибири. Он являлся неотъемлемой частью ведения войны. Сохранившиеся эпические произведения хантов не дают нам возможности представить полную картину использования этого обряда, когда междоусобные войны считались нормой. В то же время, в эпоху Русского государства династии Романовых, этот обычай в письменных источниках уже не фиксируется. Это обстоятельство позволило автору предположить, что искоренение ритуального каннибализма в военной культуре хантов связано с методами экономического воздействия – ясаком. Преступник должен был платить ясак и за себя, и за убитого, что обрекало виновного на нищенское существование. Фактически междоусобные войны, которые ранее вели хантыйские князья, Русское государство объявило уголовным преступлением. Поэтому исчезновение ритуального каннибализма в военных обычаях хантов, напрямую связано с прекращением междоусобных войн, а этого удалось добиться не ранее второй четверти первой полови-

ны XVII века. Предлагаемая датировка является обобщённой, так как уровень культуры князей иртышской зоны расселения, сургутской и обдорской, контактировавших с татарской, а позже русской администрацией был разным. По этой причине некоторые князья даже в условиях ведения войны могли рассматривать ритуальный каннибализм уже как пережиток.

Что касается ненцев, то у них ритуальный каннибализм во время ведения военных действий практиковался как минимум до середины XVIII века. Именно этим временем датируются последние из выявленных сведений о его применении в зоне их расселения. В отличие от хантов, сбор ясака с ненцев осуществлялся номинально. Количество ясачных подданных было трудно определить, поэтому верили старейшинам на слово. Чтобы как-то усмирить ненцев или «каменскую самуюдь», а именно так названы ненцы района Оби в «Сказании о чело-вечех незнаемых в восточной стране» (литературный памятник конца XV – начала XVI вв.), государство построило на разграничении земель ненцев и хантов в Березовском уезде остроги. Фактически остроги отделили землю, которую государство могло административно контролировать, от территории, которую государство контролировало номинально. Ведь уменьшение ясачного населения во время военных столкновений между язычниками ненцами, а также христианами хантами и манси несло угрозу экономической стабильности государства, подрывало веру в могущество Православной церкви и государя. К тому же Российская империя в то время ещё не имела своих сереброплавильных заводов (Колывано-Воскресенский сереброплавильный завод будет открыт лишь в 1744 году), и поэтому государство за меха и пушнину покупало для казны золото и серебро.

Указанные хронологические рамки также позволяют дать комментарий и сделать уточнения к карте мира распространения антропофагии «Die Verbreitung der Anthropophagie», которая была издана в Германии в 1893 г. П. Бергеманом. На этой карте в пределах всей Российской империи только Западная Сибирь от реки Обь до реки Енисей показана как место, где в историческом прошлом был распространён каннибализм. К тому же вся отмеченная территория названа почему-то «OSTJAKEN», хотя на территории Западной Сибири проживали и проживают не только ханты (ранее остяки), но также такие коренные народы, как манси, ненцы и селькупы. К тому же в культуре хантов и манси, которые граничат с ненцами на севере, ритуальный каннибализм исчез раньше, а территория ненцев на антропологической карте вообще не обозначена

Литература

1. Абрамов Н. О введении христианства у березовских остяков // Журнал министерства народного просвещения. 1851. № 12. С. 1–22.
2. Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII в. // Сибирские огни. 1927. № 3. С. 95–129.
3. Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI – XVII вв. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1935. 91 с.
4. Будицкий П. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков: Типография губернского правления, 1893. 93 с.
5. Будицкий П. Н. Сочинения в двух томах: Т. 1. Заселение Сибири и быт первых ее насельников / Под ред. С. Г. Пархи-

- мовича. Сост. Ю. Л. Мандрика. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 328 с.
6. Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. 504 с.
 7. Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 607 с.
 8. Головнев А. В., Перевалова Е. В. Вожди обских угров и ненцев (по данным фольклора) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 115–122.
 9. Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М.: Типография Е. Г. Потапова, 1888. 91 с.
 10. История Сибири. Сибирь в составе феодальной России. Т. 2 // История Сибири в 5-ти томах. Ленинград: Наука, 1968. 539 с.
 11. Кастрен М. А. Сочинения в двух томах: Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–1849) / Под ред. С. Г. Пархимовича. Сост. Ю. Л. Мандрика. Коммент. А. П. Зенько и С. Г. Пархимовича. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 352 с.
 12. Кашлатова Л. В. Феномен женских божеств в культуре среднеобских хантов (к постановке вопроса) // Вестник угроведения. 2015. № 1 (20). С. 84–88.
 13. Кушелевский Ю. И. Северный полюс и земля Ямал. Путевые записки. СПб.: Типография М. В. Д., 1868. 160 с.
 14. Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М.: Изд-во Институт этнологии и антропологии РАН, 1998. 236 с.
 15. Патканов С. К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри, по былинам и сказаниям // Живая старина. Вып. III. СПб.: Типография С. Н. Худякова, 1891. С. 85–116.
 16. Патканов С. К. Древняя жизнь остяков и их богатыри, по былинам и сказаниям // Живая старина. Вып. IV. СПб.: Типография С. Н. Худякова, 1891. С. 67–108.
 17. Патканов С. К. Сочинения в двух томах: Т. 1. Остяцкая молитва / Под ред. С. Пархимовича; Сост. и вступ. статья Ю. Мандрики; Пер. Е. Матюхиной; Коммент. С. Пархимовича. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 400 с.
 18. Патканов С. К. Сочинения в двух томах: Т. 2. История колонизации Сибири / Под ред. С. Пархимовича; Сост. Ю. Л. Мандрика. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 320 с.
 19. Перевалова Е. В. Войны и миграции северных хантов (по материалам фольклора) // Уральский исторический вестник (Древние и средневековые культуры Урала в евразийском культурном пространстве). Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 36–58.
 20. Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург, Нижневартковск: УРО РАН, Студия «Графо», 2006. 352 с.
 21. Перцев Н. В. Аборигенные городки Нижнего Приобья XV – XVI вв. Торговый аспект // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 154–158.
 22. Подросток // Эпические песни ненцев. М.: Наука, 1965. С. 554–565.
 23. Пятникова Т. Р. Героические сказания хантов в современных условиях // Мат-лы VI Югорских чтений «Героический эпос обских угров: наследие и современность». Сб. науч. ст. / Под ред. К. В. Афанасьевой. Т. В. Волдиной. М.: Изд-во «ИКАР», 2005. С. 39–46.
 24. Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.
 25. Сподина В. И. Мировоззренческие установки в описании телесно-психического состояния человека в традиционной культуре обских угров и самодийцев // Вестник угроведения. История. Этнография. Археология. 2011. № 1. С. 161–167.
 26. Хренов Н. А. Застолье в контексте ритуала // Традиционное русское застолье: сб. ст. М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 2008. С. 272–293.
 27. Шемановский И. С. Хронологический обзор достопамятных событий в Березовском крае Тобольской губернии (1032–1910 гг.) // Избранные труды. Т. 1. М.: Советский спорт, 2011. С. 107–292.
 28. Юнина М. В. К вопросу о существовании в прошлом человеческих жертвоприношений и каннибализма у ненцев // Самодийцы. Мат-лы IV сибирского симп. «Культурное наследие народов Западной

Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск).
Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2001. С. 246–249.

29. Язык и общество. Энциклопедия.
М.: Изд. центр «Азбуковник», 2016. 872 с.

30. Bergemann P. Die Verbreitung der
Anthropopagie über die Erde und Ermittlung
einiger Wesenszüge dieses Brauches. Bunzlau.
1893.

Aleksandr E. VOLF,

Ph. D. (in History), Senior Researcher, Department of Modern History, The Shemanovsky Museum-Exhibition
Complex (Salekhard, Russia).

E-mail: wolf424@mail.ru

On the Issue of the Disappearance of Ritual Cannibalism in the Military Culture of the Indigenous Peoples of Western Siberia

UDC 393.05(571.121)

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/37-48>

The article considers the question of eradicating from the military culture of the Ostyaks (Khanty) and Samoyeds (Nenets) of Western Siberia, such a custom as ritual cannibalism. The analysis of literary sources showed that the Ostyaks (Khanty) stopped using it in the first half of the 17th century, and the Samoyeds (Nenets) – no earlier than the middle of the 18th century. The withering away of this custom is connected with the introduction by the Russian state of a yasak (tribute) policy in Western Siberia, and with the announcement of the instigators of civil strife as sovereign traitors. This measure, the construction of forts, as well as the beginning of Christianization, made it possible to establish a relative peace in the northern regions of Western Siberia

*military culture,
military ritual
cannibalism,
epic,
hero,
nenets,
khanty,
yasak,
voivode,
Western Siberia,
Russian state*

For citation: Volf A. E. On the Issue of the Disappearance of Ritual Cannibalism in the Military Culture of the Indigenous Peoples of Western Siberia // Oriental Institute Journal. 2021. № 1. P. 37–48. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/37-48>

References

1. Abramov N. O vvedenii khristianstva u berezovskikh ostyakov // ZHurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1851. № 12. S. 1–22.

2. Bakhrushin S. V. YAsak v Sibiri v XVII v. // Sibirskie ogni. 1927. № 3. S. 95–129.

3. Bakhrushin S. V. Ostyatskie i vogul'skie knyazhestva v XVI – XVII vv. L.: Izd-vo Instituta narodov Severa TSIK SSSR, 1935. 91 s.

4. Butsinskij P. Kreshhenie ostyakov i vogulov pri Petre Velikom. KHar'kov: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1893. 93 s.

5. Butsinskij P. N. Sochineniya v dvukh

tomakh: T. 1. Zaselenie Sibiri i byt pervykh ee nasel'nikov / Pod red. S. G. Parkhimovicha. Sost. Yu. L. Mandrika. Tyumen': Izd-vo Yu. Mandrika, 1999. 328 s.

6. Vershinin E. V. Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoj Sibiri v kontse XVI – XVII vv. Ekaterinburg: Demidovskij institut, 2018. 504 s.

7. Golovnev A. V. Govoryashhie kul'tury: traditsii samodijtsev i ugrov. Ekaterinburg: UrO RAN, 1995. 607 s.

8. Golovnev A. V., Perevalova E. V. Vozhdi obskikh ugrov i nentsev (po dannym fol'klora) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2017.

№ 49. S. 115–122.

9. Gondatti N. L. Sledy yazychestva u inorodtsev Severo-Zapadnoj Sibiri. M.: Tipografiya E. G. Potapova, 1888. 91 s.

10. Istoriya Sibiri. Sibir' v sostave feodal'noj Rossii. T. 2 // Istoriya Sibiri v 5-ti tomakh. Leningrad: Nauka, 1968. 539 s.

11. Kastren M. A. Sochineniya v dvukh tomakh: T. 2. Puteshestvie v Sibir' (1845–1849) / Pod red. S. G. Parkhimovicha. Sost. Yu. L. Mandrika. Komment. A. P. Zen'ko i S. G. Parkhimovicha. Tyumen': Izd-vo Yu. Mandriki, 1999. 352 s.

12. Kashlatova L. V. Fenomen zhenskikh bozhestv v kul'ture sredneobskikh khantov (k postanovke voprosa) // Vestnik ugrovedeniya. 2015. № 1 (20). S. 84–88.

13. Kushelevskij Yu. I. Severnyj polyus i zemlya YAmal. Putevye zapiski. SPb.: Tipografiya M. V. D., 1868. 160 s.

14. Martynova E. P. Ocherki istorii i kul'tury khantov. M.: Izd-vo Institut etnologii i antropologii RAN, 1998. 236 s.

15. Patkanov S. K. Starodavnnyaya zhizn' ostyakov i ikh bogatyri, po bylinam i skazaniyam // ZHivaya starina. Vyp. III. SPb.: Tipografiya S. N. KHudyakova, 1891. S. 85–116

16. Patkanov S. K. Drevnyaya zhizn' ostyakov i ikh bogatyri, po bylinam i skazaniyam // ZHivaya starina. Vyp. IV. SPb.: Tipografiya S. N. KHudyakova, 1891. S. 67–108.

17. Patkanov S. K. Sochineniya v dvukh tomakh: T. 1. Ostyatskaya molitva / Pod red. S. Parkhimovicha; Sost. i vstup. stat'ya Yu. Mandriki; Per. E. Matyukhinov; Komment. S. Parkhimovicha. Tyumen': Izd-vo Yu. Mandriki, 1999. 400 s.

18. Patkanov S. K. Sochineniya v dvukh tomakh: T. 2. Istoriya kolonizatsii Sibiri / Pod red. S. Parkhimovicha; Sost. Yu. L. Mandrika. Tyumen': Izd-vo Yu. Mandriki, 1999. 320 s.

19. Perevalova E. V. Vojny i migratsii severnykh khantov (po materialam fol'klora) // Ural'skij istoricheskij vestnik (Drevnie i srednevekovye kul'tury Urala v evrazijskom kul'turnom prostranstve). Ekaterinburg: Akademkniga, 2002. S. 36–58.

20. Perevalova E. V., Karacharov K. G. Reka Agan i ee obitateli. Ekaterinburg, Nizhnevartovsk: URO RAN, Studiya «Grafo», 2006. 352 s.

21. Pertsev N. V. Aborigennyye gorodki Nizhnego Priob'ya XV – XVI vv. Torgovyy aspekt // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 426. S. 154–158.

22. Podrostok // EHPicheskie pesni nentsev. M.: Nauka, 1965. S. 554–565.

23. Pyatnikova T. R. Geroicheskie skazaniya khantov v sovremennykh usloviyakh // Mat-ly VI YUgorskikh chtenij «Geroicheskij ehpos obskikh ugrov: nasledie i sovremennost'». Sb. nauch. st. / Pod red. K. V. Afanas'evoy. T. V. Voldinoj. M.: Izd-vo «IKAR», 2005. S. 39–46.

24. Solov'ev A. I. Voennoe delo korennoho naseleniya Zapadnoj Sibiri. EHPokha srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1987. 193 s.

25. Spodina V. I. Mirovozzrencheskie ustanovki v opisani telesno-psikhicheskogo sostoyaniya cheloveka v traditsionnoj kul'ture obskikh ugrov i samodijtsev // Vestnik ugrovedeniya. Istoriya. EHtnografiya. Arkheologiya. 2011. № 1. S. 161–167.

26. KHrenov N. A. Zastol'e v kontekste rituala // Traditsionnoe russkoe zastol'e: sb. st. M.: Gos. resp. tsentr russkogo fol'klora, 2008. S. 272–293.

27. SHemanovskij I. S. KHronologicheskij obzor dostopamyatnykh sobytij v Berezovskom krae Tobol'skoj gubernii (1032–1910 gg.) // Izbrannyye trudy. T. 1. M.: Sovetskij sport, 2011. S. 107–292.

28. YUnina M. V. K voprosu o sushhestvovanii v proshlom chelovecheskikh zhertvoprinoshenij i kannibalizma u nentsev // Samodijtsy. Mat-ly IV sibirskogo simp. «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoj Sibiri» (10–12 dekabrya 2001 g., Tobol'sk). Tobol'sk-Omsk: OmGPU, 2001. S. 246–249.

29. YAzzyk i obshchestvo. EHntsiklopediya. M.: Izd. tsentr «Azbukovnik», 2016. 872 s.

30. Bergemann P. Die Verbreitung der Anthropolopgie iiber die Erde und Ermittlung einiger Wesensziige dieses Brauches. Bunzlau. 1893.

СИМПОЗИУМ

КУЗНЕЦОВ Анатолий Михайлович,

доктор ист. наук, профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток).

Электронная почта: kuznetsov.2012@mail.ru

ИЛЬИН Михаил Васильевич,

доктор полит. наук, профессор-исследователь НИУ «Высшая школа экономики», руководитель Центра перспективных методологий исследований социально-гуманитарных наук ИНИОН РАН, профессор МГИМО (У) МИД РФ (г. Москва).

Электронная почта: milyin@hse.ru

КИРЕЕВ Антон Александрович,

канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток).

Электронная почта: antalkir@yandex.ru

КОЗИНЕЦ Андрей Игоревич,

канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток)

Электронная почта:

КОНОНЧУК Дмитрий Васильевич,

канд. филос. наук, доцент департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ (г. Владивосток)

Электронная почта: kononchuk.dv@dvfu.ru

КРЕСТИНИНА Анастасия Михайловна,

студент бакалавриата по направлению подготовки «Международные отношения» Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток).

Электронная почта: greinjer.stasya@yandex.ru

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна,

доктор полит. наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО (У) МИД РФ (г. Москва).

Электронная почта: mmlebedeva@gmail.com

ЛУКИН Артём Леонидович,

канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток).

Электронная почта: artlukin@mail.ru

МАЛЯВИН Владимир Вячеславович,

доктор ист. наук, профессор-исследователь департамента зарубежного регионоведения НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва).

Электронная почта: vmalyavin@hse.ru

ПОПОВКИН Андрей Владимирович,

канд. филос. наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН (г. Владивосток).

Электронная почта: andrey.popovkin@gmail.com

ЦЫГАНКОВ Павел Афанасьевич,

доктор филос. наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва).

Электронная почта: probor@bk.ru

ЯЧИН Сергей Евгеньевич,

доктор филос. наук, профессор департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ (г. Владивосток).

Электронная почта: yachin.se@dvfu.ru

Что такое пост/полидисциплинарная теория международных отношений?

УДК 303(327)

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/49-68>

Текст подготовлен к публикации В. И. Волощак.

22 октября 2020 г. кафедра международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований (ВИ-ШРМИ) Дальневосточного федерального университета провела открытый онлайн-семинар «Что такое постдисциплинарная теория международных отношений?». Семинар, в котором приняли ряд ведущих российских политологов и международных экспертов, был посвящён теоретическому осмыслению современных международных отношений и путям дальнейшего развития теории международных отношений.

С основным докладом на семинаре выступил профессор кафедры международных отношений ВИ-ШРМИ ДВФУ А. М. Кузнецов, после чего состоялась дискуссия.

А. М. Кузнецов: Мой доклад подготовлен в ходе работы над монографией о современном состоянии и перспективах развития теории международных отношений (ТМО). Поэтому в первой части проделан обзор основных направлений и проблем ТМО. Поскольку эта тема уже достаточно хорошо освещена в литературе, в том числе и на русском языке (Т. А. Алексеева, В. Н. Кобышев, А. А. Сергунин, П. А. Цыганков), то основной акцент сделан на констатации сильного влияния позитивизма в ТМО (американские школы), отказе от больших теорий, поощрении теоретического плюрализма, развитии аналитического эклектизма и признания в полной дискредитации теории [1, 2, 7, 10, 14]. Особое внимание было уделено Английской школе международных отношений, слабо изученной в отечественной литературе. Наряду со своим вниманием к разработке проблемы международного общества эта школа представляет интерес, поскольку признаёт отличия, которые существуют в подходах европейских и американских специалистов к международным отношениям. Не менее показателен проявившийся в последнее время скептицизм европейцев к количеству «великих дебатов» (три или четыре) и их значению для развития ТМО (О. Вэвер, Д. Лейк, Л. Эшворт) [13, 14]. Важно было также оценить появившиеся российские разработки по ТМО (Т. А. Алексеева, А. Д. Богатуров, М. М. Лебедева, П. А. Цыганков, А. П. Цыганков), которые приносят своё видение проблем ТМО. Нельзя было обойти вниманием и такое противоречиво воспринимаемое явление, как незападные ТМО, прежде всего наиболее разработанный китайский их вариант (Цинь Яцин, Чжао Тинян, Ян Сюэтуан) [6, 16].

Как представляется, рост числа различных школ и теорий МО отражает несколько обстоятельств, связанных со сложной природой МО и достаточно поздним возникновением

Для цитирования:

Кузнецов А. М., Ильин М. В., Киреев А. А., Козинец А. И., Конончук Д. В., Крестинина А. М., Лебедева М. М., Лукин А. Л., Малявин В. В., Поповкин А. В., Цыганков П. А., Ячин С. Е. Что такое пост/полидисциплинарная теория международных отношений? // Известия Восточного института. 2021. № 1. С. 49–68. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/49-68>

научных их исследований. Резкое увеличение количества государств после окончания Второй Мировой войны и в последующее время, умножающееся количество разных новых акторов МО, интенсификация различных связей в сфере МО, а также общее усложнение мира обусловили новые вызовы для всей науки, включая и МО. Между тем затянувшиеся дискуссии о научности в МО – основное содержание «великих дебатов» – отражают незавершённость становления этой науки и её теоретическое отставание от других социальных и гуманитарных наук, той же антропологии, социологии и других. Отсюда и вывод о том, что МО могут заимствовать достижения других наук, но сами пока не могут предложить им что-нибудь. Обращает также внимание, что придавая своим каноническим теориям, реализму и либерализму/идеализму, парадигмальный статус (например, О. Вэвер), сами международники не обсуждают глубоко общие проблемы и критерии теории, не говоря уже о парадигме. Кризисные обстоятельства ещё более усугубились после «информационного взрыва» и постмодернистского вызова, заявивших о себе с конца 1960-х гг. [12, 17]. Поэтому не случайно, что специалисты-международники не смогли дать адекватных ответов на современные вызовы, предпочитая обсуждать «чёрных лебедей» и призывая сначала зафиксировать происходящие перемены, чтобы потом уже их как-нибудь осмысливать. Правда, учитывая темпы происходящих перемен, возникает подозрение, что этот процесс фиксации станет непрерывным и не оставит времени для каких-то размышлений. Как представляется, основная причина сложившегося кризисного состояния ТМО обусловлена длительной закрытостью науки о МО от остальных сфер науки. Поэтому призыв к международникам выйти из своей «башни слоновой кости» представляется очень своевременным. Выход из собственной «самодостаточности» в реальное поле «полидисциплинарности» является в настоящий момент основным условием преодоления затянувшегося кризиса ТМО, фиксируемого на основных этапах её развития.

Обращение к современным общенаучным достижениям в теоретико-методологической сфере позволяет констатировать несколько значимых моментов и достижений, связанных с осознанием вызова **сложности** и возможностями **системной парадигмы** в выработке адекватного на него ответа.

Как известно, в ТМО есть свои системные разработки известные по работам М. Каплана, К. Уолца, Х. Булла, Б. Бузана, В. И. Гантмана, А. Д. Богатурова [5, 9, 18]. Однако проведенный анализ по сопоставлению современных вариантов теорий сложных систем (У. Матурано, Ф. Варела, Н. Луман) и системных теорий международных отношений позволил установить ряд серьёзных недостатков у последних [15]. Они проявляются с заявления К. Уолца о том, что основные положения классической системной парадигмы не соответствуют международным отношениям [18]. Общим недостатком системных разработок международников является непоследовательность или полное пренебрежение структурным анализом. Распространены также игнорирование роли внешней среды в функционировании систем и упрощенные представления об их организации. А уж такой «изыск», как обсуждение проблемы системного самовоспроизводства, вообще не стоит в исследовательской повестке «настоящих международников». Поэтому овладение арсеналом современной системной парадигмы и теорией сложных систем, несмотря на то что они вынуждают сде-

лать крамольный вывод – **никакой системы международных отношений нет и никогда не существовало**, – является необходимым условием нормализации положения в ТМО. Тогда станет понятным различие: в государстве мы имеем порядок, а в МО – анархию, и можно будет завершить схоластические дискуссии на тему: агент или структура. Сделать это надо ещё и потому, что в рамках методологии анализа сложных систем обосновано важное значение процедуры **наблюдения** и фигуры **наблюдателя** [3]. В принципе, имплицитно к тому же самому призывали и теоретики постмодернизма, не до конца понимая значение своего же вызова. Точно также следует рассматривать и призывы к плюрализму теорий МО. Поэтому принципиальным недостатком большинства попыток по внедрению системных идей в социально-гуманитарные науки явилось игнорирование в них роли человека. Между тем именно **человек создаёт и поддерживает те же международные отношения**. Но теперь такой вывод делает необходимым включение в совершенно новое исследовательское поле – **антропологию** (как науку о человеке и его реальных свойствах) **для международных отношений** [4].

Очень показательно, что О. Вэвер свёл развитие американской ТМО к трём основным фигурам: Г. Моргентау, Р. Кохейну и А. Вендту. Но как тогда быть с тем фактом, что признанный лидер конструктивистского направления ТМО Вендт сделал в 2015 г. неожиданный «финт» с «Квантовым мозгом»? Можно утверждать, что, с одной стороны, это издание продемонстрировало разочарование «классика» в конструктивистских играх, приведших его в 2004 г. к выводу: «Государства – тоже люди». Теперь же А. Вендт предложил рассматривать человека как волновую квантовую функцию [19]. С другой стороны, этот разворот автора можно рассматривать и как ещё одну проблемную попытку подвести под ТМО научную, т. е. позитивистскую основу, поскольку достижения квантовой физики всеми признаны, а кванты есть везде – и в мозге человека. И это не единственный пример **примитивной антропологизации/антропоморфизации** в науке о МО. ещё Г. Моргентау полагал, что международные отношения основываются на законах, которые заложены в природе человека. Либералы же постоянно повторяют мантру о том, что каждый человек стремится максимизировать свою выгоду и минимизировать затраты. Не менее показательны и английские «трюки» с идеей **международного общества** в основе которого должна быть по-настоящему **космополитизированная западная культура**, а всё остальное должно быть абсорбировано. Но всё это очень далеко от собственно научной антропологии, которая, как показал Э. Я. Баталов, должна показать, как человек влияет на МО и как МО, в свою очередь, влияют на человека [4].

В первую очередь, говоря о научном представлении этого нового научного направления, следует расстаться с универсалистскими иллюзиями о человеке, которые заражены западоцентризмом. Уже угроза этносепартизма и появление таких международных акторов, как Организация непризнанных (непредставленных) народов (ОНН), заставляет нас обратиться к проблеме этнического многообразия человечества. Если иметь в виду, что современный мир – это примерно 200 государств, но 5–7 тысяч разных этнических объединений, то можно понять опасение китайского автора: «Самоопределение может стать

проклятием XXI века». Что будет представлять международный порядок, если у нас будет 500, 1000 или 2000 государств? Но для того, чтобы компетентно работать с этой проблемой, нам необходимо владеть теорией этноса, прежде всего, в варианте С. М. Широкогорова. Наряду с владением корректной системной методологией, эта теория включает в себя концепцию психоментального комплекса как основного достоинства этнической общности [8]. Значение идей С. М. Широкогорова становится понятным в контексте развития современных нейро- и когнитивных наук.

Попытки игнорирования человека и спекуляций о его свойствах определили неудачу когнитивного и культурного поворота в ТМО. В своё время очень популярные теории постколониализма и ориентализма (Э. Саид) смогли только зафиксировать этот факт разного восприятия реальности представителями разных обществ. Теория Широкогорова и данные нейронауки позволяют достоверно обосновать этот феномен. В этом контексте реальность и необходимость той же российской, китайской и других национальных теорий МО – не прихоть, а насущная необходимость для создания подлинно глобальной ТМО, о которой так печется А. Ачария [11].

Таким образом, можно утверждать, что кризис ТМО на современном этапе её развития обусловлен ограниченностью базовых концептуальных оснований. Для преодоления этого кризиса пост/полидисциплинарная ТМО должна воспринять теорию и методологию анализа сложных общественно-политических систем. Для имплементации в свой арсенал фигуры наблюдателя и решения других проблем необходимо разрабатывать направление «Антропология международных отношений». В таком обновлённом варианте ТМО сможет серьёзно поднять свой эвристический потенциал и не даст повода для высокомерных сентенций о бесполезности теории. Проблема же здесь в том, что теория сложности сама по себе является очень непростым интеллектуальным вызовом, далеко не всем доступным, но те, кто может это делать – должны этим заниматься. Свой доклад я рассматриваю как вклад в развитие российской ТМО.

Д. В. Конончук: Анатолий Михайлович, большое спасибо за, как всегда, замечательное и яркое выступление. Было понятно всё, кроме одного: в чём состоит ваш центральный тезис? То есть, что вы пытаетесь доказать, защитить?

А. М. Кузнецов: Защищать особо не получается, а обосновать я хочу тот тезис, что потому мы имеем такое кризисное состояние в теории международных отношений, что её пытались строить на узких дисциплинарных основаниях, в лучшем случае – с привлечением данных других наук. А сегодня нам нужно использовать более мощный теоретико-методологический потенциал, связанный с теориями сложных систем и дополненный антропологией. На мой взгляд, именно эти два компонента позволят нам создать действительно полноценную теорию международных отношений.

А. Л. Лукин: Анатолий Михайлович, а что такое международные отношения, по-вашему? Прежде чем создавать теорию международных отношений, наверное, стоит определить, что такое международные отношения, потому что на этот счёт тоже много разных точек зрения. Как человек, преподающий «Основы международных отношений»

первокурсникам, я это знаю как никто другой... Международные отношения можно определять десятками разных способов – либо это отношения между государствами, либо не только между государствами, и т. д. Вы считаете это важным, установить дефиницию международных отношений, или это как-то само собой подразумевается?

А. М. Кузнецов: Да нет, конечно, Артем Леонидович, кстати, спасибо за вопрос, а то я эти моменты в своём докладе упустил, а теперь могу их озвучить. Во-первых, международные отношения – это вся совокупность отношений между государствами. Но, поскольку я в данном случае придерживаюсь системной парадигмы, то для меня очень важно разделение **системы** и **окружающей среды**. Закрытые системы нежизнеспособны, поэтому все системы/государства должны активно взаимодействовать со средой, чтобы обеспечить себя всем необходимым. Как раз в случае международных отношений возникает парадоксальная ситуация. Я думал, это моя крамола, но оказалось, что ещё в 1980-х гг. Владимир Израилевич Гантман написал, что с точки зрения системной теории для одного **государства средой** выступают **другие государства**. Это уже совершенно новый фокус видения данного явления, который заслуживает серьёзного анализа. В любом случае, международные отношения – это реальная и объективная необходимость, для того чтобы государства, взаимодействуя друг с другом, могли обеспечить себе полноценное существование.

А. Л. Лукин: То есть всё-таки вы фиксируетесь на государствах? Международные отношения – это отношения между государствами? Есть ведь и другое понятие, которое созвучно международным отношениям, и некоторые считают его синонимом – мировая политика. По-вашему, международные отношения и мировая политика – это одно и то же?

А. М. Кузнецов: Прежде всего я хочу сказать, что сегодня много разговоров о нетрадиционных акторах и т. д., я же исхожу из тех критериев и требований к системности, которые я озвучил. Поэтому я вполне отчётливо понимаю, что, за исключением отдельных примеров, полноценными системными акторами являются государства. А когда речь идёт о чем-то другом, то не факт, что мы имеем дело с системой. И поэтому мой посыл заключается в том, что система международных отношений не существовала и пока ещё не существует. Были некоторые приближения к системности, вроде того же биполярного миропорядка, но мы видим, что случилось с ним и что происходит сегодня. Поэтому нестабильность – это характерное свойство международных отношений. Неслучайно британские авторы пишут, что в государстве мы имеем порядок, а когда мы выходим за его рамки, в международную сферу – получаем анархию. А «анархия, как это мы знаем – мать порядка», отсюда это устойчивое выражение «система международных отношений». Что касается «мировой политики», то международные отношения могут принимать разнообразные формы, и я солидарен с теми авторами, которые говорят, что мировая политика – составная, хотя и очень важная, часть, которую не эвристично выделять в международных отношениях как таковых.

А. В. Поповкин: Анатолий Михайлович, вы сказали, что акторами международных отношений являются государства. А как быть с политиками? Политиками как конкретными людьми. Считаете ли вы их тоже акторами международных отношений или вы их каким-то об-

разом выносите за скобки?

А. М. Кузнецов: На мой взгляд, в рамках системного подхода государство – это бесспорный пример сложной системы, в которой есть разные уровни. На одном уровне актором выступает государство, на другом – лидер государства тоже может рассматриваться как актор. Но в любом случае он будет **компонентом единой системы, и важно не терять эту взаимосвязь.**

С. Е. Ячин: Анатолий Михайлович, в ваших тезисах было очень ясно прописано, что теория международных отношений находится в кризисном состоянии. Но если это понимать просто как отсутствие системного подхода, то для меня это слишком абстрактно. Я привык понимать теорию как то, что может адекватно описать некоторые явления и предсказать, что с ними произойдет при наличии некоторых эффектов. Здесь можно эмпирически фиксировать, что теория международных отношений находится в кризисе, поскольку она не может этого сделать. Мне представляется, что сложность современных процессов не соответствует одномерному, плоскому подходу теоретиков. Возьмём такой пример: Олимпийские игры или Евровидение. Это международные отношения? Если это международные отношения, то какая должна быть логика анализа такого рода явлений?

А. М. Кузнецов: Безусловно, это международные отношения. У них, как мы ясно видим сегодня, такая же логика, как и у любых других явлений МО. Институты, тот же Международный олимпийский комитет – это, на мой взгляд, квазисистемные образования. Они могут обеспечить самовоспроизводство без поддержки извне? Вы правы в главном: сегодня ТМО не в состоянии объяснять реальный мир и что в нём происходит, ставка на плюрализм и многоголосие здесь только усложняет ситуацию. Как раз одна из причин сложившейся ситуации – игнорирование современного варианта теорий социально-политических систем.

С. Е. Ячин: Согласны ли вы с тем, что спортивные состязания или культурные мероприятия (кстати, у Нейсбита они входят в мегатренды) являются также важным элементом международных отношений?

А. М. Кузнецов: Учитывая высокую степень их политизированности сегодня – бесспорно, по поводу определения таких мероприятий как трендов – это ещё надо обосновывать.

А. А. Киреев: Анатолий Михайлович, что вы имеете в виду под постдисциплинарностью? Какое содержание имеет у вас это понятие, и чем оно отличается от междисциплинарности?

А. М. Кузнецов: На мой взгляд, междисциплинарность – это предложение сесть между двух стульев. А постдисциплинарность, точнее полидисциплинарность означает, что мы берём более сильную, общенаучную теорию и методологию, затем привлекаем к ним некоторые достижения, которые можно найти в других дисциплинах при условии, что они соответствуют состоянию предметного поля наших исследований и нашим задачам. Таким образом, можно создать теоретическую основу для анализа такого сложного явления, как международные отношения.

А. А. Киреев: А теория международных отношений уже стала самостоятельной дисциплиной? Она может позволить себе сделать следующий шаг? Так сказать, преодолеть свою дисциплинарную природу и выйти в это постдисциплинарное пространство?

А. М. Кузнецов: Это очень интересный вопрос, и я неслучайно говорил об «антитеоретическом консенсусе», а также о том, что сегодня «большие нарративы», мегатеории и прочее не приветствуются, поскольку это все рассматривается как некий субъективный произвол. Поэтому, боюсь, моя идея непопулярна, и я понимаю, на что я могу рассчитывать и какие получить реакции. Тем не менее моя позиция здесь такова: занятия теорией – это самое сложное и ответственное дело, которым надо заниматься целенаправленно, а не по каким-то отдельным поводам. Поэтому, как и теоретическая физика, ТМО должна получить самостоятельный статус исследований. Международные отношения – это сложная, но особая сфера общественно-политической жизни, предмет исследований нашей науки. Но для того, чтобы объяснять, а тем более хоть что-то прогнозировать, нужна как раз полидисциплинарная теория. Поэтому теоретик МО должен быть в курсе современного состояния теории и методологии в разных областях науки и ориентироваться в основных моментах практики МО для верификации своих гипотез и идей. Следовательно, и ТМО должна стать специальной дисциплиной в рамках МО.

А. Л. Лукин: Анатолий Михайлович, понятно, что никто из учёных-международников не создал теорию, которая бы вас полностью или частично удовлетворяла. Но всё-таки, может быть, кто-то к этому идеалу приблизился больше остальных? Вот вы упоминали Уолтца, может, кто-нибудь ещё был или находится на правильном пути?

А. М. Кузнецов: Из того, что я прочитал, в особенности у зарубежных авторов-международников, меня мало что вдохновляет. Я очень рад, что сегодня на семинаре присутствуют те люди, которые во многом помогли и мне войти в теоретическую проблематику, и сами двигаются в тех же направлениях. В частности, Михаил Васильевич Ильин – я понимаю триаду, на которой вы основываетесь, и мне кажется, что мы не противоречим, а наоборот, дополняем друг друга. Огромный вклад в формировании моих взглядов внесли и Павел Афанасьевич Цыганков, и Владимир Вячеславович Малявин. Хотелось бы отметить и последние работы Татьяны Александровны Алексеевой, которая неслучайно стала сотрудничать с физиками. Меня радует, что американские международники пишут даже о зеркальных нейронах, правда, что из этого можно извлечь – остаётся вопросом. Поэтому в большей степени я опираюсь не столько на достижения международников, сколько на того же Никласа Лумана, на У. Матурано, Ф. Варелу и ряд других авторов.

М. М. Лебедева: Анатолий Михайлович, вы говорили, что государства формируют международную систему. Если исходить из государств и того, что мы сейчас наблюдаем некую хаотизацию в системе, то, может быть, что-то неладно с системой? Не считаете ли, что система находится в состоянии хаотизации, в нестабильном состоянии?

А. М. Кузнецов: Мой тезис однозначный – никакой системы международных отношений не существовало и не существует. И нестабильность, легкие переходы от союзничества к враждебности только лишь подтверждают мою точку зрения. Поэтому реалисты в большей степени правы. И Вендт тоже писал, что анархия – это то, что делают государства. Поэтому главный ответственный за состояние МО – государства. Но я не занимался вопросом, насколько те же ТНК являются уже системными образованиями. Если это так, то и они влияют на МО и их состояние.

С. Е. Ячин: Всё-таки худо-бедно, но существуют международные соглашения и международные организации. Не является ли это эмпирическим свидетельством того, что международная система (при всей её хаотичности) реально существует? Представьте себе мир, в котором не было бы всего этого. Это действительно был бы хаос, но мы живём всё-таки в более-менее стабильном мире. Не преувеличиваете ли вы отсутствие международных отношений как некоей реальности?

А. М. Кузнецов: Я был бы рад, если бы была эта стабильность. Но мы слышим постоянные разговоры о кризисе ООН, видим, чего стоят международные соглашения и как они легко рвутся. Важнейший признак системы – это всё же стабильность, причём продолжительная. А в международных отношениях стабильность в лучшем случае длится лет 30–40.

А. А. Киреев: Анатолий Михайлович, я так понимаю, вы отрицаете существование глобальных международных систем. А признаете ли вы реальность национальных политических систем?

А. М. Кузнецов: Да, на мой взгляд, государства, которые уже существуют и доказали свою жизнеспособность, являются как раз системными образованиями. Наблюдаем ли мы что-нибудь подобным образом организованное на глобальном уровне?

А. А. Киреев: Это ваша интуиция, или у вас есть какие-то эмпирические индикаторы? В одном случае вы признаете существование системы, а в другом – нет. Почему?

А. М. Кузнецов: Важный критерий – это способность системы к самовоспроизводству за счёт сложившейся структуры. Если он выполняется, значит можно говорить о системности. А если мы видим кризисы – стоит подумать. А уж про какие эмпирические индикаторы «напряжесметры» можно говорить на системном уровне?

А. А. Киреев: Воспроизводство – это очень абстрактное понятие. Это отнюдь не эмпирический индикатор. Его использование открывает широкое пространство для спекуляций.

А. М. Кузнецов: Если пренебрегать строгостью терминологии, тогда спекуляции возможны. Но если чётко критерий выполнять, то поле для спекуляций, уверяю вас, будет гораздо меньше. Вот здесь было бы полезно философское понимание идентичности (самотождественность), а не то, как сейчас её трактуют.

А. А. Киреев: Понятие воспроизводства может быть операционализировано и измерено?

А. М. Кузнецов: Я не сторонник математических методов... Где-то они работают, и пусть я навлеку на себя много критики, но я согласен с теми авторами, которые считают что математизация в гуманитарных науках – это проявление позитивистского комплекса неполноценности перед естественными науками, которые работают с объектами, не характеризующимися **сознанием**.

А. Л. Лукин: Похоже, эта ваша реплика – в адрес американских коллег, потому что в России математические методы особо не внедрились, ни в политологию, ни в международные отношения. Не знаю, хорошо это или плохо...

А. М. Кузнецов: У нас есть горячие сторонники математизации.

А. Л. Лукин: По-моему, не среди присутствующих...

М. В. Ильин: Почему же, среди присутствующих тоже, и очень много. Могу сослаться на один пример – «Политический атлас современно-

сти», который продемонстрировал возможности нелинейного статистического моделирования.

Мне понравился пафос дискуссии, и тезисы Анатолия Михайловича тоже меня привлекли... Конечно, нам требуется серьёзная теоретико-методологическая саморефлексия, это совершенно бесспорно. Я не готов сейчас подробно выступать по всем пунктам, которые обозначил Анатолий Михайлович, ограничусь буквально двумя-тремя. То, что меня задело – это упоминание хронополитологии (на самом деле это хронополитика). Её придумал не я, и не Вадим Цымбурский, хотя мы её пропагандировали. Это придумал Джордж Модельски, где-то лет за десять до нас, в середине 1980-х гг. Действительно, тут есть основания для того, чтобы иметь какую-то точку опоры, во всяком случае. Можно придумать для этого и другое название, и я его сейчас отстаиваю – эволюционная морфология. Анатолий Михайлович упоминал о трёх трансдисциплинарных органах, которые мы отстаиваем. И вот, морфологический органон (точнее, мы его называем морфический, поскольку органон шире, чем просто частные морфологии) – это один из тех органонов, которые помогают под определённым углом зрения смотреть на действительность. Здесь разгорелся нешуточный спор – есть ли система, нет ли системы... Спор, как мне кажется, можно было бы упорядочить вот каким образом. Система чего? Система где? Не может быть системы всего во всём. Такой системы нет – универсальной, всеобъемлющей и всё подчиняющей себе. Ясно, что все то, что мы видим в мире – это какое-то сочетание разных систем, разного масштаба, и в силу того, что они разные, и возникает это ощущение дестабилизации и бессистемности. Слишком много систем, слишком они разные и не стыкуются между собой. Проблема заключается в том, как эти системы сочетать. Есть система ООН, есть система ЕС и т. д., они могут по-разному стыковаться между собой, и возникают разные эффекты. Ясно, что ни одна система не является полной и завершённой (можно вспомнить Гёделя). Ничего удивительного нет – системы есть, системность существует в разных параметрах, но она неспособна создать совершенно жёсткий порядок, который незыблем раз и навсегда. Всё меняется, и системы эволюционируют.

Возвращаясь к морфологии, к морфитическим подходам, в Центре перспективных методологий социальных и гуманитарных исследований ИНИОН РАН мы сделали интересную вещь – мы попробовали самые продвинутые научные методы соотнести с базовыми когнитивными способностями, причём не человеческими, а просто биологическими. Базовой способностью различать сигналы обладает даже инфузория-туфелька. Не различать высоту тона или яркость звука, а ещё более примитивной способностью – просто различать сигнал. После того как сигналы различены, их можно ранжировать. После того как они ранжированы – можно проводить операции с этими ранжированными сигналами, и в результате получаются вычисления, статистика. На этом основана математика – не вся, а только вычислительная математика и статистика (математика распадается на две составляющих – то, что мы называем «метритический органон» и «морфический органон»). Это очень изощрённый инструмент, но вырос он из примитивной способности различать сигналы.

Есть и другая примитивная способность, которой обладают, например, даже лягушки. Лягушка ловит летящую мимо муху. Почему

она это делает? Потому что она осуществила то, что называется pattern recognition – распознавание образа. Идёт много сигналов, и их можно сложить в конфигурацию. Складывание сигналов в конфигурацию – это следующая способность. Отсюда – вся морфетика, вся сравнительная политология, вся лингвистическая морфология, работа с материальными и мыслительными формами. Вы, Анатолий Михайлович, упоминали Проппа, называли его структуралистом. На самом деле он – морфолог. Он говорил о морфологии волшебной сказки, выделял универсальные формы, в которых можно любые сказки отлить. Он работал с формами, обо всём остальном он не знал – он не знал про математику, он её игнорировал. Он оставил только формы и с ними работал. Если вы хотите делать что-то качественно и научно, вы должны делать это систематически, а от всего остального отказать.

Есть и третья способность – приписывание смысла формам и сигналам. Это, скорее, человеческая способность. И речь идёт здесь не просто о распознавании формы, а о распознавании функциональности формы. Это семиотика.

Вот эти три больших разреза. Соответственно, международные отношения можно рассматривать с точки зрения того, что они нам сигнализируют, как это сделано в «Политическом атласе современности», где мы рассмотрели только сигналы и данные статистики. Либо рассматривать с точки зрения форм – анализировать конфигурации политических, межгосударственных систем и т. д. Можно работать либо с формами, либо с сигналами. Сложить их – проблематично, но, возможно, для этого требуется сделать не одно, а несколько исследований, последовательно и параллельно их чередуя. И наконец, последнее и самое сложное – это то, что у нас принято называть качественными исследованиями. Мы называем это семиотикой.

А. М. Крестинина: Анатолий Михайлович, вы говорили, что в международных отношениях отсутствует систематизированность. Получается, что теория международных отношений – не наука? Упомянулось, что положение акторов зависит от чёткой системы и структуры. Но акторы – это же основа международных отношений? Наука ведь строится на людях. Получается, всё-таки есть система, просто она плохо организована и требует реорганизации?

М. В. Ильин: Можно я попробую ответить? Я бы хотел процитировать классиков сравнительной политологии Габриэля Алмонда и Бингхэма Пауэлла, у которых в книге «Сравнительная политология: эволюционный подход» есть такая чеканная формулировка: «политические системы состоят не из людей, а из ролей». Вы сказали «акторы», а затем тут же сказали «люди». Но люди – не акторы, а акторы – не люди. Есть, например, государства, которые есть акторы межгосударственной системы, есть члены парламента – акторы парламентской системы. А есть Иван Иванович Иванов, который может быть пасечником в одной системе, гражданином в другой и ещё кем-то – в третьей. И когда мы хотим, чтобы Иван Иванович всюду был счастлив и всюду у него был порядок – это наивное ожидание. Он может навести порядок на своей кухне и у него там будет система, но при этом у него в сарае будет полный бардак.

А. М. Кузнецов: Конечно, международные отношения – это наука, но её проблема в том, что она сравнительно поздно появилась, и отставание от других наук приводит к такому положению. Кроме того,

обращаю внимание на корректность терминов: система – это не систематизация. Систематизация – это то, что мы можем как угодно раскладывать и приводить в порядок. Система – это то, что существует по своим собственным законам.

А. М. Крестинина: Да, в международных отношениях акторы – это государства, различные правительственные и неправительственные организации. Но ведь все они идут от людей, люди управляют ими. Если бы не было людей, не было бы и акторов. Можно ли говорить, что акторы – это не люди, ведь без людей не было бы ничего?

М. В. Ильин: Я – человек, и я выступаю на данном семинаре в качестве, ну, скажем, методолога. Но я не выступаю в качестве доктора медицины. Но если бы я был и тем, и другим, то я был бы человеком, который может взять на себя обе роли. Одним из моих ранних занятий было шекспироведение. Я обычно спрашиваю студентов, почему Шекспир – самый политический писатель. Отвечают, что он писал про королей и т. д. Нет, не поэтому. Шекспир самый политический писатель, потому что он постоянно зациклен на одном вопросе – как притворяются люди, как они играют роли. У него все исполняют какие-то социальные роли. Это не означает, что когда ты исполняешь роль, ты перестаешь быть самим собой. Однако роль можно выполнять по-разному. Можно её выполнять как Макбет, великий герой, который взял на себя роль убийцы. И эта роль его уничтожила, он не смог ей сопротивляться. Личность исчезла. И закончилось это, как вы знаете – *tale full of sound and fury, signifying nothing*. А можно – как Генрих V. Он осваивает роли, ведет с себя с солдатами по-солдатски, и т. д. И он становится самым большим героем английской истории – королём, который умеет играть роли всех своих подданных. Из того, что есть проблема роли и человека, исчезает ли Макбет или Генрих V? Не исчезает, люди остаются. Но это люди, которые играют роли. Пока ты играешь роль – ты действуешь системно.

Д. В. Конончук: Михаил Васильевич, а вы или какой-то абстрактный актер могли бы играть роли, если бы до этого не был бы человеком? Может быть, мы сначала – люди, а потом уже примериваем определённые роли? Может быть, антропология – это наша исходная возможность, и когда мы играем какие-то роли, у нас всё-таки что-то от человека остаётся?

М. В. Ильин: Безусловно, от человека всегда что-то остаётся, человек шире любой роли. Но человек не есть что-то существующее независимо от ролей. Как ребенок превращается в человека? Потому что мама его поощряет делать что-то правильно. Ты так здорово улыбаешься – улыбайся! Здорово тянешь звук «аа» – тяни... И вот ребенок научается делать и одно, и другое, и третье. Осваивает роли. Это всё функции и формы. И когда, сложив формы, этот бывший ребенок оказывается способен играть в разных системах, в разных ролях, в разные игры – вот тут он и становится человеком.

А. М. Крестинина: Означает ли это, что, когда человек перестаёт играть роль, система рушится? Например, на заседании в ООН люди выполняют свои роли согласно служебным обязанностям. Но когда оно закончится, они все забудут, что они занимают свои должности и системы не будет?

М. В. Ильин: А кто сказал, что все забудут? ООН существует уже 75 лет, и все прекрасно знают, что эта система и дальше будет продол-

жать существовать.

А. И. Козинец: К слову о кризисе. Прозвучала мысль о том, что наука и теория должны в том числе давать прогнозы. В каком-то смысле мы можем сказать, что, к примеру, Миршаймер ещё в 2003 г. в «Трагедии политики великих держав» прогнозировал конфликт между США и Китаем, и в 2020 г. можно сказать, что прогноз сбывается. Значит, всё работает, никакого кризиса нет. Некоторые авторы, например, Томас Кристенсен из Дании, сравнивая публикации разных лет, показывает, что кризисное состояние теории международных отношений отмечается ещё с 1980-х гг. То есть этот кризис вроде как постоянно существует, но при этом и международники есть, и студенты всё больше и больше набираются в разных университетах и разных странах. Кризис есть, но при этом есть и какая-то популярность. Что касается новых направлений для исследований, связанных с человеком, можно отметить проблематику гендера. Например, у американских авторов можно встретить критику китайских теоретиков на предмет того, есть ли место феминизму в китайских школах теории международных отношений. Есть ли там место квир-теории? В западной теории это есть и это интересный вопрос, как будет соотноситься одно с другим. ещё лично мне кажутся очень интересными все направления, которые связаны с нейронаукой, но не возникнет ли проблем в «мире» политкорректности, в котором так или иначе находятся все ученые, связанные с тем, что авторов, которые активно говорят о различиях работы мозга, станут обвинять в некоем новом научном расизме? Насколько этические рамки тормозят развитие дисциплины? Одно дело – исследовать лягушек и птиц, совсем другое дело – затрагивать интересы людей. И когда автор публикует статью, он соотносится с тем, как это будет принято.

А. М. Кузнецов (реплика): Д. Миршаймер предсказывал и роспуск НАТО.

П. А. Цыганков: Мне кажется, мы немного отклонились от главного вопроса, который поставил Анатолий Михайлович – вопроса о нашей дисциплине, её кризисе и о том, может ли она сохраниться. Мне кажется, во-первых, что есть основания для такой постановки вопроса, а, во-вторых, есть основания задуматься, почему этот кризис возник. Первое, что в этой связи приходит в голову, – важность методов и методологии. Но не менее важно и даже краеугольно для науки – она развивается не из праздного любопытства, не из интеллектуальных усилий, не в целях саморазвития, хотя все это и очень важно. Но всё-таки, мне кажется, что наука тогда наука, и дисциплина тогда дисциплина, когда она отвечает на какие-то социальные запросы извне. В этом смысле теория международных отношений – это социальная наука. Поэтому она развивается и входит в кризис прежде всего тогда, когда развивается и входит в кризис сам социум. Кризис науки связан с тем, существует ли кризис самой реальности. Не буду говорить о том, что эта реальность может быть разная, что это может быть представление, придание смысла. С точки зрения эпистемологии всё более-менее ясно. Как нас учили в теории познания, что оно движется от ощущения к восприятию и представлению. Но в основе ощущения, восприятия и представления лежит сам объект, а объект сегодня находится в кризисе. В истории развития теории международных отношений, каждый из этапов и кризисов связан с кризисами в самом объекте. Как появился реализм? Он появился тогда, когда люди начали

осмысливать и выражать свою озабоченность по поводу того, чтобы не повторилось то бедствие, которое было связано с Первой мировой войной. Наука социальна и тесно связана с тем, что происходит в самом объекте.

Кроме того, существует фрагментарность. Она присуща не только нашей дисциплине. И в социологии, и в политологии и т. д. мы видим ту же фрагментарность и те же кризисы, которые так же, как и в самой реальности, являются точками дальнейшего развития. Есть разные пути и разные возможности дальнейшего развития науки, и это зависит и от самого объекта, и от того, как он управляется, кто на себя какие роли берет. Нужно не бояться этой фрагментарности и исходить из того, что уже достигнуто и о чём все в какой-то мере договорились. Договорились же всё о том, чтобы не абсолютизировать какую-то одну точку зрения, а основываться на том, что можно назвать методологическим эклектизмом. Каждая из точек зрения отражает какую-то одну сторону самого объекта. Если каждый будет настаивать на своём, то я буду говорить, что негосударственные акторы не влияют на мировую политику, а Марина Михайловна – что государства не влияют, и так мы никогда не сойдёмся. Но мы уже давно сошлись, потому что мы оба считаем, что государства важны, реальны и т. д., но мы видим, на примере того же Трампа, что сегодня крупнейшие компании, корпорации, информационные ресурсы во многом управляют (или не управляют, а вводят в ступор и хаос) тем, что происходит сегодня в США и не только там. И то, и другое важно. Здесь нужно определить момент и ту линию, в которой станет возможно совершить какие-то новые научные открытия.

О междисциплинарности. Она важна, но я хотел бы обратить внимание на другую сторону этого вопроса – на то, что нужно попытаться не размывать, сохранить объект и предмет науки о международных отношениях, не растаскивать их по различным дисциплинам. Это естественное стремление – попытаться использовать вклад других дисциплин, но важно, чтобы это не размывало предмет. А это происходит в тот момент, когда нам кажется, что мы уже всё знаем про международные отношения и начинаем подходить к ним при помощи самых разных дисциплин, то мы размываем объект и забываем о том, что главное. А главное – это то, что международные отношения коренным образом отличаются от немеждународных, внутриобщественных отношений. Международные роли – это роли, которые развиваются в супер-рисковой сфере. Так как есть, пусть мы это часто и критикуем, анархия и отсутствие единого управляющего центра. С другой стороны, есть иерархия. Значит, всё-таки есть система и есть стабильность. Стабильность – это качество системы. Конечно, дестабилизация может привести к разрушению системы, но тогда вместо нее придёт какое-то другое построение. И система станет существовать в каком-то новом виде, либо перестанет существовать абсолютно всё в результате ядерной войны, например.

И ещё один вопрос. Мы все внимательно следим за тем, что происходит в зарубежной науке. И там мы тоже видим некоторую растерянность, вопросы о кризисе, о том, почему не происходит новый «большой спор». Мы больше спорим по деталям, но, мне кажется, новый «большой спор» назрел и назревает именно в соотношении с тем, что происходит в самом объекте. Происходит фрагментация и системный кризис, ведущие к крушению всей картины. В чем круше-

ние всей картины выражается в теории международных отношений? Во всё большем интересе к незападным, неамериканским взглядам. В том числе и к российской школе, которая слабо развивается, но должна развиваться. Это спорный тезис, но, возможно, отечественному сообществу необходимо взять паузу, сосредоточиться, может быть, временно изолироваться от того, что происходит в мировой науке и заняться тем, что интересует нас, не отбрасывая то, что создано и опираясь на это.

М. М. Лебедева: Павел Афанасьевич буквально снял с языка то, что я хотела сказать по поводу изменения объекта и того, что теория в результате этого находится в состоянии кризиса. Вопрос заключается в том, а что меняется в объекте? Что касается системности, наверное, я не согласна с Анатолием Михайловичем. Наверное, стоит говорить не «система международных отношений», а «системы в международных отношениях». Я бы хотела здесь провести аналогию с человеком: у него есть кровеносная система, пищеварительная система и т. д. Они могут конфликтовать друг с другом – человек болеет. Если мы выделим эти системы и скажем, что у нас не сопоставляется друг с другом, то мы поставим, условно говоря, диагноз современной системе международных отношений. Конечно, диагноз поставить будет сложнее, потому что систем гораздо больше, чем в организме человека, и их взаимодействие гораздо более сложное, но это тем не менее один из путей и анализа международных отношений и построения теории.

Правильно ли я поняла Михаила Васильевича? Если мы говорим о системах, то системы сопоставимы с тем, что вы назвали формами?

М. В. Ильин: Системы, безусловно, обладают конфигурациями, поэтому их удобно анализировать как формы. Но у систем есть и свои смыслы, и измеряемые параметры.

В. В. Малявин: Я лично далёк от обсуждаемой проблематики. Я один из немногих, кто идёт от погружённости в определенную языково-культурную этическую реальность, и оттуда я выкарабкиваюсь наверх. У меня нет позиции по данной теме. Я хочу лишь обратить внимание на то, что весь наш разговор, если говорить по-научному, находится в рамках западной парадигмы, он одномерен, даже в рамках закидонов в правую и левую сторону. Потому что предполагается, что знание предметно, оно логически организовано, должно быть рациональным и должно быть сведено в систему. Ничего против этого я не имею. Но занимаясь всю жизнь Востоком, должен сказать, что этого там нет. И то, что мы видим на поверхности Востока – это слабые отголоски отсутствия той самой формы, субстанции, идеи – всего того, чего просто нет в восточной мысли, вообще нет. Это любопытная вещь. Но поскольку это настолько смелый ход, то лучше этого не замечать, а искать под фонарём то, что нам понятней. Я должен всё это оставить и сделать одно маленькое замечание. Во-первых, мы забываем о феноменологической дистанции понятия. Понятия могут быть как кристаллы. И под всеми переливами смысла их невозможно зафиксировать – но, во всяком случае, мы имеем дело с этим материалом, работаем с определённого рода мыслью. Ну, вот если китайское. Понятно, что китайцы думают одно, говорят другое, а делают третье. Это нам понятно. Но почему они это делают? Есть у одного американского учёного работа «Ролевая этика китайцев». Ролевая этика для нас – это что, лицемерие или нет? Тут есть элемент лицемерия. А вот для китайцев – нет. Человек может только играть. То ли они не

люди, то ли дело в чём-то другом. Что из этого следует? Что мы должны помнить завет Ницше – истин больше нет. Есть только мнения и интерпретации. Это, конечно, очень неприятное заключение, но надо помнить об этом, потому что международные отношения – это просто привилегированная область вранья по всякому поводу. Причём, может быть, вранья системного. Об этом надо помнить. Мы должны помнить о внутренней глубине понятий, в которых они могут совершенно менять свой смысл. Поэтому разговоры о предметном смысле могут идти только вот с такой оговоркой. Мне так кажется, может быть, я и ошибаюсь, и потому не лезу в системологию международных отношений. И второе – анархия и иерархия. Оправдана ли иерархия и в каком виде? Я не услышал об этом высказываний. Что это будет означать применительно к международным отношениям? Наконец, мой главный тезис. Если говорить о системоорганизующих принципах, то всё это сводимо к одной оппозиции. Либо мы имеем систему, основанную на самотождественности, субъектно-объектную. И тогда мы вынуждены или враньём, или насильно доказывать тождество. Может быть, я преувеличиваю, но есть такая опасность. Значит, мы либо имеем систему самотождественности, в которой всё друг другу либо тождественно, либо противоречит. Систему принципиально нестабильную, потому что она взрывается изнутри. Она может быть выдержана только какими-то другими подсобными средствами. Насилием, пропагандой, агитацией и т. д.

Либо возможна другая система. Вот представьте себе, вместо отождествления субъекта и объекта мы в том или ином смысле убираем субъективность, доводим её до нуля, редуцируем. Что будет тогда? Тогда мы придём к той точке, где мы не сможем обосновать совпадение понятий... Вот эта самая точка всеобщего схождения и схождения и она же – несходства, неустойчивости. Я называю её совместностью. Она даёт нам совершенно другую метасистему или условие существования всех систем. Можем ли мы в такой перспективе говорить или нет. Это – перспектива, в моём понимании, глобальности. Я совершенно согласен с теми, кто говорит о необходимости видеть этот иной взгляд, совершенно иной – не просто модификация того, что нам дано на Западе. Я лично столкнулся на Западе с организованным фронтом и отторжением того, о чём я говорю. Люди не скрывают политической ангажированности. Идея «евразийской системы» вызывает какое-то ментальное отторжение. Когда указываешь на какие-то китайские вещи, говорят «вы неправильно интерпретируете, не может такого быть». Вот на это обстоятельство я хочу указать. Кризис наш – это кризис наступления глобальности, в котором западная мысль уже по определению не может работать, хотя она замечательная.

Д. В. Конончук: Владимир Вячеславович, о наших китайских делах: если мы живём в эпоху наступающей глобальности, то не будет ли эта наступающая глобальность, когда станет наступившей, так же нуждаться во вранье, пропаганде и других, что называется, скрепах для поддержания самотождественности, но уже на уровне глобальности?

В. В. Малявин: Вы мыслите глобальность по-западному – как единый мир. А я мыслю глобальность по-другому. Это мир разный, мир миров, в котором вообще этот вопрос перестаёт существовать. Мы имеем много жизненных миров, иерархически и анархически одновременно организованных. Для меня прообразом является школа. Школа – это основа восточного социума. Школа духовной практики.

Пока её не будет, я считаю запретить надо все разговоры о системах и т. д. Сегодня говорили о людях. Так дело не в человеке, а в том, какой человек. Мы всё считаем, что мы можем придумать методику или систему, в которую можно подставить любого. А нельзя сюда подставить никого, кроме данного лица. Тогда это будет замкнуто. И мы должны научиться жить в параллельных мирах. Не бежать к соседу, брать его за шкуру и требовать от него, чтобы он жил как я, а если он не хочет – сжечь его дом, а научиться жить в совместности. Не едиными, разными или противоположными, а в свободной совместности.

Д. В. Конончук: Я бы с удовольствием разделил вашу точку зрения, если бы речь шла о духовности сегодня. Но поскольку речь идёт о международных отношениях, я не думаю, что такое в ближайшей перспективе возможно.

А. М. Кузнецов: Выражаю огромную благодарность всем участникам дискуссии. Практически, все ведущие авторы, кто принимает участие в разработке теории международных отношений в России, приняли в ней участие, и это знаменательный факт. Дискуссия лишь обозначила сложность и многомерность проблемы. И я никоим образом не претендую, что я хочу закрыть все аспекты. Я просто вижу некоторые обстоятельства, которые я могу обсуждать. И то поле, которое Михаил Васильевич обрисовал, – оно тоже существует. И то, с чем солидарны Павел Афанасьевич и Марина Михайловна, – имеет основания. Но мы сейчас разобщены. Настал момент, когда я чувствую, что варюсь в собственном соку. Теперь я получил импульс для того, чтобы идти дальше и закончить работу, которую я потом обязательно представлю на ваш суд. Огромное всем спасибо.

Литература

1. Алексеева Т. А. Теория международных отношений как политическая философия и наука. М.: Аспект Пресс, 2019. 606 с.
2. Алексеева Т. А., Лебедева М. М. Что происходит с теорией международных отношений // Полис. 2016. № 1. С. 29–43.
3. Аршинов В. И. Наблюдатель сложности в контексте парадигмы постнеклассической рациональности // Философия мышления. Одесса: Печатный Дом, 2013. С. 59–73.
4. Баталов Э. Я. Антропология международных отношений. М.: Аспект-Пресс, 2018. 350 с.
5. Богатуров А. Д. Системный подход и эволюция международных отношений в XX веке // Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и методологии анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. С. 112–128.
6. Жуйчжуан Чжан, Королёв А. Теория международных отношений с китайской спецификой: современное состояние и тенденции развития. // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 3. С. 96–110.
7. Коньшев В. Н., Сергуниев А. А. Теория международных отношений: канун новых «великих дебатов» // Полис. 2013. № 3. С. 66–78.
8. Кузнецов А. М. Феномен С. М. Широкогоров. Судьба и наследие антрополога Российской Академии наук // Три века российской этнографии: страницы истории. Вып. 2. М.: Наука-Восточная литература, 2020. С. 71–91.
9. Система, структура и процесс развития современных международных отношений / Отв ред. В. И. Гантман. М.: Наука, 1984. 422 с.
10. Цыганков П. А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2006. 590 с.
11. Acharya A. Towards a Global IR? In International Relations Theory / S. McGlinchey, R. Walters. C. Scheinpflug (eds.). Bristol, 2017 // E-International

Relations (сайт) URL: <https://www.e-ir.info/publications> (дата обращения: 20.09.2020).

12. Armstrong D. Why is there too much international theory? // Australian Journal of Political Science. Vol. 30. (4). Issue 2. 1995. P. 356–363.

13. Ashworth L. M. Of Great Debates and the History IR: Why the “Great Debates” Story is Wrong // E-International Relations (сайт) URL: <https://www.e-ir.info/2014/02/12/of-great-debates-and-the-history-of-ir-why-the-great-debate-story-is-wrong/> (дата обращения: 22.09.2020).

14. International Relations Theory. Discipline and Diversity. Third Edition / Dunne T., Kurki M., Smith S. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2013.

15. Maturana U., Varela F. Autopoiesis and Cognition. The Realization of the Living // Boston Studies in the Philosophy of Science /

R. Cohen and M. Vartofsky (eds.). Vol. 42, 94. Boston: Reidel Publishing Company, 1980. 48 p.

16. Qin Yaqing. Why is There no Chinese International Relations Theory? // Non-Western International Relations Theory? Perspectives on and beyond Asia / ed. by A. Acharya, B. Buzan. L., NY: Routledge, 2010. P. 26–50.

17. Wæver O. Still a Discipline After All These Debates? // International Relations Theory. Discipline and Diversity. Third Edition / Dunne T., Kurki M., Smith S. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 306–328.

18. Waltz K. Theory of International Politics. Addison-Wesley Publishing Co., 1979.

19. Vendt A. Quantum Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

Anatolij M. KUZNETSOV,

Ph. D. (in History), Professor, International Relations Department, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Mikhail V. ILYIN,

Ph. D. (in Political Science), Full Professor, National Research University Higher School of Economics; Head of the Center for Advanced Methodologies of Social and Humanitarian Research, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS, Moscow State Institute of International Relations (University) (Moscow, Russia).
E-mail: milyin@hse.ru

Anton A. KIREEV,

Ph. D. (in Political Science), Associate Professor, Department of Political Sciences, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: antalkir@yandex.ru

Andrei I. KOZINETS,

Ph. D. (in Political Science), Associate Professor, Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail:

Dmitriy V. KONONCHUK,

Ph. D. (in Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Religion Studies, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: kononchuk.dv@dvfu.ru

Anastasiya M. KRESTININA,

Undergraduate Student in the field of international studies, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: greinjer.stasya@yandex.ru

Marina M. LEBEDEVA,

Ph. D. (in Political Science), Full Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia).
E-mail: mmlebedeva@gmail.com

Artyom L. LUKIN,

Ph. D. (in Political Science), Associate Professor of International Relations Department, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: artlukin@mail.ru

Vladimir V. MALYAVIN,

Ph. D. (in History), Professor-Researcher, School of International Regional Studies, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia).
E-mail: vmalyavin@hse.ru

Andrey V. POPOVKIN,

Ph. D. (in Philosophy), Head of Philosophy Department, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS (Vladivostok, Russia).
E-mail: andrey.popovkin@gmail.com

Pavel A. TSYGANKOV,

Ph. D. (in Philosophy), Deputy Head of International Relations and Integration Processes Department, The Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).
E-mail: probor@bk.ru

Sergei E. YACHIN,

Ph. D. (in Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Religion Studies, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: yachin.se@dvfu.ru

What is the Post/Polydisciplinary Theory of International Relations?

УДК 303(327)

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/49-68>

On 22 October, 2020, the Department of International Relations at Far Eastern Federal University's Oriental Institute – School of Regional and International Studies, hosted an open online workshop “What is the post-disciplinary theory of international relations?”. The workshop has brought together a number of leading Russian scholars in international studies and political science. The major themes of the workshop addressed the theoretical conceptualization of contemporary international relations and prospects for the future development of international relations theory. The keynote speaker at the workshop, professor at the FEPU's Department of International Relations Anatoly M. Kuznetsov, delivered a presentation on the crisis that contemporary theory of international relations has experienced over the recent years, as well as the ways to overcome this crisis. The presentation was followed by a discussion, during which the participants of the workshop reflected on the systems approach to international studies, the problems of actors and their roles in world politics, the changes in object of the study that have their impact on the development of the theoretical framework of international studies and other topics.

Publication prepared by
Valentin I. Voloshchak

For citation: Kuznetsov A. M., Ilyin M. V., Kireev A. A., Kozinets A. I., Kononchuk D. V., Krestinina A. M., Lebedeva M. M., Lukin A. L., Malyavin V. V., Popovkin A. V., Tsygankov P. A., Yachin S. A. What is the Post/ Polydisciplinary Theory of International Relations? // *Oriental Institute Journal*. 2021. № 1. P. 49–68. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/49-68>

References

1. Alekseeva T. A. Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij kak politicheskaya filosofiya i nauka. M.: Aspekt Press, 2019. 606 s.
2. Alekseeva T. A., Lebedeva M. M. CHto proiskhodit s teoriej mezhdunarodnykh otnoshenij // *Polis*. 2016. № 1. S. 29–43.
3. Arshinov V. I. Nablyudatel' slozhnosti v kontekste paradigmy postneklassicheskoy ratsional'nosti // *Filosofiya myshleniya*. Odessa: Pechatnyj Dom, 2013. S. 59–73.
4. Batalov E. H. Ya. Antropologiya mezhdunarodnykh otnoshenij. M.: Aspekt-Press, 2018. 350 s.
5. Bogaturov A. D. Sistemnyj podkhod i ehvolyutsiya mezhdunarodnykh otnoshenij v KHKH veke // Bogaturov A. D., Kosolapov N. A., Khrustalev M. A. Ocherki teorii i metodologii analiza mezhdunarodnykh otnoshenij. M.: NOFMO, 2002. S. 112–128.
6. ZHujchzhuan CHzhan, Korolev A. Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij s kitajskoj spetsifikoj: sovremennoe sostoyanie i tendentsii razvitiya. // *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2010. № 3. S. 96–110.
7. Konyshchev V. N., Sergunin A. A. Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij: kanun novykh «velikikh debatov» // *Polis*. 2013. № 3. S. 66–78.
8. Kuznetsov A. M. Fenomen S. M. SHirokogorova. Sud'ba i nasledie antropologa Rossijskoj Akademii nauk // *Tri veka rossijskoj etnografii: stranitsy istorii*. Vyp. 2. M.: Nauka-Vostochnaya literatura, 2020. S. 71–91.
9. Sistema, struktura i protsess razvitiya sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenij / Otv red. V. I. Gantman. M.: Nauka, 1984. 422 s.
10. Tsygankov P. A. Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij. M.: Gardariki, 2006. 590 s.
11. Acharya A. Towards a Global IR? In *International Relations Theory / S. McGlinchey, R. Walters. C. Scheinpfug* (eds.). Bristol, 2017 // *E-International Relations* (sajt) URL: <https://www.e-ir.info/publications> (data obrashheniya: 20.09.2020).
12. Armstrong D. Why is there too much international theory? // *Australian Journal of Political Science*. Vol. 30. (4). Issue 2. 1995. P. 356–363.
13. Ashworth L. M. Of Great Debates and the History IR: Why the “Great Debates” Story is Wrong // *E-International Relations* (sajt) URL: <https://www.e-ir.info/2014/02/12/of-great-debates-and-the-history-of-ir-why-the-great-debate-story-is-wrong/> (data obrashheniya: 22.09.2020).
14. *International Relations Theory. Discipline and Diversity*. Third Edition / Dunne T., Kurki M., Smith S. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2013.
15. Maturana U., Varela F. Autopoiesis and Cognition. The Realization of the Living // *Boston Studies in the Philosophy of Science / R. Cohen and M. Vartofsky* (eds.). Vol. 42, 94. Boston: Reidel Publishing Company, 1980. 48 r.
16. Qin Yaqing. Why is There no Chinese International Relations Theory? // *Non-Western International Relations Theory? Perspectives on and beyond Asia / ed. by A. Acharya, B. Buzan. L., NY: Routledge*. 2010. P. 26–50.
17. Wæver O. Still a Discipline After All These Debates? // *International Relations Theory. Discipline and Diversity*. Third Edition / Dunne T., Kurki M., Smith S. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 306–328.
18. Waltz K. *Theory of International Politics*. Addison-Wesley Publishing Co., 1979.
19. Vendt A. *Quantum Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ПУСТОВОЙТ Евгений Валерьевич

канд. ист. наук, заведующий кафедрой японоведения Восточного института – Школы региональных и международных исследований, ДВФУ (г. Владивосток)

Электронная почта: pustovojt.ev@dvfu.ru

Особенности подготовки административных и научных кадров в королевстве Рюкю в XVII – XVIII вв.

УДК 94(5)

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/69-74>

В статье отражены и проанализированы особенности подготовки административных и научных кадров в королевстве Рюкю в XVII – XVIII вв. в условиях, когда островное государство пыталось маневрировать между решением экономических проблем и сохранением профессионального сообщества и научной базы страны. Важнейшей задачей в таких условиях для Рюкю стало сохранение поселения Кумэ-мура, которое являлась практически единственным научно-образовательным конгломератом как в Японии, так и на Рюкю, получавшим прямую финансовую поддержку от государства, и через который проникали философия, наука, литература из Китая.

*Кумэ-мура,
Рюкю,
чжусианство,
конфуцианство,
кансё,
Кокугаку,
сословная система*

В течение XVII – XVIII вв. научно-образовательный центр Кумэ-мура (дословно «деревня Кумэ») оказывал влияние на разные сферы деятельности королевства Рюкю и на формирование культурной идентичности этого государства в Восточной Азии. Особый вклад представители Кумэ-мура внесли в становление культуры, науки, образовательной системы, дипломатии и торговли королевства в Новое время.

В результате военного вторжения японского клана Сацума на Рюкю в 1609 г. Кумэ-мура пришла в экономический упадок, что, в свою очередь, поставило вопрос о целесообразности дальнейшей поддержки и существования научной школы в королевстве. Установление новых вассальных отношений между Рюкю и Японией (в лице князей-даймё дома Симадзу из клана Сацума) повысило статус Кумэ-мура.

При непосредственном контроле со стороны Японии в начале XVII в. королевское правительство провело несколько реформ, благодаря которым удалось восстановить экономическое положение Кумэ-мура и придать ей новые цели и задачи с учётом изменившихся внешних обстоятельств для самого Рюкю, а именно резкий спад международной морской торговли, смена династий в Китае, установление вассальных отношений с Японией.

Так, теперь Кумэ-мура стала играть важнейшую роль в обслуживании дипломатических контактов Рюкю с Китаем: приоритетными направлениями деятельности были продвижение торговых операций, выгодных для Сацума, и получение актуальной информации с материка, в которой так остро нуждалась Япония в условиях самоизоляции от внешнего мира.

Для цитирования:
Пустовойт Е. В. Особенности подготовки административных и научных кадров в королевстве Рюкю в XVII – XVIII вв. // Известия Восточного института. 2021. № 1. С. 69–74. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/69-74>

Примерно в середине XVII в. предпринятые ранее правительством Рюкю меры привели к стабилизации экономического и социального положения жителей Кумэ. Одной из таких мер стало придание особого юридического статуса Кумэ-мура как профессионального сообщества. В обязанность представителей Кумэ-мура вменялось исполнение дипломатического протокола во время прибытия иностранных делегаций и обеспечение стабильной вассальной торговли между Китаем и Рюкю. [4, с. 212].

По мере улучшения ситуации Кумэ-мура приобрела определённую автономию, здесь формировалась собственная система должностей и социальной иерархии. Во главе Кумэ-мура стоял *соритэйси* (главный управитель) [7, с. 72]. Данное звание мог получить только старший чиновник, которого называли *сикин-тайфу*. Он носил головной убор фиолетового цвета. Далее в порядке убывания значимости следовали такие ранги: *сэйги-тайфу* (старший служащий), *тюги-тайфу* (младший служащий), *тоцуцзи* (старший переводчик), *фукуцудзи* и *цудзи* (обычные переводчики). Замыкали иерархию – низший ранг *сюсай*, ученики-слути [2, р. 282].

Вместе с этим отдельными законодательными актами правительство Рюкю одобрило присвоение дворянских титулов высшим чиновникам Кумэ-мура, в которой отличительной особенностью и даже привилегией являлось наличие двойных имён. Так, при рождении каждый ребенок в деревне получал рюкюское имя – *варабина*. Само имя формировалось из названия местности, в которой был рождён ребенок, к нему добавлялся аристократический ранг, после чего добавлялось *варабина*. К примеру, Наго *уэката* Уминта [3, с. 214]. Вторым именем являлось японское – *вамэй*. Полное японское имя выглядело следующим образом: сначала указывалась фамилия семьи. Второй составляющей был аристократический титул. Третья часть имени – это *тикудун* и *нануй* (дворянские титулы на Рюкю). Далее человек получал китайское имя, которое называлось *карана*. Оно включало в себя такие составляющие: имя рода, после которого указывалось *имина*, то есть имя знатной личности. К примеру, Тэй Дзюнсоку [3, с. 216–218]. Дворянское сословие Кумэ-мура имели как китайские, так и рюкюские имена [2, р. 288].

Вышеуказанные меры по улучшению социального и экономического статуса чиновников Кумэ-мура принесли результаты. По данным центрального аппарата королевства Рюкю *Хёдзёсё*, в 1654 г. население деревни составляло всего 995 человек. Через 6 лет этот показатель вырос до 1632 человек, а в 1729 году насчитывалось уже 2838 жителей. В момент присоединения Рюкю к Японии в 1879 г. в Кумэ-мура уже проживало 5542 человека [3, с. 262–263].

По мере укрепления конфуцианской идеологии в форме чжусианства в королевстве Рюкю в XVII – XVIII вв. деревня Кумэ-мура приобрела статус важнейшего философского центра государства наряду с выполнением обязанностей по дипломатическому протоколу и внешней торговлей с Китаем. Необходимо отметить, что в период с XII по XVI вв. распространение конфуцианства в качестве философского течения и морально-этического учения в королевстве Рюкю проходило по двум направлениям. Первоначально, японские буддийские монахи знакомили рюкюсцев с конфуцианскими идеями о морали, нравственности и взглядах на государственное устройство. Затем в период

расцвета активной морской торговли Рюкю со странами Восточной и Юго-Восточной Азии в XV – XVI вв. конфуцианство и его новые формы в виде чжусианства попадали на Рюкю вместе со студентами из Кумэ-мура, которые возвращались домой после длительных стажировок в Китае.

Особое внимание к конфуцианским идеям стало уделяться после установления вассальных отношений между Рюкю и Японией, где последняя требовала на бюрократическом и административном уровнях королевства соблюдения норм, правил и модели «идеальных общества и государства» в соответствии с учением Конфуция. С одной стороны, на региональном уровне княжество Сацума отмечали слабые и недооформленные связи между подданными королевства на разных уровнях и системой принятия важнейших решений чиновниками. С другой стороны, центральные власти Японии требовали незамедлительного соблюдения конфуцианских норм морали, права и социального устройства. В итоге правительство Рюкю приняло решение о создании под руководством чиновников из Кумэ-мура ряда учебных заведений, в которых изучались конфуцианство, теории государственного устройства на примере Китая и китайский язык [3, с. 216].

Одним из первых таких учебных заведений на территории Кумэ-мура стало *Мэйриндо*, фактически первое полноценное высшее учебное заведение с 1718 г. (согласно критериям и понятиям того времени) на Рюкю, просуществовавшее до 1907 г. В *Мэйриндо* студенты изучали китайский язык, конфуцианскую литературу, правила дипломатической переписки и документации. Затем в 1798 г. в Сюри, столице королевства, открылось школа *Кокугаку*, где преподавали конфуцианство, китайский язык, поэзию, медицину, математику и другие дисциплины [4, с. 217].

С приходом к власти в Китае династии Цин, после долгого перерыва стало возможным восстановление системы стажировок студентов из Рюкю в Китае. Все расходы на проезд и проживание рюкюских студентов брало на себя цинское правительство. Таких студентов называли *кансё*. В течение трёх лет они учились в *Гоцзыцзянь* (одно из высших учебных заведений в Китае) и полностью погружались в изучение «китайских наук» и идей, которые потом применяли на практике у себя на родине.

Система *кансё* была введена в 1392 г. и функционировала на протяжении почти пятисот лет, за это время обучение прошли около 97 рюкюских студентов. В течение такого длительного периода эта система прошла несколько этапов развития. Первый этап приходится на 1392–1413 гг., за это время было отправлено 25 учащихся из числа королевских особ и знатных людей. Второй этап длился с 1482 по 1579 гг., где было командировано около 30 студентов уже из Кумэ-мура. Третий этап продолжался с 1686 до 1760 гг., когда было отправлено 14 человек. И последний этап – это период с 1802 по 1868 гг., когда 28 студентов отправлялись на стажировку из Сюри, столицы Рюкю, и Кумэ-мура [8, с. 5].

В 1392–1413 гг. в Китай на обучение могли ездить только родственники королевской семьи и представители аристократии. После 70-летнего перерыва правительство королевства решило отправлять на обучение только жителей Кумэ-мура. Именно так и поступали в течение второго и третьего этапа. Между ними наблюдался перерыв

длиной почти в 100 лет. Такую долгую паузу можно объяснить тяжёлым кризисом во внешней торговле Рюкю с азиатскими странами, вторжением клана Сацума и сменой династий в Поднебесной.

Уже после установления официальных контактов между королевством Рюкю и династией Цин в 1663 г. было принято решение о возобновлении системы *кансё*, чему активно способствовали и сацумские власти [4, с. 219]. Все кандидаты в *кансё* проходили строгий отбор. Студенты, будучи родственниками высших должностных лиц на Рюкю, должны были сдать два экзамена: китайский язык и литературу. Помимо этого, предусматривались также ограничения по возрасту – студентам не должно было быть больше тридцати лет. Обычно экзамены проводили посланники из Китая. Они отбирали кандидатов, показавших наилучшие результаты. После этого они поступали на учёбу в *Гоцзыцзянь*, где изучали стихосложение, историю, литературу Китая, а также конфуцианские идеи и классические произведения [4, с. 220].

Другим видом стажировок в Китай в целях подготовки административных кадров для правительства Рюкю было обучение в провинции Фуцзянь, которое финансировалось как за счёт королевства, так и за собственные средства студента. Программы стажировок в Китай явились необходимой мерой в силу редкости отправки *кансё* в Пекин, что создавало определённые трудности, и высокой потребности в квалифицированных кадрах для королевства. Зачастую студенты, которые проходили обучение в Фуцзяне, также пополняли ряды чиновников низшего и среднего звеньев на Рюкю [5, с. 383].

Таким образом, к середине XVIII в. королевство Рюкю смогло усилить научную и образовательную базы и внести существенный вклад в культурное и цивилизационное разнообразие народов Восточной Азии. Нередко этот период в истории королевства называют «Золотым периодом». Именно в XVII – XVIII вв. наблюдался расцвет философии, науки и искусств островного государства, а деревня Кумэ-мура стала играть роль главного научного, интеллектуального, культурного центра на Рюкю; здесь служащие и учёные прилагали максимум усилий для понимания и познания внешнего мира, в центре которого на тот момент был Китай.

Литература

1. Kerr G. H. *Okinawa: The History of an Island People*. Boston, Rutland (Vermont), Tokyo: Tuttle Publishing, 2000. 573 p.
2. Matsuda M. *The Ryukyuan government scholarship students to China 1392-1868: based on a short essay by Nakahara Zenchu*, 1962// *Monumenta Nipponica*, 1966. Vol.21, No.3/4. P. 273-304.
3. 田名真之. 沖縄近世史の諸相. – 覇: ひるぎ社, 1992. 272ページ = Дана Масаюки. Различные эпизоды из истории Окинавы в новое время. Наха: Хиругиса, 1992. 272 с.
4. 田名真之. 近世久米村の成立と発展/新琉球史. 近世編. 上. – 那覇: 琉球新報社, 1989. 350ページ = Дана Масаюки. Становление деревни Кумэ-мура и ее развитие в новое время) // Новая история Рюкю. Новое время. Т. 1). Наха: Рюкюсимпоса, 1989. 350 с.
5. 真境名 安興. 沖縄一千年史, 那覇: 琉球新報社, 1975. 648ページ = Мадзика Анко. Тысячелетняя история Окинавы, Наха: Рюкюсимпоса, 1975. 648 с.
6. 沖縄大百科事典. 上. – 那覇: 沖縄タイムス社, 1983.5. 1014 ページ = Большая энциклопедия по Окинаве. Том I. Наха: Окинаватаймусуса, 1983. 1014 с.

7. 豊見山和行. 官人制度の一側面 / 新琉球史. 近世編. 下. - 那覇: 琉球新報社、1992.336ページ = Томяма Кадзюки. Один аспект чиновничьей системы // Новая история Рюкю, новое время. Т. 2. Наха: Рюкюсимпоса, 1992. 336 с.

8. 上原, 善哲 官生派遣の創始 / 沖縄県史研究紀要.3.1997. ページ 1-10 = Уэхара Дзэнтэцу. Начало отправки студентов кансё // Известия исследований по истории префектуры Окинава. 1997, № 3. С. 1–10.

Evgeniy V. PUSTOVOIT,

Ph. D. (in History), Head of Department of Japanese Studies, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

E-mail: pustovojt.ev@dvfu.ru

The features of the training of administrative staff and scholars in the Ryukyu Kingdom in the 17th - 18th centuries

UDC 94(5)

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/69-74>

The article reflects and analyzes the features of the training of administrative staff and scholars in the Ryukyu Kingdom in the 17th - 18th centuries. At that time, the island state had been maneuvering between solving economic problems and preserving the professional community and scientific base of the country. In such conditions, the most important issue for the Ryukyu had become a preservation of the special settlement of Kume-mura. It was practically the only scientific and educational conglomerate both in Japan and in Ryukyu, receiving direct financial support from the government, and it played a significant role as a place in the kingdom through which Chinese philosophy, science, literature had penetrated into the Ryukyus. Having been settled by Chinese immigrants, Kume-mura was in economic crisis since early XVII century. However, the Ryukyuan government took measures that made Kume-mura as one of the main centers of the development of Chinese culture and education in the kingdom in XVII-XIX centuries that influenced into the formation of so-called «Ryukyu Culture Renaissance» in the early modern period.

*Kume-mura,
the Ryukyu Kingdom,
Confucianism,
Kansho,
Zhushianism,
Kokugaku,
estate system*

For citation: Pustovoyt E. V. The Features of the Training of Administrative Staff and Scholars in the Ryukyu Kingdom in the 17th – 18th Centuries // Oriental Institute Journal. 2021. № 1. P. 69–74. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/69-74>

References

1. Kerr G. H. Okinawa: The History of an Island People. Boston, Rutland (Vermont), Tokyo: Tuttle Publishing, 2000. 573 p.
2. Matsuda M. The Ryukyuan government scholarship students to China 1392-1868: based on a short essay by Nakahara Zenchu, 1962// Monumenta Nipponica, 1966. Vol.21, No.3/4. P. 273-304.

3. 田名真之. 沖縄近世史の諸相. - 那覇: ひるぎ社, 1992. 272ページ = Dana Masayuki. Razlichnye ehvizody iz istorii Okinavy v novoe vremya. Nakha: KHirugisya, 1992. 272 s.
4. 田名真之. 近世久米村の成立と発展/新琉球史. 近世編. 上. - 那覇: 琉球新報社、1989. 350ページ = Dana Masayuki.

- Stanovlenie derevni Kumeh-mura i ee razvitie v novoe vremya) // Novaya istoriya Ryukyu. Novoe vremya. T. 1). Nakha: Ryukyusimposya, 1989. 350 s.
5. 真境名 安興. 沖繩一千年史, 那覇: 琉球新報社, 1975. 648ページ = Madzikina Anko. Tsyacheletnyaya istoriya Okinavy, Nakha: Ryukyusimposya, 1975. 648 s.
6. 沖繩大百科事典. 上. - 那覇: 沖繩タイムス社, 1983.5. 1014 ページ = Bol'shaya ehntsiklopediya po Okinave. Tom I. Nakha: Okinavatajmususya, 1983. 1014 s.
7. 豊見山和行. 官人制度の一側面 / 新琉球史. 近世編. 下. - 那覇: 琉球新報社, 1992.336ページ = Tomiyama Kadzuyuki. Odin aspekt chinovnich'ej sistemy // Novaya istoriya Ryukyu, novoe vremya. T. 2. Nakha: Ryukyusimposya, 1992. 336 s.

Рынок недвижимости Республики Корея: проблема высоких цен на жильё и меры государственного регулирования

УДК 332

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/75-81>

Проблема чрезмерно высокой стоимости недвижимости уже на протяжении долгого периода времени является насущной как для правительства Республики Корея, так и для обычных граждан. В данной статье рассмотрены причины роста цен на жильё, текущая ситуация на рынке недвижимости в Республике Корея, меры государственного регулирования, а также основные тенденции рынка. Автор обращает внимание на политику администрации действующего президента Республики Корея Мун Чжэина в отношении рынка недвижимости.

рынок недвижимости, повышение цен, государственные меры, жильё

Республика Корея – одна из стран с самыми высокими ценами на недвижимость

На протяжении уже не одного десятилетия цены на недвижимость в Республике Корея (далее – РК) остаются на критично высоком уровне. Причин этому несколько. Во-первых, площадь РК составляет всего 100,210 км², что вынуждает корейцев при строительстве новых сооружений эффективно и экономично использовать каждый квадратный метр, что соответственно повышает стоимость как земельных участков, так и недвижимости.

Во-вторых, в этом вопросе присутствует и исторический фактор. С момента формирования жилищного рынка в 1960–1970-х гг. недвижимость являлась самым прибыльным и безопасным инвестиционным инструментом в РК. Это актив, который меньше всего облагался налогом и с большей вероятностью имел шансы вырасти в цене. Однако вскоре после Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. цены на жильё упали на 45%. Богатые граждане, не теряя времени, воспользовались шансом и вложили активы в недвижимость. В то же время правительство ослабило контроль над рынком, а различные финансовые учреждения диверсифицировали кредитование, облегчив условия ипотечного кредитования для физических лиц. С одной стороны, такой шаг со стороны банков позволил многим корейским семьям приобрести собственные дома и квартиры, но, с другой стороны, это открыло дверь для распространения спекуляций, ставших ещё одной проблемой южнокорейского рынка недвижимости [11, с. 1074].

Согласно статистике, приведенной в марте 2020 года американской консалтинговой компанией Mercer, Сеул, столица страны, располагается на 11-м месте среди 209 городов с наиболее высокой стоимостью жилой недвижимости в мире [6]. Средний ценовой диапазон на жильё в главном городе РК до-

Для цитирования:
Кутовая К. Р. Рынок недвижимости Республики Корея: проблема высоких цен на жильё и меры государственного регулирования // Известия Восточного института. 2021. № 1. С. 75–81. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/75-81>

стиг 950 млн вон в феврале 2020 года, что, по мнению корейских экспертов, являлось самым высоким показателем за всю историю страны. Помимо этого, только за последние три года средняя стоимость апартаментов выросла с 7,95 млн вон за 1 кв. м до 12,59 млн вон [8].

Постоянное повышение цен на рынке недвижимости привело к тому, что более половины квартир в Сеуле классифицируются как «дорогие», на которые налагаются ограничения в отношении предоставления жилищных ссуд, так как пороговое значение составляет 900 млн вон. В 11 районах столицы к югу от реки Ханган средняя стоимость квартир доходит до отметки в 1,2 млрд вон, в то время как в 14 районах к северу от реки – 671 млн вон. Приведенные статистические данные позволяют выделить наиболее востребованные части города для приобретения недвижимости. К причинам более низких цен на северной стороне относят меньшие кредитные ограничения для покупателей.

В настоящее время среднестатистическому корейцу требуется на протяжении более чем 14 лет копить на приобретение собственной квартиры, при этом не тратя ни копейки [5]. Поэтому гражданам РК всё чаще приходится прибегать к различным уловкам, способствующим ускорению процесса покупки недвижимости. Одной из таких мер является увольнение одного из супругов с места работы с целью официального понижения дохода семьи, которое в свою очередь даст паре шанс получить государственное жильё по низким ценам. Зная уже только этот пример, можно прочувствовать глубину жилищной проблемы южнокорейского общества.

Государственная политика в отношении рынка недвижимости при администрации Мун Чжэина

В своей предвыборной кампании президент Республики Корея Мун Чжэин пообещал уделить особое внимание проблемам рынка недвижимости, в особенности в жилищном секторе. И он активно выполняет обещанное.

В 2018 г. администрация Мун Чжэина объявила о новом повышении комплексной ставки налога на недвижимость для владельцев дорогих резиденций и тех, в чьём владении более 1 жилищной единицы, с целью обуздать стремительно растущие цены на жильё. Комплексный налог на недвижимость является государственным налогом, взимаемым с владельцев нескольких объектов недвижимости или недвижимости премиум-класса. Получил негласное название «налог для богатых». Он отделен от налога на имущество, который взимается местными органами власти.

Согласно этой государственной мере, доход граждан, обладающих несколькими объектами недвижимости, располагающимися в зонах с наиболее высокой стоимостью квартир, будет облагаться налогом до 3,2% [7]. Эта мера была введена в качестве дополнения к налоговой реформе, проведённой в июле 2018 г., когда произошло увеличение налога до 2,5%. По словам представителя Министерства планирования и финансов, данный шаг должен был позволить рационализировать стоимость владения недвижимостью в долгосрочной перспективе, вынуждая общественность делать более разумные инвестиции, что в итоге приведет к устойчивому развитию рынка.

Однако повышение налогов не помогло в полной мере решить проблему роста цен в РК. Как отметил профессор университета Мёнчжи

Квон Дэжжун, политика ужесточения регулирования рынка прошла успешно только наполовину [3]. Он высказал мнение, что произошло изменение тенденций на рынке недвижимости вследствие установления более высокого комплексного налога, но, несмотря на это, государственное регулирование подтолкнуло стоимость жилья в Сеуле к увеличению, одновременно снизив цены в других регионах страны. Что означает усиление поляризации между столицей и остальными городами Республики Корея. Наглядным примером является рост цен на 20% на квартиры в Сеуле, в то время как в других регионах он наблюдался только на 5%.

С целью «охлаждения» рынка администрация президента приняла решение расширить зоны мониторинга районов с наиболее высоким уровнем спекуляций, в особенности к западу от Сеула. Помимо этого, города, прилегающие к столице страны, в числе которых Инчхон, Ансан, Осан и Пёнтхэк были внесены в правительственный список «целевых областей для модификации», где рост цен на жильё считается удвоенным. Ключевые города, такие как Тэчжон и Чхонджу, также были добавлены в список. Всего было перечислено 69 районов, что на 25 больше по сравнению с предыдущим разом [10].

В обозначенных выше областях для квартир стоимостью менее 900 млн вон будет принято соотношение кредитов к стоимости в размере 50%, а для тех, которые стоят дороже – 30%. Соотношение долга к доходу будет ограничено 50%. Некоторым владельцам придётся платить более высокие налоги на прирост капитала [4].

Правительство Республики Корея внесло изменения в условия предоставления жилищных кредитов. Банкам будет запрещено выдавать кредиты предприятиям, ведущим бизнес в сфере аренды недвижимости, а тем, кто стремится занять деньги для жилищно-инвестиционных целей в подконтрольных районах, потребуются переехать в приобретенную недвижимость в течение 6 месяцев. Кроме того, для покупки квартиры площадью свыше 18 м² в таких районах, как Самсон, Чхондам и Чамсил, потенциальные покупатели обязаны получить разрешение соответствующих местных органов. Покупателям необходимо дать согласие жить в новоприобретённой квартире не менее 2 лет, а также им запрещается её продавать или сдавать в аренду в течение данного срока. Цель этих мер заключается в попытке остановить безудержную практику спекулятивных покупок.

Что касается процентных ставок, то в РК они довольно низкие. Средняя процентная ставка по кредитам на жильё составила приблизительно 3,19%. Исторически южнокорейский рынок недвижимости был достаточно чувствителен к изменениям процентных ставок, так как обычно 80–90% жилищных кредитов имели плавающую ставку. Правительство Республики Корея продвигает политику кредитования с фиксированной ставкой для снижения рисков дефолта. Как отметил министр финансов Хон Намги в недавнем заявлении по поводу борьбы с последствиями коронавирусной инфекции: «...власти Южной Кореи более чем когда-либо решительно настроены стабилизировать рынок недвижимости, поскольку расходы на жильё напрямую связаны с уровнем жизни и благосостояния граждан» [9].

В августе 2020 года правительство Республики Корея опубликовало обновлённый перечень государственных мер, направленных на стабилизацию рынка. Во-первых, были повышены следующие нало-

	Август 2017	Июль 2018
Сеул	582,82	695,93(20%)
Сеульская агломерация	388,09	443,48(14%)
Другие регионы	192,50	192,50 (5%)

Табл. 1. Средние цены на квартиры по регионам (млн won).

Источник: [3].

ги: налог на имущество для владельцев нескольких единиц жилья, о котором уже упоминалось ранее, был увеличен с 3,2% до 6%, прибыль от недвижимости, получаемая корейскими корпорациями, будет облагаться налогом на дополнительные 20%, а что касается налога на дарение недвижимого имущества, то его верхние пределы повысят с 62% до 72%.

Во-вторых, были внесены изменения в законодательство, касающиеся корейской системы аренды чонсе, суть которой заключается в единовременной оплате аренды (около 70–80%), вносимой на банковский счёт арендодателя в течение срока действия договора. У арендаторов появилась возможность автоматически продлевать договор аренды, что предоставляет им дополнительную защиту. Таким образом, арендодатель обязан регистрировать договор в правительственном учреждении и может прекратить его действие только в предписанных законом случаях. Также, повышение арендной платы при продлении периода съёма недвижимости не должно превышать 5%. Следует отметить, что до принятия этого положения, частой практикой среди корейских арендодателей являлось постоянное увеличение стоимости аренды. В отдельных случаях домовладельцы могли увеличить ставку на 40–50% в течение пятилетнего срока сдачи жилья [8].

Администрация Мун Чжэина и Демократическая партия «Тобуро» также занимаются вопросом спроса и предложения на рынке недвижимости в долгосрочной перспективе. Этим летом Министерство экономики и финансов Республики Корея объявило о плане строительства 260 тыс. домов в Сеуле и его окрестностях, часть из которых планируется как субсидированное жильё для молодых супружеских пар и тех, в чьей собственности пока нет ни одной единицы недвижимости. Согласно плану, ограничение по максимально разрешенной высоте кондоминиумов будет повышено с 35 этажей до 50 для более эффективного размещения населения. Также, на правительственных заседаниях неоднократно поднимался вопрос о переносе столицы из Сеула в Сечжон, что помогло бы снизить нагрузку на первый город. Однако данная идея всё ещё находится на стадии обсуждений, так как может привести к недовольству многих граждан.

Стоит отметить еще один фактор, который затормаживает снижение цен на рынке. Это нежелание некоторых социальных групп способствовать разрешению проблемы недвижимости. В первую очередь речь идёт о самих представителях власти. В августе 2020 г. несколько высокопоставленных чиновников, приближенных к президенту, подали в отставку по причине несогласия с указом Мун Чжэина о продаже дополнительной недвижимости. Документ относился к тем политическим деятелям, в чьей собственности находится более 1 единицы недвижимости. Данная мера была направлена на увеличение предло-

жения в Сеуле и демонстрации солидарности с общественностью [2].

Помимо определённых политиков, снижение стоимости жилья также невыгодно для тех семей, которые на протяжении многих десятилетий рассматривают недвижимость в качестве главного способа инвестирования либо для тех, кто ведёт бизнес, связанный с предоставлением аренды. Консерваторы РК всегда являлись надёжными защитниками интересов домовладельцев. Именно поэтому они пришли к решению бойкотировать парламентское голосование за пересмотр законов в отношении владения недвижимостью, оставив только демократов в Национальном собрании принимать поправки.

Выводы

Проблема чрезвычайно высокой стоимости недвижимости, особенно в жилом секторе, не нова для южнокорейского общества. В современных реалиях, когда цены растут практически каждый месяц, она ощущается особенно остро. Приобретение собственного жилья без кредитов и помощи семьи рассматривается среднестатистическим гражданином Республики Корея как невыполнимая задача.

Стоит заметить, что, говоря о высоких жилищных ценах, в первую очередь подразумевают столицу страны Сеул. Поляризация цен между главным городом РК и остальными населёнными пунктами настолько велика, что ценовая разница составляет более 50%. Возможно, идея правительства о перенесении столицы могла бы помочь снижению стоимости квартир и уменьшению поляризации, однако готовность корейских граждан к принятию данного решения остаётся под вопросом.

Действующий президент Мун Чжэин не первый государственный деятель, обративший внимание на данную проблему и предпринявший попытки её решения, однако он один из немногих, кто проводит настолько активную жилищную политику. И хотя пока его деятельность не принесла ощутимых результатов, а многие корейцы даже винят его в постоянном повышении цен на жильё, стоит учитывать тот факт, что и стоимость домохозяйств росла не один год. Автор считает, что для объективной оценки результативности и эффективности государственных мер администрации Мун Чжэина, необходимо дать новым законам и постановлениям время на полную имплементацию.

Литература

1. Bae Hyunjung. Finance minister warns against housing prices amid COVID-19 countermeasures // The Korea Herald (сайт) URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20200611000833> (дата посещения: 13.12.2020).
2. Borowiec Steven. Moon's support rate plummets as house prices keep soaring // Nikkei Asia (сайт) URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/Moon-s-support-rate-plummets-as-house-prices-keep-soaring2> (дата посещения: 11.12.2020).
3. Choi Hyung-Jo. Real estate reform deepens polarization // Korea JoongAng Daily (сайт) URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid=3051504> (дата посещения: 06.12.2020).
4. Jung Min-kyung. S. Korea rolls out stricter regulations to cool heated housing market // The Korea Herald (сайт)

URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20200617000924> (дата посещения: 10.12.2020).

5. Kim C. Lost Seoul: South Korean middle-class dreams spoiled by soaring house prices // Reuters (сайт) URL: <https://www.reuters.com/article/us-southkorea-economy-middleclass-insigh-idUSKCN2520K8> (дата посещения: 12.12.2020).

6. Lee Hyo-jin, Park Si-soo. Seoul 11th most expensive city for expats: survey // The Korea Times (сайт) URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/06/177_291126.html (Дата посещения: 10.12.2020).

7. Park S. Nathan. Moon Faces a Bigger Political Threat Than Kim Jong Un: Real Estate Prices // Foreign Policy (сайт) URL: <https://foreignpolicy.com/2020/08/28/south-korea-jeonse-real-estate-economy-seoul-moon/> (дата посещения: 10.12.2020).

8. Seoul Apartment Prices Keep Soaring out of Reach // Chosun Media The Chosunilbo (сайт) URL: <http://english.chosun.com/site/>

data/html_dir/2020/02/27/2020022701969.html (дата посещения: 08.12.2020).

9. S. Korea says will increase public housing to calm fears about home shortages // Reuters (сайт) URL: <https://www.reuters.com/article/southkorea-economy-housing/s-korea-says-will-increase-public-housing-to-calm-fears-about-home-shortgages-idUKS6N2DN00Z> (дата посещения: 09.02.2021).

10. Lee Hyo-jin, Park Si-soo. Seoul 11th most expensive city for expats: survey // The Korea Times (сайт) URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/06/177_291126.html (дата посещения: 10.12.2020).

11. 김진수. 90년대 이후 주요不動産 정책과 實效性 / 진수김 // 한국산학기술학회논문지. 2013. 제14권. 1073-1080 쪽. = Ким Джинсу. Правительственная политика и ее эффективность после 90-х гг. // Журнал Корейской Академии наук и технологий. 2013. № 14. С. 1073–1080.

Kseniia R. KUTOVAIA,

Graduate Student, Department of Oriental and African Studies, Oriental Institute - School of Regional and International Studies, FEPU (Vladivostok, Russia).

E-mail: kutovaia.kr@students.dvfu.ru

Real Estate Market of the Republic of Korea: the Problem of High Housing Prices and Governmental Measures

UDC 332

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/75-81>

*real estate market,
price increase,
governmental measures,
housing*

The problem of excessively high property values has been a pressing problem for both the government of the Republic of Korea and ordinary citizens for a long time. Today, this question has become a critical problem, since prices on the market are rising monthly, the attempts of the Government of the country to change the situation have not yet led to meaningful outcome, and the pressure on the society continues to grow. This article examines the reasons for the rise in housing prices, the current situation in the real estate market in the Republic of Korea, government regulation measures, and the main market trends. The author draws attention to the policy of the administration of the incumbent President of the Republic of Korea Moon Jaein regarding to the real estate market. The study advances our understanding of the problems of the real estate market in the Republic of Korea and its current status.

For citation: Kutovaia K. R. Real estate market of the Republic of Korea: the problem of high housing prices and governmental measures // Oriental Institute Journal. 2021. № 1. P. 75–81. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/75-81>

References

1. Bae Hyunjung. Finance minister warns against housing prices amid COVID-19 countermeasures // The Korea Herald (сайт) URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20200611000833> (data poseshheniya:13.12.2020).
2. Borowiec Steven. Moon's support rate plummets as house prices keep soaring // Nikkei Asia (сайт) URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/Moon-s-support-rate-plummets-as-house-prices-keep-soaring2> (data poseshheniya:11.12.2020).
3. Choi Hyung-Jo. Real estate reform deepens polarization // Korea JoongAng Daily (сайт) URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid=3051504> (data poseshheniya:06.12.2020).
4. Jung Min-kyung. S. Korea rolls out stricter regulations to cool heated housing market // The Korea Herald (сайт) URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20200617000924> (data poseshheniya:10.12.2020).
5. Kim C. Lost Seoul: South Korean middle-class dreams spoiled by soaring house prices // Reuters (сайт) URL: <https://www.reuters.com/article/us-southkorea-economy-middleclass-insigh-idUSKCN2520K8> (data poseshheniya:12.12.2020).
6. Lee Hyo-jin, Park Si-soo. Seoul 11th most expensive city for expats: survey // The Korea Times (сайт) URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/06/177_291126.html (Data poseshheniya:10.12.2020).
7. Park S. Nathan. Moon Faces a Bigger Political Threat Than Kim Jong Un: Real Estate Prices // Foreign Policy (сайт) URL: <https://foreignpolicy.com/2020/08/28/south-korea-jeonse-real-estate-economy-seoul-moon/> (data poseshheniya:10.12.2020).
8. Seoul Apartment Prices Keep Soaring out of Reach // Chosun Media The Chosunilbo (сайт) URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2020/02/27/2020022701969.html (data poseshheniya:08.12.2020).
9. S. Korea says will increase public housing to calm fears about home shortages // Reuters (сайт) URL: <https://www.reuters.com/article/southkorea-economy-housing/s-korea-says-will-increase-public-housing-to-calm-fears-about-home-shortages-idUKS6N2DN00Z> (data poseshheniya:09.02.2021).
10. Lee Hyo-jin, Park Si-soo. Seoul 11th most expensive city for expats: survey // The Korea Times (сайт) URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/06/177_291126.html (data poseshheniya:10.12.2020).
11. 김진수. 90년대 이후 주요不動産 정책과 實效性 / 진수김 // 한국산학기술학회논문지. 2013. 제14권. 1073-1080 쪽. = Kim Dzhusu. Pravitel'stvennaya politika i ee ehffektivnost' posle 90-kh gg. // Zhurnal Korejskoj Akademii nauk i tekhnologij. 2013. № 14. C. 1073–1080.

ИСМАИЛОВА Айгюн Намиковна,
студентка образовательной программы бакалавриата «Зарубежное регионоведение» Восточного
института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток).
Электронная почта: ismailova.ana@students.dvfu.ru

ЗОЛОТУХИН Иван Николаевич,
канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Восточного института – Школы
региональных и международных исследований, ДВФУ (г. Владивосток).
Электронная почта: zolivnik@mail.ru.

Направления и динамика сотрудничества России и Вьетнама в сфере добычи углеводородов на современном этапе

УДК 330.15

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/82-88>

*энергетическое
сотрудничество,
нефтепереработка,
добыча нефти,
добыча газа,
российско-вьетнамское
сотрудничество,
проблемы
сотрудничества*

В статье рассматривается динамика взаимоотношений Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам в сфере освоения углеводородных месторождений и развития энергетики. На примере реализации конкретных проектов рассматривается и анализируется процесс двустороннего взаимодействия в рамках подписанных соглашений и актов, а также перспективы расширения нефтегазового сотрудничества, обозначенные на уровне глав государств. Обозначены результаты работы совместных предприятий, затронуты пути секторального развития и стоящие перед ними вызовы.

Российско-вьетнамские отношения носят дружественный характер и на протяжении более 50 лет характеризуются взаимопониманием и отсутствием серьезных внешнеполитических разногласий. Важным вектором двустороннего сотрудничества остаётся сфера добычи и обработки нефти и газа, которая даже в сложный период 1990-х гг., когда в российско-вьетнамских отношениях наблюдалось замедление темпов, сохранила перспективный характер.

Весомое положение в нефтегазовой отрасли СРВ занимает совместное предприятие (СП) России и Вьетнама – «Вьетсовпетро», созданное в 1981 г., в структуру которого входит более 15 подразделений, занимающихся поиском, разведкой и добычей нефти и газа. За историю существования СП было проложено более 770 км трубопроводов, позволивших создать удобную транспортную инфраструктуру между всеми внутримысловыми объектами [9].

Из-за проблем, связанных с пандемией Covid-19, компания предприняла усилия по сокращению производственных затрат (более чем на 105 млн. \$) и расходов (на 17%), а выручка от продажи нефти в 2020 г. составила всего около 1,11 млрд. \$, что составляет 81,1% от плана [1]. В то же время неизменными остаются задачи стратегии устойчивого развития СП «Вьетсовпетро» до 2030 г., такие как выработка финансово-экономических механизмов, направленных на дальнейшее продолжение эффективных поисково-разведочных работ на континентальном шельфе Вьетнама, на территории России и других стран, в направлении диверсификации производствен-

Для цитирования:
Исмаилова А. Н., Золотухин И. Н. Направления и динамика сотрудничества России и Вьетнама в сфере добычи углеводородов на современном этапе // Известия Восточного института. 2021. № 1. С. 82–88. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/82-88>

ной деятельности и источников финансирования, развития преимуществ накопленного опыта, имеющейся материально-технической базы и технико-технологической системы СП.

Нельзя отрицать готовность и активное сотрудничество с вьетнамской стороной ПАО «Газпром», которая получила участок для поиска углеводородов в заливе Винь Бак Бо в начале 2000-х гг., где впоследствии для бурения разведочных скважин были выбраны месторождения Бао Ден и Бао Ванг с суммарными запасами газа 300 млрд. куб. м. [14]. Газ из месторождения Бао Ванг, согласно Сочинскому меморандуму 2018 г., будет питать электростанцию, которую планируется построить в провинции Куангчи, где идет ускоренное формирование экономической зоны «Донг Нам» с планируемой промышленной, логистической и портовой инфраструктурой. Проект электростанции включен в государственный план развития электроэнергетики CPV до 2030 г. [12].

В результате расширения сотрудничества ОАО «Газпром» и «PetroVietnam» было создано ООО «Газпромвьет», которое специализируется на добыче и обработке нефти в Нагумановском месторождении в Оренбургской области [3]. Вьетнамские компании получили приглашение работать на территории Северо-Пуровского месторождения на Ямале с запасом более чем 60 млрд. куб. м газа. С 2013 г. специализированная компания «Газпрома» «Gazprom EP International» и «Petrovietnam» начали вести совместную добычу газа и газового конденсата на шельфовых месторождениях Вьетнама «Мок Тинь» и «Хай Тхатъ» [7].

В 2008 г. зарегистрировано ООО «РУСВЬЕТПЕТРО», деятельность которого территориально обращена на Тимано-Печорскую нефтегазоносную провинцию, занимающую по запасам нефти 4 место в России. 29 октября 2020 г. предприятие достигло отметки 28 млн. тонн нефти [8]. Деятельность ООО «РУСВЬЕТПЕТРО» охватывает 4 блока, которые в сумме включают в себя более 10 месторождений. Особую роль играет выгодное географическое положение округа – вдоль побережья северо-востока Европейской части России, а это – близость Северного морского пути и европейских рынков сбыта. Недра округа привлекательны и тем, что степень выработанности разведанных запасов нефти достигла лишь 8%, а свободного газа – 0,7% [6, с. 45-49]. ООО «РУСВЬЕТПЕТРО» открывают тендеры на бурение с целью поддержания добычи на месторождениях севера России. Ожидания серьезного сокращения масштабов нефтедобычи из-за распространения корона вирусной инфекции не подтвердились. В сентябре 2020 г. компания сообщила о добыче нефти почти на 2,2 млн. тонн за период с января по отчетный месяц, что лишь на 0,4 млн. тонн меньше, чем в 2019 г. В то же время, из-за нарушений ограничительных норм, к ноябрю 2020 г. количество подтвержденных случаев заражения Covid-19 на предприятии выросло почти на 50% [15].

На встрече глав государств в 2018 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин и Генеральный Секретарь Социалистической Республики Вьетнам Нгуен Фу Чонг отметили переход сотрудничества в энергетической сфере на качественно новый уровень [11]. В ходе диалога лидеры двух стран подтвердили готовность к созданию благоприятных условий с целью расширения деятельности российских и вьетнамских нефтегазовых компаний на территориях двух государств, к налаживанию сотрудничества на таких направлениях, как нефтепереработка и нефтехимия, строительство газовых электростанций, которые имеют большой потенциал к развитию.

Планируется также увеличить объёмы поставок во Вьетнам сжиженного природного газа и создать соответствующую инфраструктуру для его переработки и сбыта, производство газомоторного топлива и последующего его использования или экспорта.

Кроме того, лидеры обоих государств отметили перспективный характер сотрудничества в сфере электроэнергетики, указав на преимущества привлечения заинтересованных российских компаний к восстановлению и совершенствованию созданных при содействии СССР и потерянных при разрыве партнёрских отношений в конце 1990-х гг. объектов. На данный момент большинство российских компаний предпочитают инвестировать в развитие компаний, территориально находящихся во Вьетнаме. Укреплению российских компаний в СРВ способствует представление для Вьетнама возможности разрабатывать месторождения углеводородов на российской территории. Это является одним из условий, поставленных вьетнамской стороной для российских компаний, которые выражают желание сотрудничать и получить доступ к ресурсам континентального шельфа в Южно-Китайском море (ЮКМ).

Помимо поддержки совместных предприятий по добыче и обработке ресурсов, исходящей непосредственно от стран-создателей, такие общие проекты пользуются популярностью для инвестиций других государств. Созданный в 2002 г. концерн трёх сторон в составе «Зарубежнефти», «Петровьетнама» и японской компании «Идемицу» предполагал разработку месторождения 09-3, расположенного около Вунгтау. СП «Вьетсовпетро» принимало участие в реализации проектов нефтегазового сектора на условиях раздела продукции в районе Мьянмы и Туниса.

В мае 2019 г. премьер-министры России и Вьетнама Дмитрий Медведев и Нгуен Суан Фук договорились обеспечивать благоприятные условия для эффективной реализации на территории наших стран совместных проектов – «Газпром», «Роснефть», «Зарубежнефть», «Новатэк», «Петровьетнам» и др. По итогам переговоров был подписан Меморандум о взаимопонимании между ПАО «НОВАТЭК» и Народным комитетом провинции Ниньтхуан по развитию интегрированного проекта электрогенерации с использованием сжиженного природного газа в коммуне Кана. Генеральным директором АО «Зарубежнефть» Сергеем Кудряшовым был заключён ряд договоров с вьетнамскими коллегами: соглашение о переуступке доли между RVER Corporation и АО «Зарубежнефть» в отношении Блока 09-2/09 шельфа СРВ, соглашение о намерениях по дальнейшему сотрудничеству в области совместной реализации нефтегазовых проектов на территории России Вьетнама и третьих стран, соглашение о сотрудничестве между АО «Зарубежнефть» и крупнейшим инвестиционным холдингом СРВ «T&T Group» в области развития возобновляемых источников энергии [4].

В 2020 г. исполнилось 70 лет установления дружественных отношений между странами. Летом, несмотря на пандемию коронавируса, главы двух государств обсудили новые направления в сфере энергетики как в рамках действующих программ по добыче углеводородов, так и в сферах электрогенерации и мирного атома [10]. Последние две сферы могут стать основой двустороннего энергетического сотрудничества. Хотя вьетнамское руководство отказалось от строительства

АЭС в провинции Ниньтхуан при поддержке России, тем не менее российская сторона остаётся наиболее значимым партнёром, способным оказать помощь в реализации вьетнамской программы ядерной энергетики. Дополнительный импульс формированию новых российско-вьетнамских совместных проектов может дать развитие во Вьетнаме регенеративных источников энергии, долю которых в суммарном энергопотреблении правительство планирует увеличивать. [5, с. 150]

2020 г. принёс развитию мировой экономики множество испытаний, обнажив ряд проблем нефтесервисного сегмента. Однако волатильность цен на нефть и конъюнктуры нефтегазового рынка не привели к кардинальным изменениям в российско-вьетнамских отношениях, двустороннее сотрудничество в нефтегазовой сфере остаётся устойчивым. За последние годы странам удалось расширить диапазон взаимодействия. Речь идёт в том числе и об изменении нормативно-правовой базы двух стран, что позволило открыть новые выходы для разработки и применения налоговых льгот для внутренних или иностранных инвесторов. Изменение налоговой политики двух стран поможет сделать совместные проекты привлекательными для инвесторов своей особой прозрачностью функционирования.

Тот факт, что Россия взяла на себя обязательства продолжать проекты добычи нефти и газа на континентальном шельфе, который Ханой считает своей территорией, свидетельствует о готовности России развивать отношения с Вьетнамом вне зависимости от внешних факторов, таких как препятствия со стороны Китая энергетическому сотрудничеству двух стран в спорных участках Южно-Китайского моря. В то же время Москве следует соблюдать осторожность по данному вопросу и учитывать возможность изменения позиций обоих стратегических партнёров в будущем.

Российско-вьетнамское сотрудничество в нефтегазовой сфере носит характер взаимопроникающей интеграции госкорпораций, системного участия российских компаний в развитии базовой энергетической отрасли СРВ, а также формирования цены не на рыночных принципах для добываемого совместными предприятиями газа [2].

Добыча углеводородов остаётся одной из самых выгодных для обеих стран сфер сотрудничества, привлекательной для инвестиций из-за рубежа. В то же время Ханой заинтересован в расширении числа иностранных партнёров для развития нефтегазовой отрасли не только с целью найти более выгодные условия, но и для интернационализации проектов, чтобы ослабить накал ситуации в ЮКМ. Такая политика, создавая конкуренцию за участие во вьетнамских нефтегазовых проектах, может отразиться на содержании партнёрских отношений России и Вьетнама. Нельзя сбрасывать со счетов и позицию США, заинтересованных в ослаблении влияния Москвы в Юго-Восточной Азии, в том числе в уменьшении ее участия в добыче нефти и газа на территории континентального шельфа ЮКМ [13, с. 139-140].

Таким образом, многолетний опыт сотрудничества СССР, а впоследствии России с Вьетнамом в сфере нефти и газодобычи, а также сохраняющаяся рентабельность совместных предприятий позволяют оценивать современное состояние двусторонних отношений в нефтегазовой отрасли со сдержанным оптимизмом. Однако благоприятный сценарий развития нефтегазового сотрудничества России и Вьетнама

всё больше зависит от взаимовыгодного характера реализуемых и планируемых проектов, а не от обоюдной благожелательности руководства двух стран. Показательный характер имеет заинтересованность Ханоя в привлечении большего количества иностранных инвесторов в развитие своей нефтегазовой сферы, что может привести к существенному сокращению в ней удельного веса российских компаний. Значимым фактором российско-вьетнамского сотрудничества продолжают оставаться дружественные отношения и тесные политические связи двух стран, однако политические договорённости не всегда гарантируют результат, примером чему можно назвать безрезультатные переговоры России с Вьетнамом о строительстве АЭС.

Литература

1. Вьетнам уходит от нефтегазового диктата Запада с помощью российских госкомпаний // Интернет-портал «Однако». 25.06.2014. URL <http://www.odnako.org/blogs/vietnam-uhodit-ot-neftegazovogo-diktata-zapada-s-pomoshchyu-rossijskih-goskompanij/> (дата обращения 30.11.2020).
2. Вьетнам. Нефть, газ, уголь // Интернет-портал «Polpred». Новости. Обзор СМИ. 21.12.2020. URL https://polpred.com/news/?prv_list=&ns=1&whouser=&img=&cnt_and=&person_id=&os%5B8%5D=on&cs%5B34%5D=on&searchtext=&fulltext=clr&fulltext=on&beg=&end=&word=&period=&period_count=1&sortby=&pl= (дата обращения 26.12.2020).
3. «Газпром» и «Петровьетнам» развивают сотрудничество. // Интернет-портал «ПРАЙМ. Агентство экономической информации». 03.10.2013. URL https://1prime.ru/press_release/20131003/767445634.html (дата обращения 20.11.2020).
4. Дмитрий Медведев провёл переговоры с Премьер-министром Вьетнама Нгуен Суан Фуком // Интернет-портал Правительства России. 22.05.2019. URL <http://government.ru/news/36753/#36753=35:1:9gU,42:20:H71> (дата обращения 05.12.2020).
5. Золотухин И. Н., Цзя Су Ян. Развитие ядерной энергетики в Юго-Восточной Азии: история, тенденции, перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 144–157. DOI 10.24866/1998-6785/2018-4/145-157
6. Карапетян К. С. Сотрудничество России и Вьетнама в нефтегазовой сфере // Вестник РУДН, серия «Международные отношения». 2012. №2. С. 45–49.
7. Кузьмина Мария. Россия поможет Вьетнаму с газом // Интернет-портал «Русская планета». 7.09.2018 URL https://rusplt.ru/sub/economy/rossiya-pomojet-vietnamu-34935.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения 25.11.2020).
8. ООО «СК "РУСВЬЕТПЕТРО"» достигло отметки в 28 миллионов тонн добытой нефти // Интернет-портал РПВ. 30.10.2020. URL <https://www.rvpetro.ru/presscenter/ooo-sk-rusvjetpetro-dostiglo-otmetki-8/> (дата обращения 10.12.2020).
9. ООО «РУСВЬЕТПЕТРО». Деятельность // Интернет-портал РПВ. URL <https://www.rvpetro.ru/about/activity/> (дата обращения 12.12.2020).
10. Россия и Вьетнам обсудили совместные инвестпроекты // Интернет-портал «RusCable.Ru». 31.08.2020. URL https://mobile.ruscable.ru/news/2020/8/31/Rossiya_i_Vyetnam_obsudili_sovmestnye_investproekt/ (дата обращения 07.12.2020).
11. Совместное заявление по итогам официального визита Генерального секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Вьетнама Нгуен Фу Чонга в Российскую Федерацию. Президент России // Официальный сайт Президента России. 8.09.2018. URL <http://www.kremlin.ru/supplement/5338> (дата обращения 24.11.2020).
12. СП «Вьетсовпетро». Выдающиеся достижения // Интернет-портал «Вьетсовпетро». URL <https://www.vietsov.com.vn/Rus/Pages/Environment.aspx> (дата обращения 24.11.2020).

ния 01.12.2020).

13. Федоров Н. В. Участие России в нефтегазовых проектах на континентальном шельфе Вьетнама: проблемы и перспективы // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. № 4 (41). С. 129–143.

14. Gazprom EP International. История компании // Интернет-портал ПАО «Газпром». URL <http://www.gazprom-international.com/about/managers/> (дата об-

ращения 21.11.2020).

15. Russian-Vietnamese oil venture opens drilling tenders despite looming coronavirus restrictions // Upstream. Energy Explores (сайт). 30 October 2020. URL <https://www.upstreamonline.com/coronavirus/russian-vietnamese-oil-venture-opens-drilling-tenders-despite-looming-coronavirus-restrictions/2-1-903767> (дата обращения 10.12.2020).

Aigiun N. ISMAILOVA,

Undergraduate Student in the field of regional studies, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

E-mail: ismailova.ana@students.dvfu.ru

Ivan N. ZOLOTUKHIN,

Ph. D. (in Political Science), Associate Professor, International Relations Department, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

E-mail: zolivnik@mail.ru

Directions and Dynamics of cooperation between Russia and Vietnam in the Field of Hydrocarbon Production at the Present Stage

UDC 330.15

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/82-88>

The article examines the dynamics of relations between the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam in the exploitation of hydrocarbon deposits and energy development. On the example of the implementation of specific projects, the process of bilateral interaction within the framework of signed agreements and acts, as well as the prospects for expanding oil and gas cooperation, identified at the level of heads of state, are considered and analyzed. The author clarifies the peculiarities of cooperation in russo-vietnamese relations in the field of oil and gas production pointing out that it functions not only because of profitability and mutually beneficial nature of joint ventures but also due to benevolent political environment which has been formed between the two states. The results of the work of joint ventures are outlined, the ways of sectoral development and the challenges they face are touched upon.

*energy cooperation,
oil refining,
oil production,
gas production,
Russian-Vietnamese
cooperation,
cooperation problems*

For citation: Ismailova A. N., Zolotukhin I. N. Directions and Dynamics of cooperation between Russia and Vietnam in the Field of Hydrocarbon Production at the Present Stage // Oriental Institute Journal. 2021. № 1. P. 82–88. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/82-88>

References

1. V'etnam ukhodit ot neftegazovogo diktata Zapada s pomoshh'yu rossijskikh goskompanij // Internet-portal «Odnako». 25.06.2014. URL <http://www.odnako.org/blogs/vetnam-uhodit-ot-neftegazovogo-diktata-zapada-s-pomoshchyu-rossijskikh-goskompanij/> (data obrashheniya 30.11.2020).
2. V'etnam. Neft', gaz, ugol' // Internet-portal «Polpred». Novosti. Obzor SMI. 21.12.2020. URL https://polpred.com/news/?prv_list=&ns=1&whouser=&img=&cnt_and=&person_id=&os%5B8%5D=on&cs%5B34%5D=on&searchtext=&fulltext=clr&fulltext=on&beg=&end=&word=&period=&period_count=1&sortby=&pl= (data obrashheniya 26.12.2020).
3. «Gazprom» i «Petrov'etnam» razvivayut sotrudnichestvo. // Internet-portal «PRAJM. Agentstvo ehkonomicheskoy informatsii». 03.10.2013. URL https://1prime.ru/press_release/20131003/767445634.html (data obrashheniya 20.11.2020).
4. Dmitriy Medvedev provyol peregovory s Prem'er-ministrom V'etnama Nguen Suan Fukom // Internet-portal Pravitel'stva Rossii. 22.05.2019. URL <http://government.ru/news/36753/#36753=35:1:9gU,42:20:H71> (data obrashheniya 05.12.2020).
5. Zolotukhin I. N., TSzya Su YAn. Razvitie yadernoy ehnergetiki v YUgo-Vostochnoj Azii: istoriya, tendentsii, perspektivy // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2018. № 4. S. 144–157. DOI 10.24866/1998-6785/2018-4/145-157
6. Karapetyan K. S. Sotrudnichestvo Rossii i V'etnama v neftegazovoy sfere // Vestnik RUDN, seriya «Mezhdunarodnye otnosheniya». 2012. №2. S. 45–49.
7. Kuz'mina Mariya. Rossiya pomozhet V'etnamu s gazom // Internet-portal «Russkaya planeta». 7.09.2018 URL https://rusplt.ru/sub/economy/rossiya-pomojet-vetnamu-34935.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (data obrashheniya 25.11.2020).
8. ООО «СК "RUSV'ETPETRO"» dostiglo otmetki v 28 millionov tonn dobytoj nefti // Internet-portal RPV. 30.10.2020. URL <https://www.rvpetro.ru/presscenter/ooo-sk-rusvetpetro-dostiglo-otmetk-8/> (data obrashheniya 10.12.2020).
9. ООО «RUSV'ETPETRO». Deyatel'nost' // Internet-portal RPV. URL <https://www.rvpetro.ru/about/activity/> (data obrashheniya 12.12.2020).
10. Rossiya i V'etnam obsudili sovместnye investproekty // Internet-portal «RusCable. Ru». 31.08.2020. URL https://mobile.ruscable.ru/news/2020/8/31/Rossiya_i_Vyetnam_obsudili_sovместnye_investproekt/ (data obrashheniya 07.12.2020).
11. Sovместnoe zayavlenie po itogam ofitsial'nogo vizita General'nogo sekretarya TSentral'nogo komiteta Kommunisticheskoy partii V'etnama Nguen Fu CHonga v Rossijskuyu Federatsiyu. Prezident Rossii // Ofitsial'nyj sajt Prezidenta Rossii. 8.09.2018. URL <http://www.kremlin.ru/supplement/5338> (data obrashheniya 24.11.2020).
12. SP «V'etsovpetro». Vydayushhiesya dostizheniya // Internet-portal «V'etsovpetro». URL <https://www.vietsov.com.vn/Rus/Pages/Environment.aspx> (data obrashheniya 01.12.2020).
13. Fedorov N. V. Uchastie Rossii v neftegazovykh proektakh na kontinental'nom shel'fe V'etnama: problemy i perspektivy // YUgo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya. 2018. № 4 (41). S. 129–143.
14. Gazprom EP International. Istoriya kompanii // Internet-portal PAO «Gazprom». URL <http://www.gazprom-international.com/about/managers/> (data obrashheniya 21.11.2020).
15. Russian-Vietnamese oil venture opens drilling tenders despite looming coronavirus restrictions // Upstream. Energy Explores (sajt). 30 October 2020. URL <https://www.upstreamonline.com/coronavirus/russian-vietnamese-oil-venture-opens-drilling-tenders-despite-looming-coronavirus-restrictions/2-1-903767> (data obrashheniya 10.12.2020).

БАРБЕНКО Ярослав Александрович

канд. ист. наук, доцент кафедры политологии Восточного института – Школы региональных и международных исследований, ДВФУ (г. Владивосток)

Электронная почта: prohist@ya.ru

Материалы обследования кафедры китайского языка ДВГУ, декабрь 1935 – январь 1936 годов. Часть 1

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/89-113>

*Памяти Элеоноры Васильевны Ермаковой
и Ольги Павловны Еланцевой –
деятельных исследователей истории университета*

«Известия Восточного института» в четырёх выпусках 2021 года публикуют цикл документов, связанный с драматическими страницами истории Дальневосточного университета и отечественной высшей школы в целом. 30-е годы XX века начались с крупных реформ и шатаний в сфере образования, а закончились массовыми репрессиями по всей стране, в том числе и в высшей школе. В 1930 г. в целях более эффективной специализации подготовки кадров для народного хозяйства был расформирован ряд крупных вузов РСФСР, в том числе и Государственный дальневосточный университет во Владивостоке, на базе факультетов которого было создано пять вузов во Владивостоке и Хабаровске, а в близкой перспективе их число должно было удвоиться [2, с. 107]. Восточный факультет вошёл в состав Дальневосточного института народного хозяйства в Хабаровске [2, с. 107]. Реформа проблем образования не решала, зато создавала новые, что побудило СНК в 1931 г. принять решение о восстановлении упразднённых университетов, в том числе и дальневосточного (теперь под названием «Дальневосточный государственный университет»), в состав которого вошёл и восточный факультет [2, с. 108]. Однако восстановление университета не означало упразднения институтов, выделившихся из него, что обостряло и без того непростую ситуацию с материальным и кадровым обеспечением высшей школы: у университета первое время практически не было помещений, библиотека была в нерабочем состоянии [2, с. 108–109].

В последующие годы материальные условия работы преподавателей и студентов последовательно улучшались, чего не сказать об организационной стороне, осложнявшейся и политическим содержанием. Так, с 1932 г. в связи с отказом от практикоориентированного бригадно-лабораторного метода обучения 20-х гг. и обращением к более академичной и теоретически насыщенной системе, подразумевавшей упор на лекционные формы занятий, активно пересматривались учебные программы, была усилена языковая подготовка специалистов-востоковиков; с 1933 г. в образовательный процесс внедряется культура соревнования [2, с. 110–113]. Пусть эта работа не покажется

Для цитирования:
Барбенко Я. А. Материалы обследования кафедры китайского языка ДВГУ, декабрь 1935 – январь 1936 годов. Часть 1 // Известия Восточного института. 2021. № 1. С. 89–113. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/89-113>

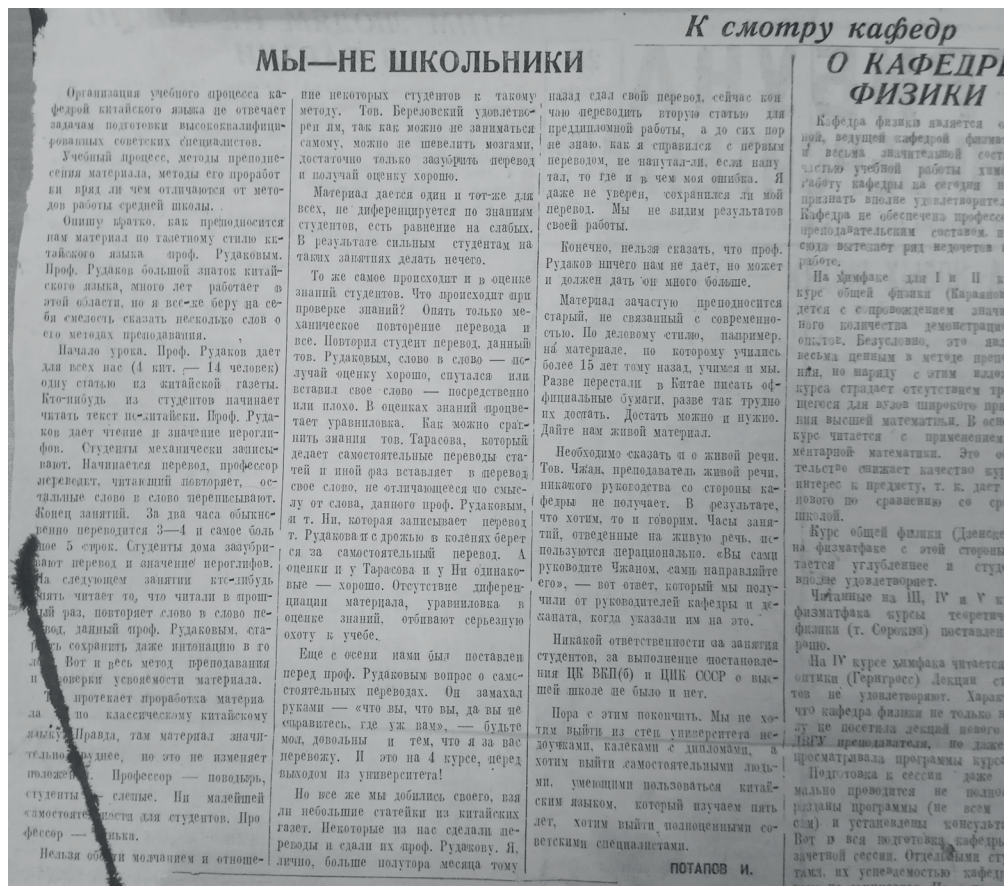
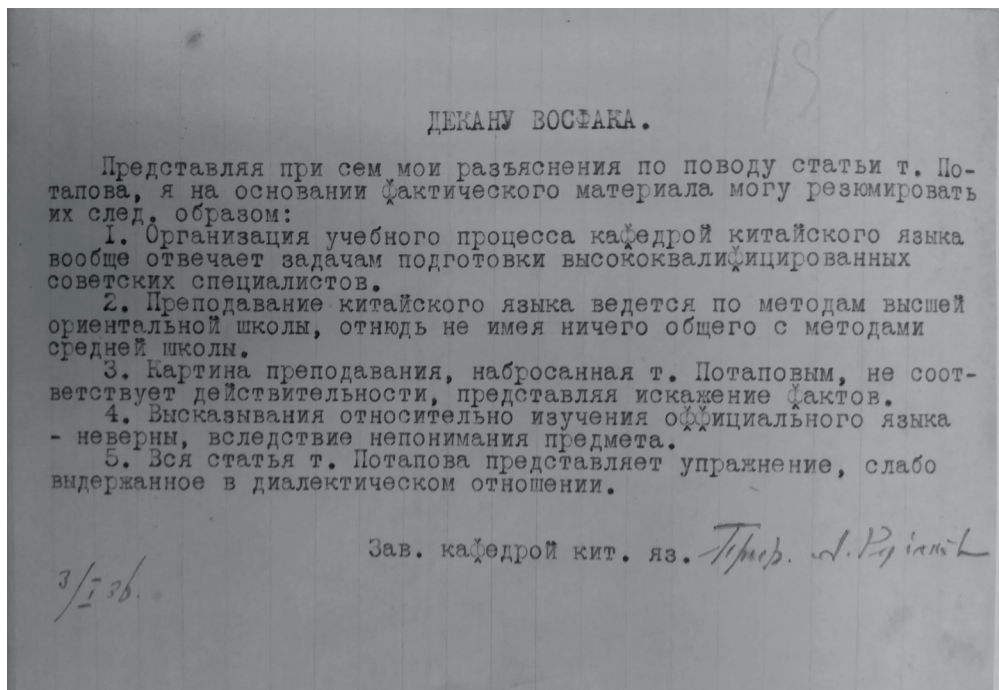

Рис. 1. Заметка
И. Потапова «Мы –
не школьники» в
газете «Трибуна
университета» (№ 7
(19) от 25.12.1935),
с. 2. Источник:
РГИА. ДВ Ф. Р-289.
Оп. 1. Д. 291. Л. 1.

читателю будничной: менялся стиль преподавания, несмотря на возвращение к более традиционным для высшей школы методам, нельзя было просто сдуть пыль со старых программ – требовался немалый труд для разработки курсов, соответствующих современным требованиям, опирающимся, что немаловажно, на марксистско-ленинскую методологию. Собственно, с последней у аполитичных востоковедов были наибольшие трудности, что и ставилось им в вину: несмотря на признание университетом заслуг А. В. Рудакова, его труды в это время уже не публиковались [2, с. 121–125; 6, с. 58]. Т. Д. Червонецкий, не принимавший новую идеологию, весной 1935 г. в течение месяца оставался уволенным как «реакционер» [2, с. 117–118].

Очевидно, что первая половина 30-х годов была очень беспокойным временем и для университета, и для его преподавателей. Одну из показательных ситуаций, раскрывающих атмосферу того времени, являет нам набор документов, хранящихся в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока, связанный с внутрифакультетской проверкой учебной деятельности сотрудников кафедры китаеведения, проводившейся в декабре 1935 – январе 1936 гг. Проверка была инициирована заметкой студента М. Потапова в университетской газете (рис. 1), в которой автор от лица студентов-ки-

таистов, недовольных отказом от демократического бригадно-лабораторного метода, упрекает преподавателей (упоминаются Рудаков и Чжан) в деспотизме и формализме, уклонении от постановлений партии и правительства. В связи с этим заявлением администрация факультета организовала проверку работы кафедры китаеведения силами сотрудника кафедры японоведения К. П. Феклина и студенческого актива (Потапова и Денищенко). «Обследовательская бригада» представила несколько аналитических и обобщающих документов: материалы, выводы, практические предложения. В данных документах критике подверглась работа преподавателей А. В. Рудакова, Т. Д. Червонецкого, Чжан Юэ Жэня, в результате А. В. Рудаков (рис. 2) и Т. Д. Червонецкий (рис. 3) представили объяснительные записки администрации факультета и университета. Интересно, посещения занятий в рамках проверки кафедры (21 декабря) начинаются ещё до выхода заметки в газете (25 декабря). Как минимум можно предполагать, что публикации в газете предшествовала какая-то коммуникация между студентом Потаповым и администрацией факультета.

Чем ценны эти материалы? Пока данная история была внутренним делом университетской корпорации, разговор о принципах и методах образовательной и учебной работы вёлся на предметном уровне, позволяющем сегодня её реконструировать и дать ей оценку. В материалах обследования подробно обсуждаются детали методик, способы использования учебных пособий, организация работы студентов и преподавателей. Вместе с тем на каждой странице бросается в глаза потенциал политизации образовательного конфликта, начи-

Рис. 2. Машинописная записка А. В. Рудакова (с автографом) декану Восточного факультета, 3.01.1936. Источник: РГИА ДВ Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 291. Л. 15.

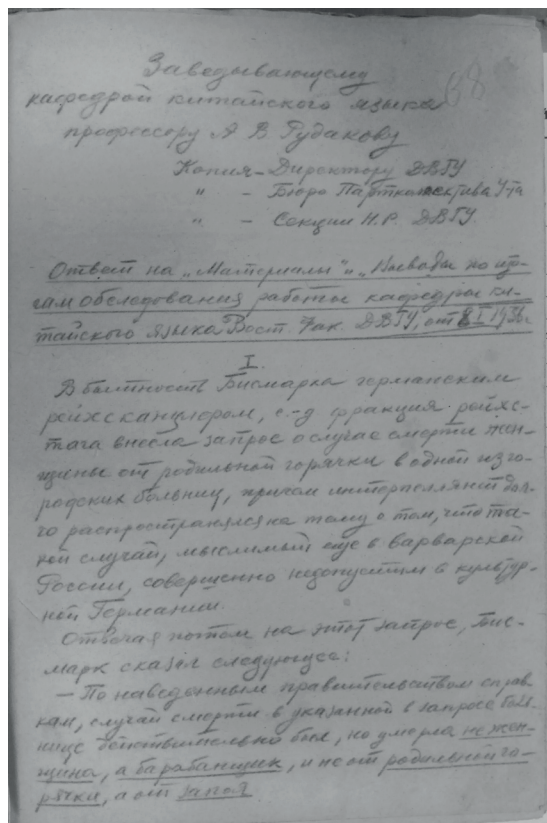

Рис. 3. Первая страница черно-белка объяснительной записки Т. Д. Червонецкого, 28.01.1936. Источник: РГИА ДВ Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 291. Л. 68.

крайне слабое освещение. Кратко этот конфликт упоминается в обзорной статье 1994 г. [6, с. 59]: Э. В. Ермакова и Е. А. Георгиевская дают общий очерк ситуации, делая больший акцент на политической, чем методической составляющей конфликта. В «Истории русского Китаеведения» (2015) В. Г. Дацышен ещё более глухо упоминает о несогласии Рудакова с результатами оценки работы его кафедры [3, с. 221–222]. Очевидно, что исследовательский потенциал документов проверки 1935/36 гг. ещё далеко не раскрыт.

В Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока в фонде «Дальневосточный государственный университет (1917–1939)» в составе дела «Материалы по итогам обследования кафедры китайского языка 1935–36 уч. год (31/XII-1935 г. – 28/I-1936 г.)» отложились следующие документы, представленные в нашей подборке: № 1, «Мы – не школьники!» (часть 1); № 2, «Материалы по итогам обследования работы кафедры китайского языка Восточного факультета Д. В. Г. У.» (часть 1); № 3, «Выводы по итогам обследования кафедры китайского языка Восточного факультета ДВГУ» (часть 2); № 4, «Предложения обследовательской бригады по итогам обследования работы кафедры Китайск. языка ВФ ДВГУ в 1935/36 акад. году» (часть 2); № 5, «Практические предложения» Производственного совещания 4 го курса китайского отделения Востфака (часть 2); № 6, предложения А. В. Рудакова в учебный отдел ДГУ по усовер-

ная от упрёков студентов в неполноте получаемого ими, будущими советскими специалистами, образования и заканчивая оправданиями преподавателей за неучастие во внутриуниверситетских профессиональных соревнованиях. Окидывая взглядом эту картину, надо помнить о сгущающейся в течение 30-х гг. политической атмосфере СССР.

Собственно, репрессии второй половины 30-х в чём-то и разрешили этот конфликт; на уровне университета он был, похоже, замят. А. В. Рудаков, после разгрома и ликвидации университета в 1939 г. работал на курсах военных переводчиков ТОФ до смерти в 1949 г. [1, с. 73–74], Т. Д. Червонецкий в 1936 г. вернулся на малую родину в г. Изюм [5, с. 541], декан факультета В. А. Войлошников и К. П. Феклин были репрессированы и расстреляны во Владивостоке в 1938 г. [4, с. 101, 105], о судьбе студентов, принимавших участие в проверке кафедры Китаеведения, информации нет.

Сюжет обследования деятельности кафедры Китаеведения в 1935/36 гг. получил в историографии

шенствованию учебного процесса (часть 2); № 7, докладная записка А. В. Рудакова декану Востфака (часть 2); № 8, «Критический обзор Материалов по итогам обследования работы кафедры китайского языка Восточного факультета Д. В. Г. У.» А. В. Рудакова (часть 3); № 9, «К смотру кафедры китайского языка. 1936 г.» Т. Д. Червонецкого (часть 4). Часть 1 публикуется в данном выпуске журнала, части 2–4 будут опубликованы в соответствующих выпусках текущего года.

Представляемая читателю публикация не является первой: в связи с празднованием столетия университета уже были осуществлены две публикации: в 1999 году ДВГУ выпустил сборник документов (второе издание в 2004 г.), в который вошли заметка из «Трибуны университета» (рис. 1, документ № 1) документы № 2 и 7 [8, с. 515–536], из которых изъятые описания методических приёмов, содержание курсов и другие тонкие детали. Републикация документов № 2 и № 7 в том же составе, что и в 1999 м, была осуществлена Российским государственным историческим архивом Дальнего Востока в 2000 году [7, с. 99–118]. Таким образом, сегодня мы располагаем фрагментарным и далеко не полным отражением ситуации вокруг проверки кафедры китаеведения на рубеже 1935 и 1936 гг.; три существующих сегодня публикации восходят к одной редакции, сделанной сотрудниками РГИА ДВ в конце 90-х годов с целью дать общее (так сказать «юбилейное») представление о ситуации в университете середины 30-х годов. Это обстоятельство объясняет необходимость публикации как уже доступных, так и ещё не опубликованных документов, связанных с проверкой 1935/36 годов.

* * *

Знак «"» в тексте источника заменён на знак «ъ»; исправления, внесённые в текст сразу после его написания, включены в публикацию. Исправлены однозначные опечатки и изъятые избыточные знаки препинания. Сохранён авторский грамматический стиль и способ написания слов. По возможности сохранены элементы оформления документов. Все редакторские пометки и исправления помещены в квадратные скобки []. Документы имеют перекрёстные ссылки, поэтому в части материалов представлена оригинальная пагинация страницы в угловых скобках < > в месте начала каждой страницы, за исключением первой.

Литература

1. Врядий С. Ю. Профессор китаеведения А. В. Рудаков // Известия Восточного института Дальневост. гос. ун-та. 1999. № 5. С. 68–74.
2. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999 гг. / [Редкол. В. И. Курилов (гл. ред.), Э. В. Ермакова, Р. М. Самигулин]. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 704 с.
3. Дацишен В. Г. История русского китаеведения 1917–1945 гг. М.: Издательство «Весь Мир», 2015. 352 с.
4. Донской В. К. Разгром Восточного факультета ДВГУ // Вестник ДВО РАН. 1996. № 1. С. 95–108.
5. Еланцева О. П., Ван Юе Тихон Дмитриевич Червонецкий – преподаватель-китаист восточного факультета ДВГУ (1926–1936 гг.) // Россия и Китай: История и перспективы сотрудничества. Мат-лы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск: Изд-во Благов. гос. пед. ун-та, 2018. С. 537–542.
6. Ермакова Э. В., Георгиевская Е. А. Восточный факультет в 20–30 годы // Из-

вестия Восточного института Дальневост. гос. ун-та. 1994. № 1. С. 52–63.

7. Из истории востоковедения на российском Дальнем Востоке. 1899–1937. Документы и материалы / Редакторы и сост. коммент. Н. А. Троицкая, А. А. Торопов. Владивосток: Прим. краев. орг-ция об-ва любителей кн., 2000. 256 с.

8. История Дальневосточного госу-

дарственного университета в документах и материалах, 1899–1939 гг.: [сборник] / Дальневосточный государственный университет, Российский государственный исторический архив Дальнего Востока; [сост. О. В. Усталова и др.; ред. кол. В. И. Курилов (отв. ред.) и др.]. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1999. 626 с.

Yaroslav A. BARBENKO

Ph. D. (in History), Assistant Professor, Department of Political Sciences, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

E-mail: prohist@ya.ru

Materials of the Inspection of the Chinese Language Department of Far East State University, December 1935 – January 1936. Part 1

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/89-113>

In memory of Eleonora V. Ermakova and Olga P. Elantseva, who were the deedful researchers of the university's history

“Oriental Institute Journal” publishes a series of documents related to the dramatic pages in the history of the Far Eastern University and the Russian higher school as a whole. One of the indicative situations that reveal the atmosphere of that time is a set of documents stored in the Russian State Historical Archive of the Far East.

These are the documents related to the internal audit of the educational activities of the staff of the Department of Chinese Studies, conducted in December 1935 – January 1936. The audit was initiated by M. Potapov's note in the university newspaper (Fig. 1). The author, on behalf of Chinese-learning students, reproaches the teachers (Rudakov and Zhang are mentioned) for despotism and formalism, evading the decisions of the Communist Party and the Soviet Government. In response, the faculty administration organized an audit of the work of the Department of Chinese Studies, authorizing K. P. Feklin, an employee of the Department of Japanese Studies, and student activists (Potapov and Denishchenko). The “inspection team” presented several analytical and summarizing documents: materials, conclusions, and practical proposals. In these documents, the work of teachers A. V. Rudakov, T. D. Chervonetsky, and Zhang Yue Ren was criticized. As a result, A. V. Rudakov (Fig. 2) and T. D. Chervonetsky (Fig. 3) presented explanatory notes to the administration of the faculty and the university.

The publication of the entire series of documents is scheduled for four issues in 2021.

For citation: Barbenko Y. A. Materials of the Inspection of the Chinese Language Department of Far East State University, December 1935 – January 1936. Part 1 // Oriental Institute Journal. 2021. № 1. P. 89–113. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/89-113>

References

1. Vradij S. Yu. Professor kitaavedeniya A. V. Rudakov // *Izvestiya Vostochnogo instituta Dal'nevost. gos. un-ta.* 1999. № 5. S. 68–74.
2. Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj universitet. *Istoriya i sovremennost'. 1899–1999 gg.* / [Redkol. V. I. Kurilov (gl. red.), E. H. V. Ermakova, R. M. Samigulin]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1999. 704 s.
3. Datsyshen V. G. *Istoriya russkogo kitaavedeniya 1917–1945 gg.* M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2015. 352 s.
4. Donskoj V. K. Razgrom Vostochnogo fakul'teta DVGU // *Vestnik DVO RAN.* 1996. № 1. S. 95–108.
5. Elantseva O. P., Van YUe Tikhon Dmitrievich CHervonetskij – prepodavatel'-kitaist vostochnogo fakul'teta DVGU (1926–1936 gg.) // *Rossiya i Kitaj: Istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Mat-ly VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Blagoveshhensk: Izd-vo Blagov. gos. ped. un-ta,* 2018. S. 537–542.
6. Ermakova E. H., Georgievskaya E. A. *Vostochnyj fakul'tet v 20–30 gody* // *Izvestiya Vostochnogo instituta Dal'nevost. gos. un-ta.* 1994. № 1. S. 52–63.
7. *Iz istorii vostokovedeniya na rossijskom Dal'nem Vostoke. 1899–1937. Dokumenty i materialy / Redaktory i sost. komment. N. A. Troitskaya, A. A. Toropov.* Vladivostok: Prim. kraev. org-tsiya ob-va lyubitelej kn., 2000. 256 s.
8. *Istoriya Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta v dokumentakh i materialakh, 1899–1939 gg.: [sbornik] / Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj universitet, Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv Dal'nego Vostoka; [sost. O. V. Ustalova i dr.; red. kol. V. I. Kurilov (otv. red.) i dr.].* Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo universiteta, 1999. 626 s.

№ 1

Мы – не школьники

¹ То есть 4 й курс китайского отделения – 14 человек (ред.).

Организация учебного процесса кафедрой китайского языка не отвечает задачам подготовки высококвалифицированных советских специалистов.

Учебный процесс, методы преподнесения материала, методы его проработки вряд ли чем отличаются от методов работы средней школы.

Опишу кратко, как преподносится нам материал по газетному стилю китайского языка проф. Рудаковым. Проф. Рудаков большой знаток китайского языка, много лет работает в этой области, но я все же беру на себя смелость сказать несколько слов о его методах преподавания.

Начало урока. Проф. Рудаков дает для всех нас (4 кит. – 14 человек)¹ одну статью из китайской газеты. Кто-нибудь из студентов начинает читать текст по-китайски. Проф. Рудаков дает чтение и значение иероглифов. Студенты механически записывают. Начинается перевод, профессор переводит, читающий повторяет, остальные слов в слово переписывают. Конец занятий. За два часа обыкновенно переводится 3–4 и самое большее 5 строк. Студенты дома зазубривают перевод и значение иероглифов. На следующем занятии кто-нибудь опять читает то, что читали в прошлый раз, повторяет слов в слово перевод, данный проф. Рудаковым, стараясь сохранить даже интонацию в голосе. Вот и весь метод преподавания и проверки усвояемости материала.

[Так же] протекает проработка материала [и] по классическому китайскому языку. Правда там материал значительно труднее, но это не изменяет положения. Профессор – поводырь, студенты – слепые. Ни малейшей самостоятельности для студентов. Профессор – нянька.

Нельзя обойти молчанием и отношение некоторых студентов к такому методу. Тов. Березовский удовлетворен им, так как можно не заниматься самому, можно не шевелить мозгами, достаточно только зазубрить перевод и получить оценку хорошо.

Материал дается один и тот-же для всех, не дифференцируется по знаниям студентов, есть равенство на слабых. В результате сильным студентам на таких занятиях делать нечего.

То же самое происходит и в оценке знаний студентов. Что происходит при проверке знаний? Опять только механическое повторение перевода и все. Повторил студент перевод, данный тов. Рудаковым, слов в слово – получишь оценку хорошо, спутался или вставил новое слово – посредственно или плохо. В оценках знаний процветает уравниловка. Как можно сравнить знания тов. Тарасова, который делает самостоятельные переводы статей и иной раз вставляет в перевод свое слово, не отличающееся по смыслу от слова, данного проф. Рудаковым и т. Ни, которая записывает перевод т. Рудакова и с дрожью в коленях берется за самостоятельный перевод. А оценки и у Тарасова и у Ни одинаковые – хорошо. Отсутствие дифференциации материала, уравниловка в оценке знаний, отбивают серьезную охоту к учебе.

Еще с осени нами был поставлен перед проф. Рудаковым вопрос о самостоятельных переводах. Он замахал руками – «что вы, что вы, да

вы не справитесь, где уж вам», – будьте, мол, довольны и тем, что я за вас перевожу. И это на 4 курсе, перед выходом из университета!

И все же мы добились своего, взяли небольшие статейки из китайских газет. Некоторые из нас сделали переводы и сдали их проф. Рудакову. Я, лично, больше полутора месяца тому назад сдал свой перевод, сейчас кончаю переводить вторую статью для преддипломной работы, а до сих пор не знаю, как я справился с первым переводом, не напутал-ли, если напутал, то где и в чем моя ошибка. Я даже не уверен, сохранился ли мой перевод. Мы не видим результатов своей работы.

Конечно, нельзя сказать, что проф. Рудаков ничего нам не дает, но может и должен дать он много больше.

Материал зачастую преподносится старый, не связанный с современностью. По деловому стилю, например, на материале, по которому учились более 15 лет тому назад, учимся и мы. Разве перестали в Китае писать официальные бумаги, разве так трудно их достать. Достать можно и нужно. Дайте нам живой материал.

Необходимо сказать и о живой речи. Тов. Чжан, преподаватель живой речи, никакого руководства со стороны кафедры не получает. В результате, что хотим, то и говорим. Часы занятий, отведенные на живую речь, используются нерационально. «Вы сами руководите Чжаном, сами направляйте его», – вот ответ, который мы получили от руководителей кафедры и деканата, когда указали им на это.

Никакой ответственности за занятия студентов, за выполнение постановления ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР о высшей школе не было и нет.

Пора с этим покончить. Мы не хотим выйти из стен университета недоучками, калеками с дипломами, а хотим выйти самостоятельными людьми, умеющими пользоваться китайским языком, который изучаем пять лет, хотим выйти полноценными советскими специалистами.

Потапов М.

Мы – не школьники // Трибуна университета. 1935. № 7 (19). С. 2.

РГИА ДВ Ф. Р 289. Оп. 1. Д. 291. Л. 1.

№ 2

МАТЕРИАЛЫ

ПО ИТОГАМ ОБСЛЕДОВАНИЯ РАБОТЫ КАФЕДРЫ
КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ВОСТОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА Д. В. Г. У.

I. Наличие программ по отдельным языковым дисциплинам. Доведение программ и учебных планов до сведения студентов.

Среди дел секретаря Деканата Восточного Факультета нашлись лишь программы по следующим языковым разделам:

1. Программа по курсу кит. разговорн. языка для 1-го КУРСА. (Краткий перечень дозировки теоретического материала, распределение часов по отдельным методам, указание учебных пособий).

2. Программа по курсу латинизации кит. иероглифической письменности для 1–2 курсов (характеристику см. выше).

3. Программа по курсу кит. разг. языка для 2-го КУРСА (характеристику см. выше).

4. Программа по курсу кит. разг. языка ДЛЯ 3-го КУРСА (см. выше: указана раскладка часов по разговорной практике и каллиграфии поручаемых преподавателю-китайцу).

5. Программа по курсу разговорно-литературного стиля (БАЙ-ХУА) для 2–3 курсов (характеристику см. выше).

6. Учебная программа по китайскому газетно-журнальному стилю для 2, 3, 4 курсов (сводная записка, без хотя бы схематического пояснения номенклатуры даваемого грамматического материала).

7. Программа по кит. военной терминологии для 3–4 курсов (характеристику см. выше).

8. Учебная программа по основам литературного языка для 3-го курса. (Составлена более обстоятельно с некоторой детализацией содержания преподаваемого материала).

9. Учебная программа по истории кит. литературы для 3-го курса (ошибочно написано «для 4-го курса»).

В программе уделяется очевидное преимущество памятникам древней классической литературы перед литературой нового и новейшего времени; о пролетарской литературе нет никаких упоминаний.

10. Учебная программа по классическому литературному языку для 4-го курса, по официальному и деловому стилю для 4-го курса) чрезвычайно сжатый материал – 9 строчек) и «по специальному семинарию на кит. языке» для 5-го курса (повидимому по современной кит. литературе и переводческому практикуму – проработка статей политического, финансового и экономического характера).

Кроме упомянутых 10-ти предельно сжатых программ по языковым разделам, у секретаря Деканата Восточного факультета еще имеется «Учебный план китайского отделения Восточного факультета ДВГУ», собственно говоря, раскладка часов по семестрам и за год по отдельным языковым и всем прочим дисциплинам без каких либо объяснительных записок к нему.

<Стр. 2> На этом перечисление программных материалов кит. кафедры, имевшихся к моменту обследования в деканате Востфака, ограничивается.

Ни единого учебно-производственного плана кафедры, ни более развёрнутых календарных рабочих планов с конкретной детализацией материала в деканате не имелось.

При посещении профессора Рудакова научным работником кафедры японского яз. т. Феклиным 25-го декабря 1935 г. т. Рудаков показывал хранящиеся у него копии учебно-производственного плана и несколько рабочих планов, причем упоминал, что весь планово-программный материал был отправлен в учебную часть ДВГУ еще в конце прошлого акад. года. Тоже подтверждает с некоторым добавлением и доцент ЧЕРВОНЕЦКИЙ: все программы и рабочие планы были полностью сданы в конце прошлого ак. года в Учебную часть ДВГУ, там они были потеряны и пришлось возобновить лишь программы, дослав их снова уже в начале текущ. ак. года. Поэтому, говорит Червонецкий, я не могу сказать с точностью доведены ли полностью программы и учебные планы до каждого студента, но научные работники кафедры своевременно информируют студентов о предъявляющимся к ним требованиям к предстоящим зачетным сессиям.

Студенческие представители по обследованию работы кафедры в результате опроса студентов 4-х курсов констатировали, что имеющиеся программы доведены до сведения всех студентов. В большей части программ не указана совершенно целевая установка данного курса. Имеются примеры, когда программы не дифференцируются по курсам: на 2 и 3 курсах по курсу прорабатывается одна и та же брошюра Мартынова «Тянь цзянь ды-шу-цзы-дуй-юань». На 3–4 курсах прорабатываются одни и те же официальные бумаги по устаревшему учебнику Отто.

Серьезным отрицательным моментом в программах учебного процесса кафедры (правда, недостатком, так сказать, хронического характера, благоприобретенного Советским Востфаком ДВГУ по традиции от дореволюционного Восточного Института) является полное игнорирование ими работы преподавателя-национала по разговорной практике и письму. Никаких методических указаний или хотя бы намеков преподавателю-китайцу не дается. Ни о какой программе живой речи и письма нет нигде ни одного слова (за исключением голой разнарядки поручаемых ему часов в одной лишь программе). Таким образом, преподаватель, в полном смысле слова, предоставлен всецело собственной инициативе, долженствующей одиноко плыть по воле стихии общей педагогической работы кафедры.

Наличие только лишь учебных программ в том виде, как застало их обследование в деканате, без календарных детальных планов, явно не удовлетворительно. Так, например, в программе по разговорно-литературному стилю для 2–3 курсов (доц. Червонецкий) совершенно не указан конкретно проходимый материал. Курьезно выглядит фраза в программе спец.-семинара на кит. языке для 5-го курса – «приобретение навыков в пользовании словарями на китайском языке». Можно было-бы, думается, преподавать эти навыки исподволь и с 3–4 курсов.

2. Соотношение лекций к семинарам. Качество лекций и семинаров.

По мнению председателя кафедры проф. РУДАКОВА, налицо полное гармоническое сочетание между лекциями и семинарами. Соотношение часов уделемых преподавателям русским и китайцу также не оставляет желать ничего лучшего. Добавления доц. ЧЕРВОНЕЦКОГО: <стр. 3> лекций, как таковых, проводится очень мало, по преимуществу они вводного характера. Кафедра неуклонно стремится держать качество их на должной высоте.

Студенческий представитель обследования на 3–4 курсах констатирует, что «% соотношения лекций таких, какими они должны быть, нет. Есть только семинары. УВЯЗКИ ТЕОРИИ С ПРАКТИКОЙ НИКАКОЙ». Очевидно, речь идет о бессистемной работе преподавателя-китайца по разговорной практике. В отношении качества лекций и семинаров следует, прежде всего, упомянуть результаты обследования студенческого представителя по состоянию лекций и семинаров на 1–2 курсах: «Преподавание теории разговорного языка (доц. ЧЕРВОНЕЦКИЙ) проходит нормально». Недостатком работы кафедры нужно считать слабое руководство и контроль над работой преподавателя разговорной практики тов. ЧЖАН-ЮЭ-ЖЕНЬ. Студенты на некоторую бессистемность в его преподавании и отсутствие подготовки к урокам, в результате чего на уроках живой речи не закрепляется язы-

ковой материал, полученный по теории разговорного языка. Причем в проработке участвуют лишь наиболее активные студенты. Остальная же часть отмалчивается и т. ЧЖАН не привлекает их к участию. Дозировка времени для объяснений свежего материала и опроса, по мнению студентов, вполне нормальна.

На 2-м КУРСЕ... времени для проработки и усвоения нового материала отводится недостаточно. В течение шестидневки студент получает 80–110 новых иероглифов (Теория разгов. языка: 10–30 знаков, Газетный стиль – не менее 40 знаков, Литературный стиль – не менее 40 знаков). Студенты жалуются на поверхностность проработки, особенно по газетному стилю, материал разобранный на предыдущем занятии, как правило, на следующем занятии не повторяется. Поскольку же весь материал разбирается на уроке без предварительной подготовки со стороны самого студента, результаты такой однократной проработки весьма не высоки.

Уроки разговорной практики не закрепляют полученного материала, т. к. ведутся на темы, не связанные с прорабатываемым теоретическим материалом и сопровождаются тщательной подготовкой самого преподавателя-китайца.

Далее, приводим результаты обследования студенческим представителем занятий по теории разговорного языка НА 3-М КУРСЕ, а также по газетному стилю и классическому языку НА 4-М КУРСЕ: «Все они носят ярко выраженный отрицательный характер. Метод преподавания на этих курсах не только не приучает студентов к самостоятельной работе, но, наоборот, заглушает проявление всякой самостоятельности в учебе.

Например, проработка общих (для всех студентов одинаковых) статей состоит по существу в подаче перевода самим профессором, причем никакого внимания не обращается на грамматический разбор фраз. Нет дифференцированного подхода к каждому студенту в отдельности. При опросе студентов 3–4 курсов я не нашел положительных сторон в работе кафедры. Повсюду скользит безответственное отношение к делу подготовки действительных специалистов китайского языка».

Студенческий представитель по обследованию работы кафедры НА 5-М КУРСЕ говорит следующее: «Необходимо обратить внимание на постановку преподавания курса истории китайской литературы, читаемого проф. РУДАКОВЫМ. История китайской литературы излагается вне всякой связи с социальной основой и с социальными сдвигами, имеющими <стр. 4> место в Китае. Трактовка вопросов литературной революции буржуазными синологами предлагается студентам без каких-нибудь критических замечаний, как истина в окончательной инстанции. Программа этого курса до студентов не доведена и вообще вызывает сомнение вопрос, есть ли таковая программа.

Курс методики преподавания кит. языка также требует пересмотра. При всей полезности (обзор недостатков преподавания кит. языка на Востфаке ДВГУ) постановки вопроса, он, по видимому, рассчитан на подготовку преподавателя высшей школы, тогда как цель-установка нашего Востфака – подготовка преподавательских кадров для средних школ Края. Специфике преподавания кит. языка средне-школьникам не уделяется никакого внимания.

Далее НА 5-М КУРСЕ отведено 30 часов изучению скорописи под руководством китайца-преподавателя, т. ЧЖАН. Курс проходит вяло. Основные причины этого: слабая домашняя подготовка самих студентов и некоторая бессистемность в преподавании т. ЧЖАН. Иногда дается материал случайного характера. Закрепление материала далеко не достаточное.

СПЕЦТЕРМИНОЛОГИЯ на 5-м курсе, т. е. Самостоятельный перевод на русский язык переводной брошюры доклада т. Сталина на XVII съезде партии. Курс поручен профессору РУДАКОВУ, однако переводы студентов еще ни разу не подвергались его проверке».

В заключение, при подведении итогов обследования работы кафедры по данному разделу, помещаем материал личного обследования научным работником т. ФЕКЛИНЫМ ведения лекций и практических семинаров на 4-х курсах кафедры.

21-ГО ДЕКАБРЯ 1935 г. 1-й КУРС; Теория разговорного языка (доц. ЧЕРВОНЕЦКИЙ). Группа 10 человек.

Как ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ стороны следует отметить хорошую дисциплину группы, аккуратные записи в тетрадях. Преподаватель вел занятие по устному обратному переводу.

ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ: Преподаватель слишком много дидактически разглагольствует с аудиторией, ведя беседу в форме выговоров, зачастую слишком в утрировано-патетической манере. Частые его дидактические сентенции разрывают нить педагогического процесса, будоражат необходимое для рабочего средоточия настроение и, несомненно, расхолаживают студентов. Со стороны преподавателя подбор задаваемых студентом фраз для обратного перевода идет несколько вялым темпом. Обильное изливание в глубокопессемстическом тоне порицающих сентенций, несомненно, уже стало привычным для ушей аудитории, воспринимается ею иронически и, конечно, содействует лишь расхолаживанию рабочего настроения. Опрос студентов не ровен. Слабые не удостоиваются внимания преподавателя. В результате длительных опросов к концу урока из 10-ти студентов двое не опрошено совсем.

Группа оставляет впечатление крайне пассивной аудитории. Несомненно, немалую способствующую роль здесь в понижении тонуса рабочего настроения играет описанный выше метод преподавателя воздействия на студентов: если успевающие и проявляют хоть ничтожную активность в самостоятельном составлении разговорных фраз под градом сыплющихся упреков о ничегонеделании, то отстающие студенты обречены почти на полное пассивное слушание заведомо не располагающих их к активной работе над языком отношении к ним преподавателя.

В изучении языка для целей активного пользования им такой подход к аудитории не может дать высоких результатов. Опрашивая студентов, преподаватель не ставит отметок по их отчетам, следовательно, кривая роста успехов студента в учебе и его сознательности <стр. 5> к работе останется незафиксированной, это лишь способствует уравниловке и не стимулирует отстающих.

23-ГО ДЕКАБРЯ 1935 Г. Разговорная практика. Лектор ЧЖАН. Урок каллиграфии. В общем студенты пишут вполне удовлетворительно, но отдельные детали иероглифов, написанные не в китайской манере, преподавателем не исправляются. Иными словами, студен-

там не прививается систематически и исподволь основа истинно каллиграфического почерка иероглифов. Малоэффективным приемом нужно признать задавание здесь у доски 2-м студентам одной и той же фразы. Далее проводится урок разговорной практики. Здесь нельзя не отметить, как положительную сторону качества личности лектора, т. ЧЖАН. Основным ценным качеством его работы, особенно важным в его роли является живой, активный темперамент, воля и несомненное желание к работе и хорошая дикция. Эти качества делают его, при наличии у него соответствующего, хоть и не высокого образования чрезвычайно ценным для кафедры работником, могущим дать при надлежащей планомерной постановке его работы блестящие результаты. К сказанному следует добавить безусловно корректное отношение его к аудитории, встречающее, к сожалению, со стороны отстающих студентов порой далеко не тактичный прием в форме упорных отмачиваний на задаваемые им лектором вопросы.

Но и на уроках т. ЧЖАН следует отметить недостатки общего характера: разговор преподавателя ведется только лишь с передовыми студентами, преимущественно с 1–2 корейцами. Остальные остаются немymi слушателями ведущихся диалогов. Наиболее отстающие сидят на задних партах и даже не пытаются проявить какую-либо активность. Определенной тематики для бесед, очевидно, не имеется. Лектор сам в процессе работы измышляет материал для вопросов. Отметок также никаких не ставится. Много студентов, а среди них и все слабые, остаются не опрошенными и сидят в пассивном бездействии весь урок. Урок проходит вяло, несмотря на наличие у лектора всех необходимых для активации качеств.

21-го ДЕКАБРЯ. 2-Й КУРС. Теория разговорного языка (доц. ЧЕРВОНЕЦКИЙ). Опрос устного перевода заданного текста. Следует отметить, как ПОЛОЖИТЕЛЬНУЮ сторону, аккуратное ведение записей студентами, общий удовлетворительный почерк записываемого иероглифического текста. Дисциплина хорошая. Аудитория, по видимому, имеет все возможности работать активно над языком. Здоровые отношения к работе. Но все эти хорошие качества принимают общий фон глубочайшей пассивности при работе под руководством преподавателя. Его метод взаимоотношений с аудиторией отличается теми же качествами, которые упомянуты нами при описании ведения семинара на 1-м курсе (см. выше). Нервирующий тон преподавателя создает беспокойную рабочую обстановку. Процесс его разрывается спорами студентов с преподавателем, напр., по моментам произношения. Опрос аудитории неравномерен: некоторые студенты опрашиваются по 3 раза, другие – ни одного. Отметок по опросу никаких не ставится.

21-го ДЕКАБРЯ. 2-й КУРС. Разговорная практика. Лектор т. ЧЖАН. ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ стороны: Лектор вполне активен. Речь его хорошей дикции и идет беспрерывно. По-русски почти совершенно не говорит. Незнакомые термины пишет на доске четкой иероглифкой. Аудитория тепло встречает лектора. Ответы довольно живы.

К ОТРИЦАТЕЛЬНЫМ сторонам нужно отнести следующие моменты: отсутствие стержневой тематики. Бессистемные вызовы студентов. Лектор говорит больше сам. Пока опрашивается один студент 6–8 минут, остальные занимаются «своими делами». Зачастую отве-

чают хором <стр. 6> без вызова лектора. Сидящие на задних партах вяло участвуют в работе. Разговор ведется лишь в форме вопросов-ответов. Повествовательный вариант не используется. В результате в разговоре участвуют лишь 2–3 активных студента, остальные крайне пассивны. Нет индивидуального подхода к студентам. Отметок не ставится. Из 16-ти человек за 1 ак. час опрошено 8. Несмотря на вполне нормальные взаимоотношения лектора и студентов аудитория крайне пассивна.

30 ДЕКАБРЯ. 3-й КУРС. Теория разговорного языка (доц. ЧЕРВОНЕЦКИЙ). Аудитория 5 человек. Опрос перевода заданного текста. Следует отметить общий, повидимому, для всех курсов выше нами описанный тон преподавателя в обращении к студентам. Все те же непрерывные выговоры глубокопессеместического характера, избыточные выражениями вроде «сбрендил форменным образом», обескураживающие даже не робких студентов, не говоря уже об отстающих. В итоге – всеобщее вялое нерабочее настроение, слабые переводы, отсутствие заинтересованности студентов к проходимому материалу. Никаких оценок по ответам студентов не делается.

25-го ДЕКАБРЯ. 4-й КУРС. Газетно-журнальный стиль. Ведет профессор Рудаков. Проводится краткое предзачетное совещание. Студенты просят профессора дать, кроме заученного материала к зачетной сессии по примеру японской кафедры, свежие газетные заметки индивидуально каждому студенту. Профессор соглашается. Идет опрос заданного материала – перевод общей (переписанной под копировальную бумагу) статьи. Профессор вдумчиво и крайне некорректно подходит к ответу студента. Делается обстоятельный разбор синтаксического порядка с дословным переводом текста. Заметна излишняя медлительность и повторяемость в переводной работе, досаждающая более успевающим студентам. Обработанного (литературного) перевода не делается, в результате в переводе царит своеобразный жаргон незвучащих по русски выражений. Оценок по ответам студентов не ставится. Как выясняется, опрашиваемый перевод не делается самостоятельно студентами, а записывается ими со слов профессора и неукоснительно заучивается наизусть. Так же, по словам студентов, проходит работа и по изучению классической литературы кит. языка. Студенты механически записывают иероглифику и даваемый профессором перевод и отвечают его, заучив наизусть. Никаких методов по внедрению навыков самостоятельной работы не применяется. Широко практикуемая на кафедре японского языка со 2-го курса самостоятельная работа студентов над переводами газетных вырезок не имеет совершенно места на кафедре кит. языка. Подобный метод «зазубривания» предлагаемого перевода чрезвычайно вреден, т. к. замораживает в самом начале мозговую работу учащегося в данной области.

По отзыву студенческого представителя 4-го курса, преподаватель разговорной практики т. ЧЖАН «никакого руководства со стороны кафедры не получает. Часы отведенные на живую речь, используются нерационально. «Вы сами руководите т. Чжаном, сами направляйте его» – вот ответ, полученный студентами от руководителя кафедры и деканата. В результате разговор на урках ведется совершенно бессистемно, вяло и неинтересно.

25-го ДЕКАБРЯ. 5-й КУРС. Литературная революция в Китае. Лекции проф. Рудакова. По содержанию этих лекций исчерпывающие данные помещены нами выше, см. мнение студ. представителя по обследованию работы кафедры на 5-м курсе. <стр. 7> Соглашаясь полностью с мнением представителя, заметим, что взамен таких лекций для студентов несравненно полезнее было бы прослушать сжатый, но систематизированный курс истории кит. литературы с древнейшего периода до современного с обязательной увязкой чередования литературных эпох с градациями социально-экономического уклада жизни Китая (а, следовательно, и степенями переустройства государственно-политического строя). Такой курс с обязательной демонстрацией (читкой) важнейших литературных произведений в русском переводе был бы весьма кстати для расширения кругозора будущих дипломантов. Затем крайне важно дать в сжатом очерке (не более 4-х лекц. часов) историю возникновения и современное положение пролетарской литературы Китая. На кафедре японского языка оба эти момента учтены и проводятся в жизнь на занятиях 5-го курса.

Заканчивая второй раздел нашего обследования, мы должны сказать еще несколько слов о курсе латинизации китайской иероглифической письменности.

Проф. РУДАКОВ отмечал при обследовании, что этот курс, несмотря на наличие программы, фактически теперь не проводится за неимением преподавателя-специалиста. Единственный путь практического ознакомления с латинизацией – латинизированная транскрипция иероглифики, помещаемой в учебнике разговорного языка.

Доц. ЧЕРВОНЕЦКИЙ высказывает свое мнение о невозможности современного кит. языка. Находит, что сам по себе процесс латинизирования кит. текста очень легко воспринимается учащимися, знакомым с английским языком, отсюда не видит острой необходимости в преподавании специального курса латинизации. Однако, утверждает, что преподавание латинизации будет введено со 2-го семестра на 1-м курсе.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ отмечают полное отсутствие преподавания латинизации на всех курсах.

3. Различие в методе преподавания на младших и старших курсах.

Проф. РУДАКОВ. На старших курсах применяется несколько иная методика: уделяется больше внимания самостоятельной активной проработке студентов.

Доц. ЧЕРВОНЕЦКИЙ. При единой методике на старших курсах предоставляется все более место самостоятельной работе студентов. 1-й КУРС – исключительно лишь воспринимает влияние преподавателя. Возможности самостоятельной работы весьма ограничены, но и здесь даются регулярные самостоятельные письменные работы – короткие сочинения на заданные и свободные темы. 2-й КУРС – большее внимание самостоятельной работе – навыки работы со словарем, самостоятельный разбор текста, дача неразделенного текста для установления студентами соответствующей пунктуации. Работа с разноязычными словарями (русские и английские). С 1-го курса студент приучается к способу выражать свои мысли на кит. языке в пределах имеющегося лексикона. Упражнения в обратном переводе с новыми лексическими <стр. 8> комбинациями для приучивания студентов к

догадливости при переводе незнакомых конструкций. Объяснение преподавателем незнакомых слов описательным путем. 3-й КУРС – все упомянутые приемы применяются еще шире. Заканчивается теория разговорного языка. Подводятся итоги теоретических познаний. Против слов политической и бытовой сферы 1–2 курсов на 3-м курсе – преобладание политик-экономической лексики (проходятся специальные тексты).

ПИСЬМО – большое внимание уделяется каллиграфии, ибо без знания иероглифики немислимо знание слов. 1–2 курсы – ведутся диктанты и упражнения в письменном переводе с русского на китайский язык. 3-й курс – диктантов нет, преобладает форма письменного изложения на заданные темы.

СТУДЕНЧЕСКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ по обследованию 1–2 курсов отмечает следующее: самостоятельная работа студентов на 2-м курсе сводится лишь к подыскиванию новых иероглифов к каждому уроку по теории разговорного языка. Отсутствие какой-либо самостоятельности в проработке газетного материала на 2-курсе вызывает всеобщее недовольство студентов.

4. Форма работы с отстающими студентами. Форма, метод и частота проводимых консультаций

Представители кафедры тт. РУДАКОВ и ЧЕРВОНЕЦКИЙ: На лекциях непосредственно обращается внимание на отстающих, их более часто подвергают спрашиванию. Дается повторительный опрос материала для слабых. Существуют буксиры. Заседания кафедры систематически посвящают отстающим особое внимание, как кардинальному вопросу. Помощь отстающим не «компанейского» характера, а во внимательном отношении к ним на занятиях с начала года.

Консультации на 1–2 курсах – повторение обычного семинара, на 3–4 курсах – помощь в отношении преддипломных работ: студент прочитывает сделанный перевод текста по частям, перевод подвергается исправлениям и выяснениям слабых мест. Здесь уделяется серьезное внимание самостоятельной работе. На консультации 3–4 курсов уделяется согласно инструкции 10% лекционного времени специально во второй день шестидневки. Консультация на 1–2 курсах состоит не только в повторении материала и ответах на вопросы, но и со стороны преподавателя даются наводящие вопросы, требующие ответа (теория разгов. языка). Кроме положенных инструкцией часов консультаций 1–2 курсов, преподаватель (т. Червонецкий) дает добровольно консультационные часы после лекционных («седьмые» часы), не оплачиваемые учебной частью. Производится со стороны преподавателя и через треугольник Университета всемерный нажим против нежелающих работать студентов-лодырей.

МНЕНИЕ СТУД. ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ: Работа с отстающими студентами кафедрой почти не ведется. Отстающим уделяется недостаточно внимания т.т. Червонецким и Чжаном. Отстающим помогают сами студенты. Введение консультационных часов, согласно инструкции Наркомпроса, должно, думается, поставить этот вопрос в нормальное положение. Пока было проведено всего <стр. 9> несколько консультаций. На 3–4 курсах консультации превращены в опрос и проводятся крайне редко без всякого плана.

В заключение, принимая во внимание резкое расхождение мнений сторон представителей кафедры и студ. представителей по данному вопросу, позволим себе сказать, что материал, полученный от представителей кафедры по меньшей мере страдает некоторыми фактическими неточностями: нами лично замечено, что никакой помощи отстающим студентам 1–2 курса на лекциях не делается: на уроках теории они сидят в крайне забитом состоянии, а на разговорной практике также лектор мало уделяет внимания, разговаривая с более успевающими.

5. Степень обеспеченности учебниками, дополнительная литература, иностранная (специальная) литература.

Проф. РУДАКОВ. Студенты обеспечены учебниками не вполне. В настоящее время доц. Червонецкий ведет работу по составлению учебника по военной терминологии. Т. т. Рудаков и Чжан заняты составлением 2-й части учебника кит. разг. языка. Работа идет весьма успешно, сдать к печати предполагается к середине января. По классическому литературному языку дается некоторая дополнительная литература. Специального ознакомления с иностранной литературой не ведется. Частично это мотивируется плохим знанием студентов в области английского языка и незнанием других языков, это, действительно, слабые места кафедры.

Доц. ЧЕРВОНЕЦКИЙ. 1-й курс полностью снабжен учебником разговорного языка. Текущий материал для письменных работ, диктантов и т. д. составляю сам; на 2-м курсе учебные тексты размножаются переписками, а также переписываются самим студентами в свои тетради.; на 3-м курсе желательно было бы иметь иностранные учебники (кит. текст с переводом на англ. язык), но кафедра ничего не получает. Используемая здесь в качестве пособия брошюра – перевод речи т. Молотова представляет работу южанина, поэтому нам, изучающим северный диалект кит. языка, приходится переделывать места диалектических [диалектных] расхождений. Желательно приобретение более подходящего пособия.

СТУД. ПРЕДСТАВИТЕЛИ. Учебные пособия имеются не на всех курсах. Нехватает словарей. Дополнительная литература на русском и иностранных, как правило, отсутствует и кафедрой не рекомендуется. Отсутствие пособия по газетному стилю восполняется размножением текстов, которое вполне удовлетворяет студенческие нужды. Необходимо отметить, что переписывание студентами 2-го курса учебного текста с листов (учебника нет) хотя и сопряжено с каллиграфической практикой, но отнимает много рабочего времени у студентов. Курс литературного стиля ведется по повести Мартынова «Ударники полей» (на кит. языке). Текст этот очень труден для студентов 2-го курса, большие дозы новой иероглифики. Студенты ставили перед деканом вопрос о необходимости замены этого пособия, но безрезультатно.

<стр. 10> 6. Успеваемость групп по дисциплинам. Причины отставания в группах и работе кафедры по направлению выявления причин отставания

Доц. Червонецкий: 1-й и 2-й курсы представляют из себя каждый в отдельности две резко отличающиеся по уровню успеваемости группы: 1. отличники и 2. чрезвычайно пассивный элемент и лентяи (Тур – 1 к., Хренов – 2 к.). Есть неподготовленные совершенно студенты,

напр. Шемякин (1 к.), Плюснин (2-й курс). 3-й курс, за исключением одного студента, совершенно безнадежные люди. Вообще большинство товарище работает слабо и не слушается руководящих указаний преподавателя. Это – тяжелая сторона нашей работы. На заседаниях кафедры обсуждаются индивидуальные оценки, разбирается характер неуспеваемости с указанием ее причин. Обычно со стороны студентов даются обещания подтянуться, но тем не менее к зачетной сессии мы приходим ЧРЕЗВЫЧАЙНО НЕУВЕРЕННЫМИ В СЕБЕ. Для выправления положения веду систематическое повторение всего пройденного. Обязываю к ведению записей по теории языка. Кафедра старается действовать на нежелающих работать студентов через треугольник Университета.

¹ См. документ № 1 (ред.).

Проф. Рудаков. На 4-м курсе наблюдается за последнее время некоторый подъем. Средние оценки по газетно-литературному стилю дают: отл. 1, хор. 6, плохо. 1, остальные посредственно. На 3-м курсе: отл. 1, хор. 2, посред. 5, плохо 1. На 5-м курсе: также наблюдается некоторый подъем по успеваемости сравнительно с началом года: Денищенко – отл, Найдюкова, Пинчук, Гурьев, Желтоножко – посред., Назаров – хор.

Причиной отставания прежде всего служит сильное запаздывание студентов к началу учебного года, затем следует отметить распушенность и халатность в отношении к занятиям, наблюдающуюся на 3-м курсе (факты отмечены статьей в «Трибуне Ун-та»)¹. В начале ак. года третекурсники искусно маскировали ответы по «шпаргалкам», затем, когда были уличены, то успеваемость ответов резко упала. Только теперь начинает изживаться несознательное отношение к учебе. С неуспевающими студентами кафедра работает непосредственно во время лекций, за ними ведется постоянное наблюдение и оказывается особое внимание. В этом отношении кафедрой сделано очень много. Вопрос успеваемости студентов разбирается весьма тщательно на всех заседаниях кафедры.

СТУД. ПРЕДСТАВИТЕЛИ. Причины отставаний, кроме личных (к студенту относящихся), заключаются в плохой постановке учебного процесса (не дифференциации материала по способностям студентов, доминирует метод пассивного восприятия и т. д.). У отдельных преподавателей установилось мнение в отношении некоторых студентов, как безнадежных, ввиду чего этим студентам ставится оценка «плохо» как-бы по привычке, так сказать «по традиции». Никакой работы кафедра с отстающими студентами не ведет.

Далее помещаем выдержки из доклада доц. ЧЕРВОНЕЦКОГО на заседании Деканата Востфака 20-го декабря о состоянии подготовки кафедры к зачетной сессии:

«На 2-м курсе программ количественно проходит нормально. Имеется угроза к благополучному выполнению со стороны отношения студентов к работе. На 1-м курсе успевают вполне студенты-корейцы. Второгодники также не отстают, за исключением безнадежного <стр. 11> т. Шемякина. Особенно безнадежен из русских студент Тур. На курсе имеются две студентки нервного типа (Кириллова и Степаненко), которые едва поспевают за средними студентами. Все консультации идут за счет активности самого преподавателя. Студенты пассивны. Качество проработки ими материала низкое. За последнее время намечается некоторый сдвиг – вся группа занима-

ется бригадой под руководством однокурсника т. Хан. Единственное светлое явление в работе курса – студент Вяткин, который поступил в Университет значительно позднее всех, но теперь идет уже впереди всех студентов курса.

2-й курс – небольшая группа занимается хорошо, остальные совершенно расхлябались. Многие безнадежно отстают. Беседы преподавателя со студентами не приводят ни к чему.

3-й курс. Очень слабы: Карловский и Хан.

4-й курс. Уровень успеваемости не идет выше посредственных отметок. У студентов нет интереса к своей работе. Характерно, что 3–4 курсники приходят на консультации, а младшекурсники – нет. Среди студентов **ВООБЩЕ КАКОЕ-ТО УНЫЛОЕ НАСТРОЕНИЕ**».

В заключение позволим себе сказать насколько слов по поводу столь разноречивых материалов по данному разделу обследования:

Мы склонны думать, что именно формальное отношение самой кафедры к студенческой массе породило то, что, по выражению тов. Червонецкого, «мы подходим к зачетной сессии чрезвычайно неуверенными в себе». Постоянно брюзгливый тон бесед этого преподавателя и является по всей вероятности главной причиной «упаднического настроения». Трактовка же преподавателя о «безнадежных студентах» устарелая фикция, нуждающаяся в должном отпоре. «Безнадежные студенты» в среде нормально развитых, здоровых юношей и девушек это – достойный осмеяния абсурд. Это или лодырь, за которого нужно крепко и умело взяться, или же оставленный на произвол судьбы отстающий студент. Оба варианта в нашей студ. жизни вполне возможны и оба они могут быть превращены в хотя бы посредственных студентов в короткий срок.

7. Изучение кафедрой системы и методов работы студентов и передача опыта работы передовиков отстающим товарищам.

Проф. РУДАКОВ: Отстающие студенты берутся на буксиры передовиками.

Доц. ЧЕРВОНЕЦКИЙ. Ежедневно ругаюсь со студентами по вопросам методов работы на 1–2 курсах. Студенты никак не могут усвоить, что они изучают ИНОЯЗЫК, что нужно прежде усвоить структуру языка – его грамматику. Неуспехи в нашей работе и зависят именно от того, что это основное положение студентами игнорируется. Фраза строится студентами по принципам русского синтаксиса. Получается разрыв между теорией и практикой. Студенты, зная теорию, не применяют ее на практике. Борьба с этим ненормальным положением пока не дает никаких результатов. Немногие студенты, следующие в учебе даваемому руководству, имеют прекрасные результаты. Это т.т. Пак на 2 к. (оба), Ян, Швайковский, Усачева, Ситнюк и Попова на 2 к. Как противоположный пример, упомяну Козыреву, кончившую Восточн. Институт в Харбине. Учится очень слабо, т. к. не признает грамматику. Буксиры даются наилучшими передовиками: Хренов прикреплен к Швайковскому (теория) и Паку (практика). Передовики обмениваются лично своим опытом с товарищами.

<стр. 12> СТУД. ПРЕДСТАВИТЕЛИ. Кафедра не изучала системы и метода работы студентов, за исключением нескольких попыток со стороны т. Червонецкого выяснить как работают студенты и растолковать, как лучше работать. Как правило, таковое изучение отсут-

ствует. Передача опыта работы передовиков отстающим проводилась исключительно по инициативе самих групп, кафедра ни в малейшей степени этим не интересовалась.

8. Посещения председателем кафедры занятий преподавателей. Доклады преподавателей на заседаниях кафедры. Организация открытых лекций и их обсуждения. Работа со студенческими представителями.

Проф. РУДАКОВ. Сам не имею возможности посещать занятия преподавателей, но в виде компенсации за это доц. Червонецкий на каждом очередном заседании кафедры делает обстоятельный доклад о состоянии работы кафедры в присутствии студенческих представителей, которые дополняют его своими сообщениями. Таким образом, мною достигается полная осведомленность. Все недочеты работы кафедры исправляет на ходу. Открытых лекций, в виду отсутствия подходящих интересных для студентов тем, не ведется и вестись в этом году не предполагается. Со студенческими представителями ведется работа в смысле ознакомления их с методами преподавания. Сами студ. представители обращаются с вопросами о методике преподавания. С ними ведутся беседы на тему кружковой работы (лингвистический кружок), о применении методов стахановского движения к умственной работе студентов (формы стахановского движения в улучшении и ускорении темпов изучения кит. языка). Намечены уже основные пункты и имеется в виду развитие работы по применению принципов стахановского движения в соответствующем направлении.

Доц. ЧЕРВОНЕЦКИЙ. Председатель кафедры не в состоянии посещать лекции по болезни. Я в свободное от лекций время посещаю занятия Чжана. Даю ему, как молодому еще преподавателю, методические указания по согласованию с теорией преподавания живой речи. Будучи экспансивной натурой, Чжан в то же время легко расхолаживается на уроках под влиянием недисциплинированного поведения студентов. Результатом этого бывают бессистемные занятия. Знаю, что здесь вина кроется в самих студентах. Чжан – ценный работник для университета. Хотя он и не имеет педагогического навыка, но он закончил Ленинскую школу во Владивостоке, знаком с классической литературой и интересуется современной литературой Китая.

СТУД. ПРЕДСТАВИТЕЛИ. Ни открытых, ни закрытых лекций кафедрой не организовывалось. Научные кружки не создавались. Освещение преподавательской работы ограничивалось только докладами на заседаниях кафедры; дальше рамок кафедры оно не шло.

В заключении коснемся странного взгляда т. Червонецкого на причины срыва занятий т. Чжана. Вместо того, чтобы искать корни их в отсутствии каких либо проqramмных руководств и инструкций по этому поводу, т. Червонецкий видит главную причину зла в тех же «неблагонравных» студентах, хотя мною констатировалось уже вполне дисциплинированное (даже слишком вялое) поведение студентов на занятиях Чжана.

<стр. 13> 9. Руководство дипломантами со стороны кафедры.

Проф. РУДАКОВ. Студентам даются точные указания о формах использования материала. Темы сообщены дипломантам своевременно с предоставлением свободного выбора их. Руководство идет по

двум линиям: 1) Указания общего характера и общего направления (общие методические основы). 2) Разъяснения по языку.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ. Руководство дипломантами пока выразилось лишь в подыскании статей для дипломных переводов и в разработке тем для самостоятельных дипломных работ. С дипломантами прошлого выпуска кафедра не вела никакой систематической работы и не могла бы отвечать за качество их работ. Нужно сказать, что и в этом году кафедра навряд ли знакома с состоянием работ дипломантов на сегодняшний день.

10. Руководство производственной практикой студентов и итоги этой практики.

Проф. РУДАКОВ. Студентам, отправляющимся на производственную практику, даются соответствующие задания в письменной форме, содержащие необходимое руководство (цель практики, порядок ее прохождения). По окончании практики студенты представляют отчеты о своей работе, дневники, словарики изучаемых диалектов и т. д. На днях кафедрой организуется конференция о производственной практике, где будут поставлены все вопросы на обсуждение широкой студенческой общественности. Будут учтены успехи и недочеты для постановки производственной практики на правильное русло.

Доц. ЧЕРВОНЕЦКИЙ. Нужно констатировать, что удельный вес производственной практики у нас вообще очень мал. Подходящими местами для нее я считаю те, в которых имеется возможность тесного соприкосновения с образованными китайцами. Этих мест немного: 1) Ленинская (китайская) школа, 2) Клуб 1-го мая, 3) Редакция кит. газеты и 4) Кит. сектор КОГИЗа. Последние два берут с неохотой лишь 1–2 студента (стесненный бюджет зарплаты). Есть еще кит. колхозы, но по составу своих коллективов они не могут быть местами полноценной практики: здесь студенты больше учат, чем учатся. Имеющееся в Москве «Из-во иностранных рабочих» для нас слишком далеко. Отсюда вывод – необходимо извлечь необходимую пользу из мест наиболее насыщенной практики – Кит. Лен. Школы и Клуба 1-го мая. Основное здесь условие – студент сам должен искать места и объекта практики, а не ждать, когда случай представит ее. В Кит. Лен. Школе имеется солидный контингент образованных китайцев, которых можно широко использовать объектом для практики, несмотря на разницу в диалекте. Из пребывания в кит. колхозах также можно извлечь немалую пользу, но там студенты будут иметь дело с малообразованными людьми.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ. Руководство производственной практикой ограничивается раздачей программ-заданий. Оперативное руководство кафедры отсутствует.

11. Степень обеспеченности кабинетами и их использования.

Проф. РУДАКОВ. В Университете имеется кабинет Востоковедения. Вся активная работа студентов проводится в нем. Кабинет используется <стр. 14> насколько возможно. Словарей и учебных пособий нехватает. Необходимо обратить внимание деканата на то, что из выписываемых уже в течение ряда лет по заявке кафедры книг, журналов и газет на кит. языке мы почти ничего не получаем.

Доц. ЧЕРВОНЕЦКИЙ. Кабинет имеется, но мы не получаем никакой свежей литературы на кит. языке, за исключением разрозненных №№ журнала «Восток», отдельных номеров «Педагогического журнала» и отдельных №№ шанхайской газеты «Шэнь-бао». Весь этот поступаемый материал немедленно идет в обработку для лекционного текста на 3, 4, 5 курсах. Научные работники кафедры совершенно лишены возможности читать свежую китайскую литературу.

12. Работа кафедры в направлении развития самостоятельности студентов.

Проф. РУДАКОВ. На старших курсах студенты занимаются самостоятельным переводом свежих газетных вырезок. Желательно привитие навыков к самостоятельной лингвистической работе через научный кружок. Разъяснительная работа по организации лингвистического кружка ведется, но кружок еще не организован.

Доц. ЧЕРВОНЕЦКИЙ. Разговоры о создании кружка по углубленному изучению кит. языка успехов до сих пор не имели. Следует отметить, как единственный случай, работу студентки Усачевой (2 к.) – сбор материалов для хрестоматии по теории языка. В текущем акад. году все попытки наладить организацию научного лингвистического кружка не имели успеха. Старшие курсы упорно отмахиваются от этой работы; 1–2 курсы собирались, но безуспешно. Недавно студентка Курицына (2 к.) начала под моим руководством составление небольшого словаря театральной терминологии, затем намерена перейти к лексике пьес, музыке и т. д.

13. Участие кафедры в разработке проблем по развитию производительных сил края (связь с соответств. организац.)

Проф. РУДАКОВ. Студенты, откомандированные для производственной практики в кит. колхозы ДВК имели возможность вести культурную работу, издавали там стенную газету для кит. рабочих, вели разнообразную общественную работу. На собраниях среди кит. трудящихся делались сообщения на современные политические темы. Более кафедра никакой работы в этой области не ведет.

14. Научно-исследовательская работа кафедры и участие в научных обществах.

Проф. РУДАКОВ. Научно-исследовательская работа кафедры изложена в учебно-производственном плане. По наметкам этого плана она и ведется. Доц. Червонецкий готовит к печати свою хрестоматию по военной терминологии. Я совместно с преподавателем Чжаном заканчиваю составление 2-й части «Учебника нового разговорного кит. языка» (1-я часть издана 2 года тому назад) Установка этого учебника разработана в представленной мною в Деканат Востфака записке «О новом учебнике китайского разговорного языка» (методические установки). Кроме этого учебника, я занят разработкой синтаксиса <стр. 15> кит. литературного языка, а также работой «О местоимениях кит. лит. языка». Имеются в виду и другие работы. Кафедра не участвует в соответствующих научных обществах, ибо таковых в городе нет.

Доц. ЧЕРВОНЕЦКИЙ. Я обеспечиваю курсы Университета, на которых веду преподавание, учебными пособиями. За период 1927–

33 г. г. кафедра пользовалась исключительно моими учебниками по теории разговорного языка на 1, 2 и 3 курсах. Военная терминология также преподается по моему учебнику. Содержание учебников, конечно, изменяется мною с течением времени. Жалая оказать посильную помощь за пределы Университета, пересоставляю теперь учебник военной терминологии для нужд Армии.

15. Руководство научными кружками.

Проф. РУДАКОВ. Кафедрой принимаются все меры к созданию научного лингвистического кружка, но пока конкретных результатов нет. Окончившей Востфак т. Медовой уже велась научно-исследовательская работа в преддипломном виде, несмотря на отсутствие научного кружка.

16. Подготовка к зачетной сессии.

Доц. ЧЕРВОНЕЦКИЙ. Кафедра на каждом очередном совещании мобилизует внимание студентов на необходимости систематической подготовки к зачетной сессии. Таким образом, подготовка к зачетной сессии идет планомерным путём с начала семестра, а не в порядке «кампании».

17. Методы соцсоревнования в работе кафедры.

Проф. РУДАКОВ. Имеется письменная наметка плана соцсоревнования[,] вызываемого кафедрой кит. языка. В прошлом году велось соцсоревнование между кафедрами китайского и японского языков. В этом году договор на соцсоревнование между обоими кафедрами не оформлен, но индивидуально члены кафедры соревнуются между собою в повседневной работе, не заключая формальных обязательств.

Доц. ЧЕРВОНЕЦКИЙ. Я соревнуюсь с доцентом кафедры японского языка, т. Юркевичем.

18. Работа кафедры по повышению квалификации своих членов.

Проф. РУДАКОВ. Принимая во внимание преклонный возраст и интенсивность научно-исследовательской работы большинства членов кафедры, никакой работы в этом направлении кафедрой не ведется.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СТУДЕНЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

тов. ПОТАПОВ (4-й курс). По данному обследованию мною опрошены студенты: на 3-м курсе т. т. Ким, Ст., Козлов, Тарасов и Беловицкий. Мнения их совпадают с моей оценкой. Они оценивают работу кафедры как ПЛОХУЮ. Со своей стороны считаю, что кафедра кит. языка и в текущем и в прошлом году работала ПЛОХО.

<стр. 16> т. ДЕНИЩЕНКО (5-й к.) По данному обследованию мною опрошены студенты: на 1-м курсе – т. Вяткин. На 2-м курсе т. т. Соловьев, Пак, Петр, Волков и еще группа в несколько человек.

В отношении работы кафедры за текущий и прошлые годы нужно сказать, что студенты никогда не чувствовали существования кафедры, как организации, направляющей и определяющей их учебную

жизнь. Кафедра рассматривалась, как учреждение чисто формальное, существующее для утверждения оценок, отчетов по производственной практике и т. д.

Оторванность руководителя кафедры от студенческой жизни привела к тому, что ряд серьезных вопросов проходил мимо кафедры. Например, составление учебного плана для 5-го курса, раскладка часов по дисциплинам этого плана и распределение поручений.

Считаю, что кафедра, помимо своих чисто формальных функций, еще является центром, организующим весь учебный процесс и учебную жизнь студентов. У нас же она остается формально существующей организацией, где руководитель еще не поставлен на свое должное место в силу ряда причин, не всегда от него зависящих, а в первую очередь, в силу невозможности самому непосредственно сталкиваться с жизнью факультета в целом и китайского его отделения – в частности.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КАФЕДРЫ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА – НАУЧНЫЙ РАБОТНИК ФЕКЛИН. В настоящих «материалах по итогам обследования кафедры кит. языка Востфака ДВГУ» я поместил в их нетронутom виде следующие источники:

1. Личный опрос председателя кафедры проф. Рудакова и доц. Червонецкого по обследованию работы кафедры.

2. Личные записки о посещении мною лекций на 1, 2, 3, 4 и 5 курсах кит. отделения Востфака, а также запись доклада т. Червонецкого на заседании деканата Востфака 20/ХІІ.

3. Записи студенческих представителей т. Денищенко (5 к.) и т. Потапова (4 к.) по обследованию всех курсов кит. отделения Востфака.

4. Перечень взятых мною у секретаря деканата Востфака учебных программ.

Взвесив все имеющиеся передо мною материалы и учитывая все мною читанное, слышанное и виданное, я, принимая во внимание, как положительную сторону работы кафедры, большую эрудицию ее членов и проделываемую ими серьезную научно-исследовательскую работу, все-же не могу пройти мимо некоторых бьющих в глаза явлений, свидетельствующих о засилье в учебно-производственном процессе работы кафедры устаревших, формалистических методов работы. Эти методы и составляют на сегодня основу отрицательных сторон работы кафедры.

Считаю работу кафедры на сегодня не вполне отвечающей серьезным задачам, выдвинутым перед Востфаком и поэтому СЛАБОЙ.

Научный работник
ДВГУ
31/ХІІ-1935 г.
Владивосток

(Феклин)

РГИА ДВ Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 291. Л. 2–9 об.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ВАШУК Ангелина Сергеевна,

докт. ист. наук, зав. отделом социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).

Электронная почта: va_lina@mail.ru

ВОЛКОВА Елена Сергеевна,

канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).

Электронная почта: elenavolkova1@yandex.ru

Размышления по итогам всероссийской научной конференции с международным участием «Реформы конца XX – начала XXI вв. на постсоветском пространстве: региональный аспект»

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/114-121>

Усилившаяся в последние годы научная дискуссия по проблемам рыночных реформ на территории бывшего СССР, включая споры о степени поддержки преобразований в обществе, выводит тематику конференции в число актуальных исследовательских направлений. Изучение исторического опыта реформ в такой стране, как Россия, невозможно без учёта территориального фактора, исследования комплекса устойчивых детерминант реформирования в разных сферах жизнедеятельности, ретроспективного анализа воздействия реформ на экономическую миссию разных регионов в хозяйственном комплексе страны и их социально-политическую роль в сфере безопасности.

Конференция состоялась в декабре 2020 г. во Владивостоке на базе Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН при поддержке Российского исторического общества и фонда «История Отечества». В работе конференции в режиме онлайн (вынужденный формат в условиях пандемии) приняли участие 68 человек, было заслушано 38 докладов. География очных и заочных участников конференции включает регионы европейской части России, Сибири и Дальнего Востока (от Санкт-Петербурга до Петропавловска-Камчатского), а также Казахстан, Киргизию, Японию. В рамках конференции, помимо секций, были организованы два круглых стола: первый по проблемам реформирования образования и молодёжной политики, второй – по вопросам религии и государственно-конфессиональных отношений.

Участники конференции отметили, что в эпоху радикальных реформ остро стоит проблема сохранения исторической памяти на постсоветском пространстве. Большинство докладов было направлено на повышение роли исторической науки в системе гуманитарных подходов, методов и концепций, применяемых в изучении рыночных реформ и их роли в истории России. Во многих докладах прозвучала мысль, что временная дистанция, отделяющая нас от реформ 1990-х гг., позволяет уже выделить главные аспекты, связанные с фундаментальной

Для цитирования:
Вашук А. С., Волкова Е. С. Размышления по итогам всероссийской научной конференции с международным участием «Реформы конца XX – начала XXI вв. на постсоветском пространстве: региональный аспект» // Известия Восточного института. 2021. № 1. С. 114–121. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/114-121>

задачей науки – осмыслить исторический путь стран, сформировавшихся на постсоветском пространстве и испытывавших на рубеже XX – XXI вв. воздействие процессов глобализации и либеральной идеологии.

Важно осмыслить итоги конференции, прошедшей на Дальнем Востоке, с учётом дискуссий, развернувшихся на других площадках, в частности, в Фонде А. М. Горчакова в Москве: здесь в конце декабря состоялась конференция «2020: предварительные итоги», где тема глобализации стала центральной. Доклад видного отечественного историка, директора Института системно-стратегического анализа А. И. Фурсова «Год великого перелома 2.0. Что скрывается за глобальной перезагрузкой» [3] позволяет расширить научно-информационный горизонт, что очень важно для учёных, анализирующих последствия радикальных реформ в контекстах глобальных вызовов. Главная мысль историка состоит в том, что на современном этапе глобализация сопровождается процессом перехода от капитализма к посткапитализму, и этот переход определяет многие черты реформаторства в постсоветском пространстве. Выявленные тенденции и последствия реализации радикальных реформ в регионах России и других постсоветских государствах, озвученные участниками конференции во Владивостоке, можно прокомментировать с учётом идей А. И. Фурсова.

Общие тенденции докладов

В докладах на пленарном заседании были обозначены теоретические и историографические аспекты, которые формируют сегодня тематическое поле проблемы. Участники конференции отметили, что важным направлением гуманитарных исследований является анализ соотношения социальных изменений и развития, объективно необходимого и субъективно случайного в социальных процессах, роли государства, гражданского общества, этносов, различных социальных групп и сообществ, наконец, роли личности в этих процессах.

Другой общей чертой докладов, которая проявилась при постановке проблем, была ориентация на применение системного подхода, позволяющего рассматривать процессы трансформации сообществ не изолированно, а в единстве всех элементов, выявляя связи между частным и общим, в том числе обнаруживая эффективность или неэффективность применяемых государственным управлением моделей организации и регулирования жизни общества. Так, сравнительный анализ моделей национальной политики в республиках Алтай, Бурятия, Саха (Якутия) с использованием междисциплинарных методов, представленный на конференции исследователем М. А. Абрамовой из Новосибирска, может быть использован и на материале других территорий.

А. С. Ващук (Владивосток) обозначила новое направление в отечественной историографии, сформировавшееся в процессе изучения политических реформ конца XX – начала XXI вв. в регионах России, выделив в составе этого направления уральскую историческую школу, а также научные группы – сибирскую и дальневосточную [2, с. 13–28]. Участники дискуссии отметили эвристические возможности историографического анализа, позволяющего выявить перспективные и малоизученные вопросы. Одной из таких тем, которая возникла после вопроса историка из Санкт-Петербурга Г. Б. Дудченко, оказалась тема формирования региональных «землячеств» в Москве и их роли в реформаторском процессе.

Обсуждение доклада А. Е. Савченко выявило разные точки зрения. Первая из них принадлежит сторонникам применения методов компаративистики при изучении истории регионов: исследователь рассматривает новейшую историю Дальнего Востока в контексте кризиса региональной политики в крупных государствах догоняющего развития, находя неочевидные аналогии в трансформационных процессах, происходивших на территории СССР/России и Бразилии [2, с. 91–102]. С другой стороны, прозвучало мнение о «подводных камнях», которые несёт с собой сопоставление таких разных государств. В плюралистическом теоретическом поле ряд специалистов-гуманитариев убеждены, что формационный подход не утратил своего значения, если рассматривать формы собственности в контексте социальной справедливости; примером такого подхода стал доклад-размышление над опытом реформ в современной России в глобальном контексте, сделанный Г. П. Куликовым [2, с. 29–38].

Проблемы, обсуждаемые на секциях

Тематика и содержание докладов первой секции конференции позволяют говорить о том, что наибольший интерес исследователей вызвали изменения регионального пространства, связанные с распадом СССР. Громоздкая территориальная социально-экономическая структура со слабым уровнем взаимодействия под воздействием кризиса оказалась перед угрозой ещё большего разобщения структурных элементов. В связи с этим наиболее остро встал вопрос о формировании новой, адаптированной к постперестроечным реалиям, модели развития регионов. Среди наиболее актуальных не только в научном, но и в геополитическом аспекте можно выделить доклад Е. Н. Чернолуцкой, посвящённый реализации первой федеральной целевой программы по развитию Курильских островов (1994–2005 гг.). Исследователь приходит к выводу, что программа не достигла ни одной из своих концептуальных целей, её реализация носила точечный характер, прикрывая отдельные «дыры» в местном хозяйстве [2, с. 103–119].

На заседании второй секции было проанализировано влияние реформ на различные социальные и этнические группы, в том числе на коренные народы Дальнего Востока (этой теме были посвящены исследования Я. М. Санниковой, В. В. Подмаскина, Е. И. Корниловой). Трансформация образа жизни населения периферийных населённых пунктов Камчатки стала темой доклада А. И. Кирилловой [2, с. 200–208]. Антропологию владивостокских оптово-розничных рынков 1990-х гг. представила в своём докладе Ю. Н. Ковалевская, заключив, что для многих участников опыт «открытого рынка» был вынужденным, временным и достаточно травматичным: после преодоления трансформационного кризиса они вернулись на прежние социальные позиции [2, с. 250–260]. Практики адаптации художников в Приморье в условиях рыночных реформ исследовала Е. С. Волкова, отметив, что близость азиатских стран, где дальневосточное изобразительное искусство оказалось востребованным, позволила этой социальной группе преодолеть кризисную ситуацию с меньшими потерями [2, с. 218–234].

О реформах в системе регулирования внешней миграции в конце XX – начале XXI вв. рассказал А. В. Друзяка (Благовещенск) [2, с. 235–243]. Особый интерес слушателей вызвала ситуация с трудовы-

ми мигрантами из Северной Кореи, которые в постсоветский период заняли устойчивую нишу в экономике дальневосточных территорий. Влияние реформ на жизнедеятельность сахалинских японцев и корейцев проанализировала Ю. И. Дин (Южно-Сахалинск). Многие из тех, кто в «лихие девяностые» уехали на историческую родину, вернулись в Россию, отмечает исследователь, поскольку «принимающее» общество оказалось для них чуждым [2, с. 261-267].

Оживлённую дискуссию вызвал доклад японского учёного М. Митигами, которая сделала акцент на условиях проживания трудовых мигрантов в России в условиях пандемии COVID-19 [2, с. 268–274]. Этнические рынки в городском пространстве от Санкт-Петербурга до Владивостока исследовал соотечественник г-жи Митигами профессор Х. Норио, который сконцентрировал внимание на восприятии мигрантов местными жителями в различных регионах России [2, с. 244–249].

Хронологические рамки докладов свидетельствуют о сложности трансформационных процессов на постсоветском пространстве. Участники конференции наметили основные тренды 1990-х годов: это было время, когда во главе государства встали политики-реформаторы, имела место жёсткая внутриэлитная борьба за ресурсы, разрушалась существовавшая десятки лет идеология, а российский социум столкнулся с новыми реалиями и вошёл в ситуацию социального шока. Исследователи, сконцентрировавшие своё внимание на проблемах Дальнего Востока России, пришли к выводу, что рыночные реформы поставили жителей региона в сложные условия выживания, и отношение центральной власти к дальневосточным территориям явилось одним из главных факторов кризиса. Учёные констатировали, что проекты развития Дальнего Востока «сверху» не способствовали повышению качества жизни граждан, в связи с чем на повестке дня стоит вопрос о выработке институтов внутреннего развития. Оценка социальных реалий и уровня социального расслоения на постсоветском пространстве особенно актуальна в контексте уже упомянутого доклада А. И. Фурсова.

На конференции была поднята проблема источников для изучения реформ. Участники мероприятия отметили, что современная культура комплектования архивных фондов и содержание поступающих документов (в частности, речь идёт об излишней заформализованности) ограничивают возможности использования историками таких источников. Кроме того, при нынешней системе финансирования гуманитарных исследований учёным в регионах малодоступны фонды центральных архивов. В то же время современные информационные технологии открывают доступ в сети интернет к широкому корпусу официальных документов, за которыми раньше приходилось обращаться в архивы.

В последние годы стали широко использоваться и так называемые полевые методы: сбор источников устной истории, анкетирование, интервью, – но и здесь остро стоит вопрос финансирования. Подобные исследования, как правило, поддерживаются отдельными грантами, в то же время бюджетные темы в академических институтах не обеспечиваются достаточными средствами для широкого внедрения полевых методов. Учёные обращают на это внимание

управленческих структур Российской академии наук и Министерства науки и высшего образования РФ.

Доклады показали, что исследование вопросов регионализма – один из важнейших способов объяснения функционирования российского федеративного государства. На современном этапе гуманитарные науки нацелены на получение синтетического знания об объективных условиях реализации реформ в российских регионах. Конференция стала важнейшей научной площадкой для обмена информационными ресурсами и результатами исследований между историками, социологами, политологами, этнографами, специалистами других сфер знаний. Дискуссии были направлены как на поиск важнейших методологических подходов к комплексному изучению реформ на постсоветском пространстве, так и на выявление малоизученных аспектов проблемы. В частности, к ним можно отнести вопросы об отношении творческой интеллигенции в регионах к реформам, об отношении молодёжи к службе в вооружённых силах (в том числе и к контрактной), о движении научной интеллигенции во власть и ряд других. Сегодня у учёных нет однозначного ответа на вопрос, были ли радикальные рыночные реформы навязаны сверху, какую роль играли широкие массы в этом процессе, как определить социальную ответственность различных слоёв региональных сообществ – всё это перспективные направления научного поиска.

Дискуссии на площадках круглых столов

Участники круглого стола «**Реформы и молодёжь в российских регионах в конце XX – начале XXI вв.**» обозначили проблемные аспекты работы с подрастающим поколением, отметив, что с начала 1990-х и вплоть до 2014 г. деятельность государства в этой сфере велась непоследовательно, следствием чего стала бессистемность молодёжной политики на всех уровнях: от федерального и регионального (на уровне правительств и администраций краёв и областей) до локального (на уровне школ, вузов и других институциональных формирований, ответственных за непосредственную работу с молодёжью). Такое положение дел во многом сохраняется до сих пор, что негативно влияет на отношение молодёжи к политике государства в целом и является одной из причин развития эмиграционных настроений. Специалисты констатируют, что бюрократизация молодёжной политики и акцентирование внимания молодёжных институтов на публичной презентации своей деятельности зачастую идёт в ущерб её эффективности [1, с. 24]. Активное участие молодёжи в протестных акциях января 2021 г. подтверждает актуальность поставленных вопросов.

Проблемы реформирования образования и молодёжной политики в регионах России были рассмотрены в двух форматах: речь идёт о развитии соответствующего направления в отечественной науке с использованием междисциплинарного подхода и естественном стремлении реализовать результаты научных разработок на практике. С этой точки зрения интерес участников круглого стола вызвали сообщение И. Я. Мурзиной (Екатеринбург) об опыте реализации патриотического культурно-просветительского проекта на территории уральского региона и коллективный доклад сотрудников ВГУЭС, озвученный Ю. В. Разумовой «Проектное обучение как инструмент формирования лояльности молодёжи к трудоустройству в

Приморье» [2, с. 408–416]. Докладчики отразили возможности и современные реалии проектирования в системе деятельности вузов и молодёжных организаций с учётом региональных социально-экономических условий и актуальных практик формирования ценностей у российской молодёжи. Содержательную дискуссию инициировал доклад Г. С. Широкаловой (Нижний Новгород) «"Сеятели свободы" в современной России», выявивший противоречивость в понимании свободы молодёжью. Специалисты констатировали, что исследование проблемы самоидентификации студентов отличается сложностью методологических подходов, поскольку современная молодёжь погружена в глобальное информационное пространство и историческая память далеко не всегда выступает активным элементом в процессе самоидентификации.

Участники круглого стола **«Религиозная жизнь российских регионов в конце XX – начале XXI вв.»** обсудили комплекс научных и практических вопросов, обратив внимание на усиливающуюся политизированность религиозной деятельности на постсоветском пространстве. Квалифицированный анализ российских реформ 1990-х гг. в сфере государственно-конфессиональных отношений выполнили М. И. Данилова и Н. Ю. Ембулаева (Краснодар). В докладе особо подчёркивается влияние глобализационных процессов на трансформацию вероисповедной политики России в постперестроечное десятилетие, большое внимание уделяется истории разработки федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г., который до сих пор вызывает жаркие споры, и его применению на практике [2, с. 314–322]. Участники дискуссии отметили: несмотря на то, что на территории России действует единое вероисповедное законодательство, его реализация в регионах имеет существенные отличия, которые напрямую связаны с конфессиональной ситуацией на местах.

Сакрализация власти в бывших союзных республиках и попытки отдельных религиозных деятелей опосредованно и непосредственно влиять на политический процесс стали объектом исследования О. К. Шиманской (Москва). В докладе прослеживается формирование особой модели государственно-конфессиональных отношений на территории республики Молдова в условиях постсоветского транзита и демократических реформ [2, с. 330–340].

Учёные разделяют беспокойство лидеров мировых религий по поводу нарастающей религиозной миграции, когда в интересах отдельных политических сил искусственно нагнетается межконфессиональное напряжение, и признают особое значение религиозных организаций в качестве противовеса угрозе раскола мира по религиозному и/или этническому признаку. По мнению участников круглого стола, консолидация конфессионального сообщества очень важна для укрепления фундаментальных ценностей мировых религий и для обеспечения межкультурного диалога в XXI веке.

К началу конференции был издан сборник «Реформы конца XX – начала XXI вв. на постсоветском пространстве: региональный аспект», где получили отражение основные проблемы, ставшие предметом обсуждения в ходе мероприятия. Приглашаем всех заинтересованных специалистов продолжить обсуждение вопросов, поставленных участниками конференции. Сегодня с высокой долей вероятности

можно прогнозировать, что проблематика реформ конца XX – начала XXI веков во многом будет определять развитие российской исторической науки как минимум на ближайшее десятилетие.

Литература

1. Ващук А. С., Чернолуцкая Е. Н. Молодежная политика и патриотическое воспитание в приморском крае в контексте задач комплектования российской армии // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 5 (107). С. 9–25.
2. Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. статей / отв. ред. А. С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. 448 с.
3. Фурсов А. И. Год великого перелома 2.0. Что скрывается за глобальной перезагрузкой // День-ТВ (сайт). URL: <https://dentv.ru/programs/future-history/god-velikogo-pereloma-20-chto-skryvaetsya-zaglobalnoy-perezagruzkoy-andrey-fursov.html> (дата обращения: 05.02.2021).

Angelina S. VASHCHUK,

Ph. D. (in History), Professor Research Fellow, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS (Vladivostok, Russia).

E-mail: va_lina@mail.ru

Elena S. VOLKOVA,

Ph. D. (in History), Research Fellow, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS (Vladivostok, Russia).

E-mail: elenavolkova1@yandex.ru

Reflections on the results of the all-Russian scientific conference with international participation “Reforms of the late 20th – early 21st centuries in the post-Soviet space: regional aspect”

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/114-121>

The conference was held in December 2020 in Vladivostok at the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences with the support of the Russian Historical Society and the History of the Fatherland Foundation. The geography of full-time and part-time participants of the conference includes the regions of the European part of Russia, Siberia and the Far East (from St. Petersburg to Petropavlovsk-Kamchatsky), as well as Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Japan. The participants of the conference noted that in the era of radical reforms, the problem of preserving historical memory in the post-Soviet space is acute. Most of the reports were aimed at increasing the role of historical science in the system of humanitarian approaches, methods and concepts used in the study of market reforms and their role in the history of Russia. Many reports suggested that the time distance separating us from the reforms of the 1990s already allows us to highlight the main aspects related to the fundamental task of science – to comprehend the historical path of the countries that were formed in the post-Soviet space and

experienced the impact of globalization and liberal ideology at the turn of the XX – XXI centuries.

For citation: Vashchuk A. S., Volkova E. S. Reflections on the results of the all-Russian scientific conference with international participation "Reforms of the late 20th – early 21st centuries in the post-Soviet space: regional aspect" // Oriental Institute Journal. 2021. № 1. P. 114–121. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/114-121>

References

1. Vashhuk A. S., CHernolutskaya E. N. Molodezhnaya politika i patrioticheskoe vospitanie v primorskom krae v kontekste zadach komplektovaniya rossijskoj armii // EHtnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura. 2017. № 5 (107). S. 9–25.
2. Reformy kontsa XX – nachala XXI v. na postsovetском prostranstve: regional'nyj aspekt: sb. nauch. statej / otv. red. A. S. Vashhuk. Vladivostok: IIAEH DVO RAN, 2020. 448 s.
3. Fursov A. I. God velikogo pereloma 2.0. CHto skryvaetsya za global'noj perezagruzkoy // Den'-TV (sajt). URL: <https://dentv.ru/programs/future-history/god-velikogo-pereloma-20-chto-skryvaetsya-za-globalnoy-perezagruzkoy-andrey-fursov.html> (data obrashheniya: 05.02.2021).

АВТОРАМ И ЧИТАТЕЛЯМ

Научный журнал «Известия Восточного института» посвящён проблемам международных отношений, регионоведения и страноведения АТР. Приоритетными темами для журнала являются особенности развития азиатских и тихоокеанских стран (прежде всего, Восточной, Южной и Центральной Азии), история и настоящее Восточной Сибири и Дальнего Востока России. Журнал является преемником одноимённого периодического издания, первый выпуск которого вышел в свет в 1900 г. Издание возобновлено в 1994 г.

К публикации в журнале принимаются статьи и научные материалы преподавателей и сотрудников ДВФУ, других образовательных и научно-исследовательских организаций России и зарубежных стран, а также всех заинтересованных и компетентных исследователей. Периодичность издания – четыре раза в год.

Выпуски журнала включают следующие основные рубрики:

«История»,	«Политика»,	«Архив»,
«Литературоведение»,	«Симпозиум»,	«Рецензии»,
«Лингвистика»,	«Научные сообщения»,	«Научная жизнь».

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале «Известия Восточного института», соответствует следующим группам научных специальностей:

03.00.00 История. Исторические науки;	10.02.00 Языкознание;
10.01.00 Литературоведение;	11.00.00 Политика. Политические науки.

Журнал «Известия Восточного института» входит в список рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 07.00.02 Отечественная история (исторические науки),
- 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки),
- 07.00.15 История международных отношений и внешней политики (исторические науки),
- 10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки),
- 10.02.22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки),
- 23.00.02 Политические институты, процессы и технологии (политические науки),
- 23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки).

Редакция обращает внимание авторов на то, что в вышеприведенный перечень не входят статьи по научной специальности 10.01.00 Литературоведение.

Публикации «Известий Восточного института» фиксируются в международной базе данных CrossRef, поддерживаемой Агентством регистрации Цифровых Идентификаторов Объекта (Digital Object Identifier – DOI). Префикс DOI: 10.24866/2542-1611.

Статьи и материалы, опубликованные в журнале, индексируются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, а также доступны через сайт научной электронной библиотеки «КиберЛенинка».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации — серия ПИ № ФС77—36364 от 29 мая 2009 г.

Информация для авторов

1. К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не выходившие в русскоязычных изданиях.

2. Предоставление автором/авторами рукописи в редакцию журнала рассматривается как заключение договора в устной форме о передаче издателю права на использование своего произведения (п. 2; ст. 1286; ГК РФ) в печатном и электронном виде. Принятие рукописи к публикации предполагает бесплатную бессрочную передачу автором/авторами текста неисключительных авторских прав редакции.

3. Предоставляя рукописи в редакцию журнала, авторы тем самым подтверждают согласие с принципами публикационной этики издания и процедурами обработки рукописей (см. детали на сайте издания).

4. В работе с рукописями редакция исходит из существования нескольких жанров научных текстов: 1) научная статья, 2) отчет о работе круглого стола/научного семинара, 3) научное сообщение, 4) научная рецензия, 5) публикация исторического источника и научный комментарий к нему, 6) сообщение о научном событии. Разделение на жанры преследует цель совершенствования научной экспертизы рукописей и дифференцированного подхода к текстам разного назначения. Обобщенно редакция выделяет жанр статьи и жанр материалов (с поджанрами; см. ниже).

5. Стремясь к совершенствованию исследовательской практики научного сообщества, редакция понимает под научной статьёй отчет о логически завершённом исследовании познавательной проблемы, осуществлённом посредством применения научного метода. Соответственно, характерной чертой научной статьи является её методолого-методическая насыщенность, признаками которой являются а) чёткое описание объекта, предмета, цели и задач исследования, б) обсуждение и оценка фактологической и методолого-методической основы исследования, в) обобщение и выводы. Именно эти четыре признака лежат в основе различения «статей» и «материалов» в практике редакционной работы.

6. Материалы включают следующие поджанры:

- а. материалы круглого стола/семинара – стенограмма или авторские материалы научного обсуждения ак-

туальной познавательной проблемы;

b. научное сообщение – обзор эмпирического материала в проблемном или описательном ключе, имеющих познавательное значение и научную актуальность;

c. научная рецензия – критический отзыв на публикацию, раскрывающий её содержание и дающий оценку её познавательного значения;

d. научный комментарий к историческому источнику – текст, сопровождающий публикацию документа, задающий его исторический контекст, разъясняющий необходимые детали (упоминаемые в нём события и персоналии и т. п.), дающий оценку документа как источника по указываемым в комментарии познавательным проблемам;

e. сообщение о научном событии – краткий обзор одного или нескольких научных событий (конференций, семинаров и т. п.), включающий содержательное мнение автора о значении этих событий для развития области знаний.

7. Рукописи статей и научных сообщений подлежат научному рецензированию. Рукописи иных материалов проходят редакционную экспертизу на предмет соответствия тематическому профилю журнала и научно-познавательной актуальности.

8. Рукописи проходят редакционный отбор. Рукописи, не соответствующие содержательно-тематическому профилю журнала, редакционным требованиям к оформлению и комплектности, не рассматриваются.

9. Рукописи статей публикуются в порядке их поступления в редакцию. Редакция журнала оставляет за собой право сокращать и редактировать рукописи статей, а также переносить их публикацию в один из ближайших номеров. Право на первоочередную публикацию имеют статьи членов редколлегии журнала, а затем статьи аспирантов и докторантов.

10. Один автор (индивидуально и в соавторстве) не может опубликовать в журнале в течение календарного года более двух статей.

11. Доля заимствований из предыдущих публикаций автора в рукописи, направляемой им в журнал, не может превышать 25%.

12. Материалы в очередные номера журнала принимаются до 1 февраля, 1 мая, 1 августа, 1 ноября.

13. Плата за публикацию статей не взимается, гонорар не выплачивается. Авторские экземпляры иногородним авторам не высылаются.

Требования к направляемым в редакцию материалам

- 1 Формат файла должен быть совместим с Microsoft Office Word.
- 2 Файл не должен содержать нестандартных авторских стилей и специального форматирования.
- 3 Формат страницы А4. Поля страницы: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 1,5 см, левое – 2,5 см.
- 4 В заголовках не применять ЗАГЛАВНЫЕ символы без необходимости, простановка букв «ё» в тексте рукописи обязательна. Римские цифры должны быть набраны в английской раскладке.
- 5 Шрифт Times New Roman, размер знака 14 пт, межстрочный интервал 1,5.
- 6 Объём присылаемых рукописей: статей – от 0,5 до 1,0 авторского листа (20–40 тыс. знаков с пробелами), комментариев к историческому источнику (в рубрику «Архив») – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков), текст исторического источника не должен превышать 1,0 авт. листа (40 тыс. знаков), материалов в рубрики «Научные сообщения» и «Научная жизнь» – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков), материалов в рубрику «Рецензии» – не более 0,5 авт. листа (20 тыс. знаков). Детали о жанрах текста см. «Информацию для авторов», п. 5 и 6.
- 7 Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов) на русском языке и их транслитерация латиницей, название статьи (на русском и английском языках), аннотация (на русском и английском языках), ключевые слова (на русском и на английском языках), текст статьи, список использованной литературы, список сокращений (если есть), подписи к рисункам и диаграммам (если есть), информация об авторе (авторах) на русском и английском языках.
- 8 Аннотация должна включать информацию о предмете, методологии и результатах исследования. Объём аннотации на русском языке – 500 (±100) знаков, на английском языке – 1000 (±100) знаков.
- 9 Количество ключевых слов и фраз 5–7, количество слов внутри ключевой фразы не более 3 – так, чтобы общее количество слов не превышало 15. Ключевые слова должны быть упорядочены – от общих, соответствующих проблеме, к частным, отражающим детали исследования, методику.
- 10 Текст рукописи может включать не более двух уровней заголовков.
- 11 Библиографические ссылки в тексте статьи являются внутритекстовыми и оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведённой цитаты или упомянутого факта. В случае одновременной ссылки на несколько работ, сами ссылки помещаются внутрь одной пары скобок и отделяются друг от друга точкой с запятой.
- 12 Ссылка на неопубликованный архивный или иной документ внутритекстовая, она не помещается в список литературы. Такая ссылка оформляется круглыми скобками.
- 13 В случае, если рукопись включает таблицы, иллюстрации, диаграммы, в тексте должны быть ссылки на эти объекты.

- 14 Таблицы, иллюстрации, диаграммы должны снабжаться поясняющей подписью, в которой даются название/заголовок и указывается авторство или источник происхождения: ссылка на элемент списка литературы, неопубликованный источник, иная ссылка.
- 15 В силу того, что изображения в текстовый файл не вставляются, поясняющие подписи к иллюстрациям помещаются после списка литературы особым списком (даже если иллюстрация одна).
- 16 Рисунки, карты и т. п. принимаются в наиболее распространённых графических форматах (eps, ai, jpeg, bmp, tif) отдельными файлами с разрешением 300–450 dpi; вставлять графический файл в текстовый не следует!
- 17 Имя графического файла с иллюстрацией – порядковый номер иллюстрации в рукописи.
- 18 Диаграммы должны быть представлены в исходном виде, а не как рисунок, т. е. сопровождаться таблицей данных. Для этого диаграммы необходимо выполнять и предоставлять в формате электронных таблиц Microsoft Excel. Каждая диаграмма должна быть расположена на отдельном листе файла электронной таблицы.
- 19 Ввиду чёрно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трёх цветов (чёрный, белый, серый 50%).
- 20 Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых, ГОСТ Р 7.0.12–2011) обязательна и даётся в конце текста рукописи после списка литературы.
- 21 Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учёта соавторов и хронологии.
- 22 В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, затем в других системах письма.
- 23 В одном пункте списка литературы не может быть больше одной ссылки на один том издания.
- 24 Библиографическое описание элементов списка литературы выполняется по ГОСТу Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».
- 25 Ссылка на работу, опубликованную на восточном языке, должна включать описание на языке оригинала и полный перевод описания данной публикации на русский язык.
- 26 При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (DOI), его желательно указывать.
- 27 Сведения об авторе (авторах) рукописи должны быть представлены на русском и английском языках и должны включать: фамилию, имя, отчество, учёную степень, учёное звание, место работы, должность, адрес электронной почты.
- 28 Присылаемому файлу (файлам) следует присваивать только фамилию автора (первого автора). В случае, если рукопись имеет нескольких авторов, редакция ведёт переписку с первым автором.
- 29 Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации в виде набора файлов. Адрес электронной почты: izvestyavi@yandex.ru

Детализацию требований см. на сайте издания.

Сведения о членах редакционной коллегии

- 1 Азизян Рубен Михайлович, канд. ист. наук, профессор, директор Центра исследований обороны и безопасности Университета Мэсси, Новая Зеландия.
- 2 Араи Хирофуми, старший научный сотрудник Института экономических исследований Северо-Восточной Азии (ERINA), г. Ниигата, Япония.
- 3 Барбенко Ярослав Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ (ответственный редактор).
- 4 Волынчук Андрей Борисович, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений и региональной безопасности Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доктор полит. наук, доцент.
- 5 Дударёнок Светлана Михайловна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.
- 6 Киреев Антон Александрович, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ.

- 7 Кожевников Владимир Васильевич, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела изучения Японии и Кореи Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН.
- 8 Кузнецов Анатолий Михайлович, доктор ист. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- 9 Курилов Владимир Иванович, доктор юрид. наук, профессор.
- 10 Ларин Виктор Лаврентьевич, доктор ист. наук, главный научный сотрудник, заведующий центром азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, академик РАН.
- 11 Ловцевич Галина Николаевна, доктор филол. наук, зав. кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- 12 Лукин Артём Леонидович, канд. полит. наук, заместитель директора по науке и инновациям ВИ–ШРМИ ДВФУ, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ (зам. главного редактора).
- 13 Моргун Зоя Фёдоровна, канд. ист. наук, доцент кафедры японоведения ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- 14 Николаева Ольга Васильевна, доктор филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- 15 Николаенко Валерий Дмитриевич, доктор полит. наук.
- 16 Первушина Елена Александровна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- 17 Песцов Сергей Константинович, доктор полит. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, доцент.
- 18 Поправко Елена Александровна, доктор ист. наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии материально-технического обеспечения им. А. В. Хрулёва Минобороны РФ, доцент.
- 19 Прошина Зоя Григорьевна, доктор филол. наук, профессор факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор.
- 20 Пустовойт Евгений Валерьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры японоведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, директор ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- 21 Севастьянов Сергей Витальевич, доктор полит. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, доцент.
- 22 Сторожук Александр Георгиевич, доктор филол. наук, заведующий кафедрой китайской филологии СПбГУ.
- 23 Сунь Юйхуа, доктор пед. наук, профессор, советник ректора Даляньского университета иностранных языков, г. Далянь, КНР.
- 24 Толстокулаков Игорь Анатольевич, доктор ист. наук, профессор кафедры корееведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, доцент.
- 25 Фудзимото Вакио, доктор ист. наук, ректор Осацкого университета экономики и права, почётный профессор Осацкого государственного университета, Япония; почётный доктор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.
- 26 Хаматова Анна Александровна, канд. филол. наук, профессор кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ (главный редактор).
- 27 Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филол. наук, профессор каф. русского языка и литературы ВИ–ШРМИ ДВФУ.

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 1 (49) • 2021

Редактор Я. А. Барбенко
Редактор английского текста В. Л. Завьялова
Корректор О. А. Золотухина
Компьютерная верстка В. Н. Караман
Дизайн обложки Е. А. Андреева

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-36364 от 20 мая 2009 г.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Дальневосточный федераль-
ный университет», 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский,
п. Аякс, 10.

Цена свободная

Дата выхода в свет 24.05.2021 г.
Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 6,06. Уч.-изд. л. 9,43.
Тираж 100 экз.
Заказ 122.

Отпечатано в типографии Дирекции публикационной деятельности
Дальневосточного федерального университета,
690950, Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

ISSN 2542-1611

9 772542 161006